КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXII. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

Церковь Архистратига Михаила въ Переяславѣ.

Свѣтопечать С. В. Кульженко.

ДВА ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА

(1840 и 1847 гг.).

Давно стоящее на очереди изданіе сборника писемъ Шевченка напоминаетъ о себѣ время отъ времени открытіемъ новыхъ матеріаловъ. Въ тридцатую годовщину смерти поэта, печатаемъ два письма его, относящіяся къ двумъ разнымъ эпохамъ его жизни: первое къ годамъ пребыванія въ академіи художествъ и первому времени его творчества; второе—къ первоначальнымъ днямъ десятилѣтней его ссылки. Письмо къ брату Никитѣ найдено въ с. Кириловкѣ, звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, у племянника поэта Петра Шевченка г Талько-Гринцевичемъ, сообщившимъ любопытныя свѣдѣнія о семьѣ Шевченковъ на страницахъ „Кіевской Старины“ (1889 г № 9). Второе письмо 1847 г. писано къ земляку его, недавно умершему Вас. Матв. Лазаревскому († 1890 г.), съ которымъ Шевченко въ это время былъ знакомъ только заочно. Петербургское письмо Шевченка писано на третьемъ году пребыванія его въ академіи художествъ и въ годъ изданія перваго, маленькаго „Кобзаря“, заключавшаго въ себѣ только нѣсколько лирическихъ піесъ и „Катерину“. Со времени разлуки его съ родными въ то время прошло одиннадцать лѣтъ (онъ взятъ былъ въ услуженіе къ помѣщику Энгельгардту пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ 1829 году). Этотъ промежутокъ времени, какъ свидѣтельствуетъ письмо, не ослабилъ любви его къ роднымъ и духовной связи съ ними. Онъ пишетъ старшему брату, оставшемуся послѣ смерти отца какъ бы главою семьи, но вспоми-

наетъ отдѣльно каждаго члена семейства, отъ братьевъ и сестеръ, судьба которыхъ особенно озабочиваетъ его, до стараго дѣда Ивана, вѣроятно, разсказчика преданій о гайдамакахъ. Письмо это сопровождается посылкою пятидесяти рублей ассигнаціями, деньгами безотносительно небольшими, но въ тогдашнемъ положеніи Шевченка очень и очень не малыми. Вспомнимъ, что посылавшій эти деньги былъ только два года назадъ крѣпостнымъ подмастерьемъ у маляра Ширяева, что самъ онъ, былъ проданъ еще недавно помѣщикомъ добрымъ людямъ, давшимъ этимъ способомъ ему свободу, и что для жизни своей въ Петербургѣ онъ имѣлъ, какъ кажется, лишь небольшую стипендію общества поощренія художниковъ [1]).

Заработки отъ небольшихъ заказовъ, иллюстрацій книгъ и т. п. могли у него быть лишь незначительные. Никита, какъ видно, просилъ у него денегъ въ займы, но Т. Г. энергично отвергаетъ даже мысль о займѣ между родными братьями. Дымовскій, упоминаемый въ припискѣ, по разсказу родныхъ Шевченка, переданному г. Талько-Грынцевичемъ, былъ управляющимъ въ имѣніи Энгельгардта, оставившимъ по себѣ хорошую память. Въ книгѣ г. Чалаго управляющій этотъ называется Дмитренкомъ, но не знаемъ, произошло ли тутъ смѣшеніе лицъ или дѣло идетъ о лицахъ различныхъ.

Письмо изъ Орской крѣпости не требуетъ комментаріевъ. Оно писано на шестой мѣсяцъ послѣ ссылки, въ то время, когда изъ частной квартиры Шевченка перевели въ казармы, съ строгимъ запрещеніемъ писать и рисовать. При посредствѣ земляка своего, поэтъ обращается къ Брюллову, Далю, Плетневу, ко всѣмъ въ комъ можетъ предположить участіе къ своему ужасному положенію, заклиная ихъ выхлопотать ему хотя право рисовать, какъ единственное еще, за что онъ можетъ ухватиться среди окружающаго его безпросвѣтнаго мрака. Плетневу онъ

---

[1]) Біографы Шевченка не говорятъ почти ничего о матеріальномъ положеніи его во время пребыванія въ академіи. Изъ повѣсти „Художникъ“, на половину автобіографической, можно заключить почти достовѣрно, что по освобожденіи своемъ, Шевченко сдѣлался пансіонеромъ общества поощренія художниковъ (Поэмы, повѣсти и разсказы Шевченка, стр. 293).

желаетъ напомнить о себѣ, вспомнивъ П. Бориспольца. Это былъ вѣроятно академическій товарищъ Шевченка. Въ кіевской церкви св. Андрея находится большая картина этого художника, изображающая водруженіе св. Андреемъ креста на кіевскихъ горахъ. Упоминаемыя въ этомъ письмѣ лица объяснены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Петербургскаго письма прилагается къ настоящей книжкѣ фототипія, сдѣланная въ заведеніи Кульженка.

Санктпетербургъ. Марта 2. 1840 г.

Брате Микито, треба бъ тебе полаять, та я не сырдытый. Нехай буде такъ, якъ робыця, бачъ за що я тебе хочу лаять, чомъ ты, якъ тилько получивъ мое письмо, до мене на написавъ, бо я тутъ турбувався. Трапляеця, шо письма зъ . . . . . . (слово стерлось) пропадають,—а вдруге за те, шо я твого письма не второпаю, чортъ зна по якому ты ёго скомпанувавъ, ни по нашому, ни по московскому—ни се, ни те, а я ще тебе просывъ, шобъ ты писавъ по своему, шобъ я хочъ съ твоимъ пись(мо)мъ побалакавъ на чужій сторони языкомъ людскимъ. Ну та й за те спасыби, а теперъ ще ось що. Просышъ грошей . . . . . . (нѣсколько словъ стерто) чи бигато тоби ихъ треба. Ну та гроши така ричъ, шо хочъ и сто рубливъ, то не пошкодятъ, а покы ихъ у мене не трапылось, то возьмы поки що *50 руб. асигнація*, а колы треба буде ще, то напиши. Та знай, шо мыни грихъ позычать братамъ гроши,—колы трапляця, то такъ дамъ, а колы ни, то выбачайте. Шо то якъ малярь, то вже скризь понамалевуе всякои всячини, ты выбачай, забувъ, шо письмо до тебе, та й ну малювать—задумую иноди, не тоби кажучи. Поцилуй старого дида Ивана за мене и поклонысся всій ридни нашій яка есть. Доглядай сестру Марусю, та колы можно, помагай и бидный Ярыни—а малярови поганому скажи, колы винъ не схаменеця, то опыныця тамъ де ёму и ны снылось. Кланяйся сестри Катерини и Антонови, братови Ёсыпови и всимъ, хто мене не забувъ. Може я литомъ прииду побачиця, колы матыму часъ, та наврядъ, треба першъ добре вывчиця малю(ва)ть.

Скажи Иванови Федёрци нехай винъ до мене напише письмо окроме та тилько . . . . (не разобрано), а и читаты не буду. Кланяйся ему.

Оставайся здоровъ

Твій братъ Тарасъ Шевченко.

Якъ тилько получишъ мое письмо, заразъ пиши до мене та поклоныся Ивану Станиславичу Дымовскому.

---

20 декабря 1847 г. К: О: (крѣпость Орская).

Зъ новимъ годомъ будьте здорови, любій и щирый мій земляче, де васъ Богъ носыть, чи вы вже во Питери, чи ще й доси во Одесси? Нехай де хоче носыть, та тилько шляхи таланомъ стеле, ... Тяжко, брате мій добрый, караться и самому не знаты за що. Отже такъ зо мною трапилося, спершу я смилыво заглянувъ лыхови въ очи и думавъ, шо то була сила воли надъ собою, ажъ ни, то була гордость слипая. Я не розглядивъ дна тіи бездны, въ котору впавъ. А теперъ якъ розглядивъ, то душа моя убогая разсыпалась мовъ пилына передъ лицемъ витра. Не по христіанскій, брате мій, знаю, а що жъ діяты? Оприче того шо нема съ кимъ щыре слово промовиты, опричъ нудьги, шо въ серце впилася, мовъ люта гадина, оприче всихъ лыхъ, шо душу катують,—Богъ покаравъ мене ще й тилеснымъ недугомъ, занедужавъ я спершу рематизмомъ, тяжкій недугъ, та я все таки потроху боровся зъ нымъ, и ликаръ, спасыби ёму, трохи помагавъ, и те шо я прозябавъ соби хочъ у поганій, та все таки вольніи хатыни, такъ бачите, шобъ я не зрисувавъ (бо мени рисуваты заказано) свого недуга (углемъ у комени), то и положили за благо перевесты мене въ казарми, до люлекъ, смороду и зыку. Ставъ я потрохи привыкать, а тутъ спиткала мене *цынга* лютая, и я теперъ мовъ Іовъ на гноищи, тилько мене нихто не провидае. Такъ мени теперъ тяжко, такъ тяжко, шо якбы не надія, хочъ колы небудь побачить свою безталанную краину, то благавъ бы Господа о смерти.

Такъ Днипро крутоберегій
И надія, брате,

Не дають мени въ неволи
О смерти благаты.

Иноди такъ мене нудьга за серце здавыть, шо (безъ сорома казка) ажъ заплачу.

Якбы все те росказувать, що я терплю теперъ . . . . то и за тыждень не росказавъ бы. Цуръ же йому. Нехай воно сныця тому, хто людямъ добра не хоче.

Поклонитесь гарненько одъ мене Дзюбину, якъ побачете. Добряга чоловикъ (зачеркнуто: колы вы знакомы). Нагадайте йому про *Излера* и *ростягаи*, про Адольфинку, и прочіи дыва̀. Скажить, що я його частенько згадую, N. N. Плетеневъ повиненъ мене знать, тилько нагадайте йому *П Бориспольца*. Та будьте ласкави побачтесь зъ Чернышовымъ [1]), винъ теперъ уже въ Петербурги (спытайте въ а. художествъ де винъ живе), а якъ побачитесь, то роспитайте його, чи винъ поотдававъ мои письма, шо я посылавъ черезъ його, и що йому сказано на ти письма, та попросить його одъ мене, шобъ винъ докучавъ моею прозьбою надто *Карлу Павловичу*, а зъ *Дубельтомъ* шобъ притьмомъ побачився. Якъ побачитеся зъ В. И. Далемъ, то поклонывшеся йому одъ мене, попросить його, шобъ винъ ублагавъ В. Перовского, шобъ той визволывъ мене хочъ изъ *казармъ* (сиричъ випросывъ мени позволеніе рисовать). Даль чоловикъ добрый, розумный и могущій, винъ добре знае, якъ тутъ мы пропадаемо, то тяжкій грихъ йому буде (слово зачеркнуто), якъ не схоче промовить за мене хочъ одно слово.

Докучаю я вамъ, добрый мій земляче! Та що жъ я маю робить? Якбы мени тилько рисувать було можна, то я и не журився бъ, ходивъ бы соби въ сирій шенели, поки дійшовъ бы до домовины, та все бъ таки хвалывъ Бога, а теперъ!... (зачеркнуто: цуръ) ой лышенько! и вимовить не хочиця!

Напишить до мене, колы матымете часъ, хочъ малесенькій лысточокъ, нехай хочъ трошки я зап(л)ачу добрими слиозами.

Бутьте ласкави роспитайте гарненько, де теперъ живе *Василій Андреевичъ Жуковскій*, винъ перше живъ у *Досель-*

[1]) Художникъ, посѣщавшій около этого времени Оренбургскій край.

дорфи на Рейни, а теперъ не знаю, та й прышлить мени його адресъ, а колы надрюкована його *Одисея*, то и іи пришлить, прочитавши, я отдамъ вамъ, або Ѳ. Матвѣевичу [1]). Бо, ей Богу, окроме Библіи, нема въ мене ни однисинькои кныжички.

(*1-я приписка сбоку*). Та вже чи разъ батька по лобу вдарить, чи двичи однаково, хочъ воно трохи и не до речи просыть, мовъ той старець, та що жъ робить колы нигде взять, пришлить ради поэзіи святои *Лермонтова* хочъ одинъ томъ, велыку привелыку радисть пришлете зънымъ вашому удачному и безталанному землякови Т. Ш.

(*2-я приписка на поль сверху*). Здаеця, вы знакоми зъ Василемъ Езучевскимъ [2]), колы винъ вернувся зъ дому, то якъ побачитесь, гарненько вылайте його за мене, за й(о)го щирость и добри(с)ть, и *Гилузу* свояка його, добри и щыри люде, шобъ ты знавъ, земляче.

(*3-я приписка сбоку на 1-й стр.*). Не здывуйте, Бога ради, шо на такому клаптыкови пишу до васъ, бо въ цёму Божому краи папиръ почтовый на вдывовижу.

---

[1]) Одинъ изъ пріятелей поэта—Ѳедоръ Матвѣевичъ Лазаревскій († 1890 г.), служившій въ это время въ Оренбургѣ.

[2]) Василій Осиповичъ Езучевскій и своякъ его Галузевскій—черниговцы, служившіе въ Спб.

С. Петербургъ — марта 2 — 1840.

Брате Микито, треба бъ тебе полаять, та я не сердитый.
Не вмію буть такъ якъ родичі, бо вже бъ я тебе лаявъ,
чомъ ты якъ тильно получивъ мое письмо до мене не написавъ
бо я тутъ турбувався. Трапляется, що письма зъ дороги
пропадаютъ, — а друге знать, що я твого письма не до
бравъ, чортъ зна по якому ты его скомпоновавъ ни по
нашому ни по московскому ни се ни те а я ще тебе
просивъ щобъ ты писавъ по своему щобъ я хочъ съ тво
имъ письмомъ побалакавъ на чужій стороні язикомъ
людскимъ. Ну та й за те спасибі. А теперъ ще ось що
просимъ [illegible] [illegible] щобъ [illegible] то подати [illegible]
треба. Ну та гроши така річъ що хочъ и сто
рубливъ то не пошкодятъ, а поки ихъ у мене не трев
[illegible]-то возьми поки що 50 рублъ ассигнацыя а поки тре
ба буде ще тоже пиши, та знай що ними [illegible]
позычать братнимъ гроши. Поки трапиться то
такъ даемъ а поки [illegible] бачишъ те [illegible]

Шато якъ маркизъ [illegible]
Тавже [illegible] по на
[illegible] велико
величими [illegible]
Вибачай згубивъ що писав [illegible]
дати бъ тобі [illegible] — за дурного [illegible] не [illegible]

По цилуй старого діда Ивана за мене, що й понині
всій рідні нашій знакомість, Довідайся сестру Мару-
сю та нехай молиться по нашій и бідовій Ярини — а
и Петрові Гончарові скажи коли винъ не скаженецъ
то оженитця теперъ де єму и належить. Кланяйся
Сестрі Катерині и Антонові, братові Йосипові
И всімъ хто мене не забувъ. може де нибудь
Прийду побачиться поки що тепер не часъ що теперъ
треба перш добре вчиться малювать. —
Скажи Максимові Федорові не хай винъ до мене напише
письмо скоро — та [illegible] по [illegible] а и [illegible]
[illegible] не буду — Кланяйся ему. —

Оставайся здоровъ —

Твій братъ Тарасъ

Шевченко

Якъ ти весною будешъ синъ ма
письмо зразъ пиши до
мене — та поклонись
Ивану Степановичу
Дмитровскому.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

Со второй недѣли Великаго поста, т. е. съ 14 февраля, до Страстной недѣли (22 марта) по воскреснымъ днямъ начались во дворцѣ *куртаги.* Въ прочіе дни утромъ, послѣ выслушанія докладовъ и поѣздки къ литургіи въ какой нибудь монастырь или церковь и послѣ представленій вновь пріѣхавшихъ, передъ обѣдомъ, императрица обыкновенно играла въ билліардъ съ Мамоновымъ или въ алагеръ —въ этой игрѣ всегда участвовали и другіе приглашенные, число которыхъ доходило иногда до 12 человѣкъ. Къ обѣду приглашались по очереди одинъ изъ посланниковъ, Мамоновъ всегда, очень часто Потемкинъ, графъ Штакельбергъ [1]), нашъ посланникъ въ Варшавѣ, и другіе ближайшіе люди изъ свиты, и знатные поляки, но не всѣ, а преимущественно Потоцкій, Браницкій, Сапѣга, Мнишекъ и Вьельгорскій; во время обѣда и по вечерамъ очень часто играла музыка и пѣлъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ. Къ великому посту вытребованъ былъ музыкантъ Дицъ съ тремя его товарищами. Безбородко писалъ 7 февраля къ Соймонову, управлявшему придворнымъ театромъ, „не худо если велите имъ взять ораторію Паизіелло или другую духовную музыку для составленія духовнаго концерта, ибо здѣсь есть большой оркестръ графа П. А. Румянцева, къ которому не достаетъ только нѣсколько лучшихъ талантовъ. Пѣвчіе же придворные и его могутъ пѣть

---

[1]) См. „Кіев. Старина“, 1891 г. № 1.

[2]) Штакельбергъ, графъ Отто Магнусъ, посланникъ нашъ въ Варшавѣ, род. 7 февраля 1736, ум. въ 1799 г.

всякіе роли въ священныхъ таковыхъ концертахъ, гдѣ лишняго жара и искусства не требуется [1]). Вечеромъ императрица забавлялась въ шахматы, а чаще въ карты, и къ карточной игрѣ приглашались большею частію посланники, Мамоновъ и Потемкинъ.—Мамоновъ очень хорошо рисовалъ и часто во время игры въ карты, набрасывалъ мѣломъ на столѣ каррикатуры. Императрицу это такъ забавляло, что она въ это время съ картами въ рукахъ дожидалась, когда онъ кончитъ свой рисунокъ,—конечно, игра пріостанавливалась, а потомъ всѣ посмѣются и опять за карты [2]). Въ 9 часовъ обыкновенно императрица удалялясь въ свои покои, гдѣ занималась перепискою съ великою княжною, внучкою, съ Н. И. Салтыковымъ, Брюсомъ, Еропкинымъ, Гриммомъ и др.

14 февраля, въ воскресенье, утромъ, императрица была у обѣдни въ Михайловскомъ монастырѣ [3]). Послѣ большого обѣденнаго стола въ 54 куверта, по повѣсткамъ съѣхались въ 5 часовъ во дворецъ званныя лица и посланники. Императрица, поговоривъ немного съ приглашенною во дворецъ на этотъ вечеръ графинею Потоцкою, сѣла играть въ карты съ Потемкинымъ, Мамоновымъ и англійскимъ посланникомъ; къ дверямъ у входа сѣли придворныя дамы съ кавалерами на два стола, на другомъ мѣстѣ также играли въ карты на два стола, а прочіе стояли и сидѣли, оставаясь зрителями; музыки не было; въ 10 часовъ разъѣхались [4]).

Въ придворной музыкѣ, какъ мы видѣли былъ недостатокъ, но 18 февраля прибыли изъ Петербурга вытребованные музыканты Дицъ, Раббе, Реми и Беeръ, послѣдній былъ въ числѣ солистовъ и необходимъ для Паизіелловой ораторіи, а 2-го

---

[1]) Изъ дѣлъ Трощинскаго въ Придвор. Архивѣ, св. 449.

[2]) Vie de Catherina II par Castera. Paris 1797.

[3]) По приказанію императрицы изготовлена была въ С.-Петербургѣ на суммы кабинета золотая лампада къ мощамъ святыя великомученицы Варвары, покоящимся въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; лампада привезена въ Кіевъ въ мартѣ 1788 года. При изготовленіи ее употреблено: золота 12 фун. 9 золотн. на 3,889 р. 35 к., бриллiантовъ вставлено на 7,185 р., жемчугу на 1950 р., за работу заплочено 4,500 р. (выписано изъ приходорасходной книги каб. ея величества).

[4]) Дневникъ Полетики, стр. 8.

апрѣля отправили изъ Петербурга въ Кіевъ еще 12 человѣкъ „духовыхъ“ музыкантовъ; всѣ были нѣмцы, кромѣ флейтреверсиста, Осипова [1]).

До сихъ поръ, императрица нѣсколько разъ была въ лаврѣ, но не въ пещерахъ. Духовникъ ея Іоаннъ Іоанновичъ Панфиловъ, уговорилъ ее поклониться угодникамъ Божіимъ и 15 февраля въ началѣ 12 часа, императрица, съ камеръ-фрейлиною Анною Степановною Протасовою, въ каретѣ выѣхала въ лавру; приложившись въ Успенскомъ соборѣ къ чудотворной иконѣ Успенія и къ мощамъ св. угодниковъ, въ предслѣдованіи Кіево-Печерскаго монастыря намѣстника іеромонаха Калликста и сопровождаемая духовникомъ своимъ Панфиловымъ, камеръ-фрейлиною и другими пріѣхавшими съ нею въ монастырь лицами своей свиты, императрица спустилась сперва въ верхнія пещеры; намѣстникъ называлъ святыхъ и разсказывалъ объ ихъ жизни; отсюда императрица пошла въ дальнія пещеры, гдѣ встрѣтилъ начальникъ тѣхъ пещеръ іеромонахъ Виталій; здѣсь она приняла помазаніе мѵромъ изъ *мѵроточивыя главы* и окончила богомолье въ пещерахъ въ половинѣ 2-го часа. Послѣдствіемъ посѣщенія императрицею пещеръ было пожалованіе ею денегъ въ распоряженіе духовника для изготовленія на нѣкоторыя мощи новыхъ парчевыхъ пеленъ съ позументомъ, бахрамою и кистями [2]).

На другой день, 16 февраля, императрица писала къ Брюсу:

„Я вижу, что морозы и оттепели у васъ и здѣсь въ одно время, но градусовъ восемь или десять разница; вчерась опять было градусовъ до двѣнадцати, а когда я возвращалась во второмъ часу изъ пещеръ, тогда солнце пекло такъ сильно, что въ каретѣ нестерпимо было жарко... Сіе письмо есть сего дня девятое, которое я пишу, и сама сему дивлюсь, ибо здѣсь я и всѣ чувствуютъ лѣнь и отличную охоту спать, mais aussi quand je suis sur pied, je suis leste, comme un oiseau, temoin la terrible promenade que nous avons fait hier par les catacombes et a duré au moins deux heures, car nous avons été tout partout et

---

[1]) Изъ дѣлъ Государственнаго архива. XIV, 47.

[2]) См. К.-Ф. ж. 1787 г. и Записки и письма Екатерины къ Храповицкому, № 22.

dans les plus hautes et les plus basses, et les tout à pied, aussi mon confrere l'ignorant [1]) n'en pouvait plus. A propos de cela faites mes compliments à Анна Никитична и скажи ей, что я скоро къ ней пришлю гостинцу, да такого, на который она долго будетъ радоваться. Прощайте, Богъ съ вами, мы всѣ здоровы“ [2]).

О посѣщеніи пещеръ императрица писала и къ Еропкину: „Въ верхнихъ пещерахъ мы всѣ были безъ шубъ, а въ нижнія сошедъ, было такъ жарко, что, изъ оныхъ вышедъ, не было ни единаго человѣка, который бы не вспотѣлъ такъ, какъ въ жарчайшія дни“ [3]).

18 февраля императрица провела вечеръ у графа Браницкаго. Жена его, графиня Александра Васильевна, урожденная Энгельгардтъ, была очень дружна съ императрицею; въ Кіевъ пріѣхала она съ двумя своими сыновьями. Одинъ изъ нихъ, Владиславъ, пятилѣтній мальчикъ, очень понравился императрицѣ. „Мать, насмотрясь какъ содержали великихъ князей, точно наблюдаетъ съ своимъ сыномъ мои правила, (пишетъ императрица къ Н. И. Салтыкову 20 февр.) и то столь удачно, что сей мальчикъ не только прекрасенъ собою, но притомъ таковъ, какъ только по его лѣтамъ желать можно: здоровъ, проворенъ, не упрямъ и такаго свободнаго обращенія, какъ будто съ нами вѣкъ жилъ, отнюдь не дикъ, не боязливъ, но уменъ и веселъ, такъ что кто его увидитъ, всякій къ нему привяжется. Константину Павловичу чаю бы по рукѣ пришелъ“ [4]). Молодому мальчику привили, по совѣту императрицы, оспу. „По выздоровленіи еще сталъ веселѣе и забавнѣе, и ежедневно отцу и матери покою не даетъ, чтобъ его повезли ко мнѣ (письмо къ Салтыкову апр. 18), и онъ всякій вечеръ часа по четыре и болѣе въ моей комнатѣ рѣзвится со мною, и наконецъ приступилъ ко мнѣ рѣшительно съ просьбою ѣхать со мною, и я беру съ со-

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ.

[2]) Письма къ Брюсу, напечатанные въ приложеніи къ Камеръ-Фурьерскому журналу 1787 г. подъ № 18.

[3]) См. Сочин. Екатерины II. Изд. Смирдина, стр. 337.

[4]) Р. Архивъ, 1864, стр. 954.

бою до Кременчуга, а тамъ какъ растанемся не вѣдаю: это дѣло его родителей. Надобно смотрѣть, какъ онъ дерется на шпагахъ съ prince de Ligne и тотъ съ превеликою шпагою, а маленькой Браницкой съ палкою парируетъ и съ такой замашкою, что удивительно! Этотъ мальчикъ сокровище и всѣхъ насъ очень забавляетъ" [1]).

20 февраля были имянины любимца императрицы Льва Александровича Нарышкина. Онъ жилъ въ домѣ совѣтника Вишневскаго. Поутру всѣ придворные, и кіевляне, и иностранцы, познакомившіеся съ нимъ, пріѣхали поздравить его. Онъ пригласилъ всѣхъ на балъ, назначенный въ тотъ же день.

Вся улица была освѣщена плошками на собственный счетъ Льва Александровича, а передъ домомъ играла духовая музыка. Императрица пріѣхала въ 7 часовъ, играла въ карты съ кн. Потемкинымъ, Мамоновымъ и Кобенцелемъ и послѣ ужина возвратилась въ 11 часу во дворецъ [2]).

Духовникъ императрицы руководилъ ее въ предпринимаемомъ ею посѣщеніи монастырей и церквей. 21 февраля, въ воскресенье, онъ служилъ литургію въ церкви св. апостола Андрея Первозваннаго. Церковь эта, расположенная на крутомъ холмѣ, составляющемъ сѣверную оконечность Старо-Кіевской возвышенности, считается однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ зодчества въ Россіи. Съ паперти открывается одинъ изъ лучшихъ въ Кіевѣ видовъ на Днѣпръ, сливающіяся съ горизонтомъ луговые пространства, древній Вышгородъ и низменныя части города: Подолъ и предмѣстья. Первый камень въ основаніе этой церкви положенъ императрицею Елисаветою Петровною, посѣтившій Кіевъ въ 1744 г. [3])

Императрица пріѣхала слушать литургію, въ сопровожденіи свиты, и послѣ обѣдни обошла кругомъ церкви и любовалась прелестнѣйшимъ видомъ; потомъ, какъ записано въ К.-Ф. жур-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1864 г. стр. 964.

[2]) См. Херсон. Губ. Вѣд. 1871 г. № 33. Камеръ-Ф. журналъ 1787 г. и Дневникъ Политики, стр. 9.

[3]) См. Путеводитель по Кіеву В. Д. Бублика, 1890 г. Стр. 89.

налъ, „сшедъ пѣша съ имѣющейся горы и сѣвъ въ карету, шествовать изволила ко дворцу, но недоѣзжая до онаго, благоволила остановиться у церкви, именующей *Десятинной*, гдѣ прикладывалась къ иконамъ". Возвратясь во дворецъ, она поздравила Мамонова съ подаркомъ отъ короля польскаго, который прислалъ ему въ этотъ день орденъ Бѣлаго Орла. Маіору, который привезъ этотъ орденъ, пожалована была табакерка въ 1000 руб. [1]).

22 февраля балъ у австрійскаго посланника Кобенцеля. Мѣсто хозяйки заступила племянница Потемкина статсъ-дама графиня Екатерина Васильевна Скавронская.

25 февраля генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ осматривалъ на Подолѣ всѣ училища и экзаменовалъ учителей и многихъ учениковъ, которые говорили рѣчи на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ [2]).

26 февраля императрица писала къ Брюсу: „Мы всѣ здоровы и ожидаемъ вскрытія Днѣпра, котораго на прошедшей недѣлѣ проходили не инако какъ пѣшкомъ, но со вторника навернулъ чухонской зефиръ градусовъ въ десять; сей продолжаетъ до днесь, однако, когда солнце часа на два просіяетъ, тогда не видать ни снѣга, ни льду, земля голая".

Наконецъ явились положительные признаки наступающей весенней погоды.

„Солнечные лучи въ два, три часа, разкрываютъ намъ землю безъ снѣга и льда" писала императрица 26 февраля къ великой княгинѣ въ Петербургъ. „Въ прошедшее воскресенье мы видѣли травки, росшія пучками. Къ тому же такъ было тепло, что вездѣ окна были открыты съ 12 часовъ до пяти; птицы пѣли, какъ весною".—Погода ободряла къ прогулкамъ.

4-го марта, народъ толпился около дворца, въ ожиданіи увидѣть императрицу. У подъѣзда стояла шестимѣстная карета, запряженная цугомъ, сзади нея тянулась вереница придворныхъ каретъ и колясокъ. Императрица сѣла въ карету, пригласивъ

---

[1]) См. Дневникъ Полетики, стр. 10.

[2]) Дневникъ Полетики, стр. 10.

съ собою Анну Степановну Протасову, Льва Александровича Нарышкина, Александра Матвѣевича Мамонова, посланниковъ: графа Кобенцеля и графа Сегюра. Всѣ лица свиты послѣдовали за императорскою каретою въ придворныхъ экипажахъ. Прогулка продолжалась около двухъ часовъ, на Подолъ и по другимъ улицамъ.

Во время этого осмотра города и прежде, при поѣздкахъ въ монастыри и церкви, императрица замѣтила много шатающихся нищихъ, иногда же нѣкоторые просители подбѣгали къ каретѣ, или у крыльца, или при входѣ въ церковь старались подать лично императрицѣ прошеніе и почти всегда становились на колѣни, а духовникъ, Иванъ Ивановичъ Панфиловъ, постоянно жаловался государынѣ, что нищіе не даютъ ему покоя, осаждая его въ квартирѣ съ утра до ночи съ воплями и стенаніями. Императрица нѣсколько разъ говорила объ этомъ Румянцеву, который очень огорчался, подозрѣвая въ этихъ замѣчаніяхъ императрицы навѣты на него Потемкина. Желая объяснить императрицѣ причину большого количества нищихъ, онъ донесъ императрицѣ, что „въ трехъ кіевскихъ богадѣльняхъ помѣщено только 136 мужчинъ и женщинъ и всѣ они по міру шатаются, а другіе и не нищіе, увидѣвъ теперь щедрое, милостивое подаяніе, притворяясь старостью и калѣчествомъ, надѣваютъ на себя рубище и, несмотря на строгое наблюденіе полиціи, собираются толпами около церквей, а особливо Печерской лавры и у пещеръ, а особливо безпокоятъ вашего духовника“...

Императрица отвѣчала Румянцеву въ рескриптѣ отъ 4-го марта: „принять мѣры и сдѣлать соображенія объ уменьшеніи числа шатающихся по городу Кіеву нищихъ, оставленныхъ безъ призрѣнія, отъ чего кромѣ безпокойствъ для людей могутъ происходить и другіе безпорядки“ [1]).

Кромѣ нищихъ, императрицу безпокоили *просители* разныхъ сословій, пользовавшіеся всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы подать просьбу лично императрицѣ, большею частью падая къ ногамъ или становясь на колѣни... „Во время нашего

---

[1]) Изъ дѣлъ архива К. Е. В., св. 442.

здѣсь пребыванія—писала императрица 4-го марта Румянцеву: поданы намъ самолично отъ многихъ просителей жалобы и просьбы; всѣ почти оныя найдены неосновательными и по существу дѣлъ къ подачѣ намъ не надлежащія"; вслѣдствіе чего велѣно объявить во всеобщее свѣдѣніе, чтобъ никто не смѣлъ подавать просьбы прямо императрицѣ подъ опасеніемъ строгаго взысканія [1]).

Наконецъ и Потемкинъ [2]) дождался посѣщенія его императрицею. Онъ жилъ, по собственному его желанію и выбору, въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ домѣ архимадрита лавры.

Выборъ Потемкинымъ помѣщенія для себя въ монастырѣ, а не во дворцѣ, на время пребыванія императрицы въ Кіевѣ, удивлялъ многихъ и подалъ поводъ къ слухамъ, что князь въ немилости и что графъ Румянцевъ и графъ Ангальтъ, личные его враги, успѣли очернить его въ глазахъ императрицы. Но это были только слухи ни на чемъ не основанные и Потемкинъ, въ предвидѣніи, что довѣріе къ нему императрицы не пошатнется, а увеличится, послѣ того, что онъ покажетъ ей въ южныхъ губерніяхъ и въ Крыму, велъ въ монастырѣ жизнь своеобразную, странную, повидимому, желая доказать, что онъ не потерялъ своего могущества при дворѣ и что онъ относится съ презрѣніемъ ко всѣмъ придворнымъ противъ него интригамъ.

Несмотря, однако, на неблагопріятные для него слухи, всѣ старались побывать почаще у сильнаго вельможи. Онъ принималъ пріѣзжающихъ къ нему очень разнообразно: иной разъ въ богатомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, въ орденахъ, въ кружевахъ, напудренный въ букляхъ, а иногда, лежа на широкомъ диванѣ, закутанный въ шубу, безъ галстуха, ноги полунагія въ широкихъ туфляхъ, непричесанный, немытый; рѣдко приглашалъ гостя садиться, и, будто не замѣчая его присутствія, занимался шахматною игрою. Но внѣ оффиціальныхъ пріемовъ, онъ проводилъ время въ кругу приближенныхъ и съ своими красавицами племянницами, графинями Скавронскою и

---

[1]) Архивъ каб., св. 442, д. 2.

[2]) Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ 3 февраля. Херсон. Губ. Вѣд. 1871 г. № 33.

Браницкою. Въ этихъ бесѣдахъ онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: въ высшей степени оригинальный съ блестящимъ умомъ и способностями [1].

7 марта, послѣ аудіенціи, на которой графъ Безбородко представилъ императрицѣ новыхъ пріѣзжихъ въ Кіевъ: великаго подскарбія литовскаго князя Станислава Понятовскаго, сициліанца и испанскаго гранда князя де-Бельмонти де-Вентиманео и англійскаго посланника при польскомъ дворѣ, г. Витфортна, императрица съ большою свитою была въ лаврѣ у обѣдни, послѣ которой прошла въ кельи архимандрита къ Потемкину.

Пріѣздъ къ нему императрицы въ монастырь не былъ для него неожиданностью. Онъ, наконецъ, пригласилъ ее къ себѣ на обѣдъ. Князь и племянница его, статсъ-дама графиня Скавронская, встрѣтили императрицу у подъѣзда. Передъ обѣдомъ съ императрицею играли въ шахматы: графъ А. П. Шуваловъ, графъ Кобенцель и графъ Сегюръ. Къ обѣду приглашено было 36 персонъ. Послѣ обѣда, императрица, отъѣзжая, пригласила къ себѣ пріѣхать въ тотъ же день на *куртагъ* всѣхъ гостей Потемкина и самого хозяина.

Имянины императора Іосифа, будущаго спутника императрицы во время путешествія ея въ Крыму, были великолѣпно отпразднованы въ Кіевѣ 8 марта посланникомъ его графомъ Кобенцелемъ. Вся придворная свита, всѣ знатные поляки и пріѣзжіе иностранцы были приглашены на балъ. Хозяйкою праздника графъ Кобенцель упросилъ быть статсъ-даму графиню Александру Васильевну Браницкую; этимъ выборомъ Кобенцель сдѣлалъ удовольствіе и императрицѣ, которая очень любила Браницкую, и Потемкину, какъ дядѣ графини. Императрица со всею свитою пріѣхала въ 7 часовъ, посланникъ, вмѣстѣ съ графинею Браницкою, встрѣтили ее на подъѣздѣ, при выходѣ изъ кареты. При вступленіи императрицы въ залѣ загремѣла музыка и, когда императрица сѣла играть въ карты, тотчасъ начался балъ, на которомъ жены польскихъ магнатовъ щеголяли одна передъ другою нарядами, бриллiантами и жем-

---

[1]) См. Записки Сегюра.

чугами; въ 10 часовъ всѣ были приглашены къ ужину,—для императрицы на особенномъ столѣ съ 16-ю персонами; во время ужина императрица, поднявшись со стула, стоя, провозгласила тостъ за здоровье имянинника. На другой день изъ кабинета послано, по приказанію императрицы, прислугѣ графа Кобенцеля тысячу червонныхъ, что въ то время составляло 2,900 р.[1]). Между тѣмъ пріѣзды въ Кіевъ и представленія знатныхъ поляковъ и иностранцевъ не прекращались. 11 марта графъ Безбородко представлялъ сперва въ билліардной комнатѣ, а потомъ въ аудіенцъ-камерѣ: племянника короля польскаго гетмана Тышкевича, польскаго камергера Пулавскаго, состоявшаго въ австрійской службѣ полковника князя Іосифа Понятовскаго, графа Моравскаго и шевалье де-Ламета.

О наплывѣ пріѣзжихъ въ Кіевъ императрица писала къ Н. Н. Салтыкову: „у насъ здѣсь четыре графа, грандъ д'Еспань, князья имперіи безъ счета, поляковъ тьма, англичане, американцы, французы, нѣмцы, швейцарцы, на многихъ страницахъ именъ всѣхъ не перепишешь; съ роду столько иноязычныхъ и не видала, даже и киргизы и тѣ здѣсь очутились, и все сіе по кіевскимъ хижинамъ живетъ и непонятно какъ умѣщаются“ [2]).

Послѣ представленій императрица поѣхала въ Софійскій монастырь и тамъ, въ соборной церкви Рождества Богородицы, слушала литургію, совершенную протоіереемъ собора Іоанномъ Левандою. По окончаніи службы, митрополитъ Самуилъ вышелъ изъ алтаря и сказалъ императрицѣ привѣтственное слово: „Всемилостивѣйшая государыня! Сей Божественный храмъ, на которой угодно было твоему величеству обратить свой монаршій взоръ, есть одинъ изъ достопамятнѣйшихъ древностей, въ семъ градѣ созерцаемыхъ.

Онъ есть доказательство теплоты вѣры и усердія къ Богу, великаго князя Ярослава и знакъ его благодарности за одержанную на семъ мѣстѣ преславную побѣду.

---

[1]) Изъ приходо-расходной книги кабинета.

[2]) Рус. Архивъ. 1864 г., стр. 958.

Онъ во внутренности своей открываетъ нѣкоторое начертаніе храма святыя Софіи, великимъ Константиномъ воздвигнутаго въ Византіи.

Въ немъ великій князь Владиміръ Мономахъ возложилъ первый на себя всѣ украшенія царскаго сана, со всѣмъ великолѣпіемъ христіанскимъ, обладателямъ свойственнымъ.

Въ немъ безсмертный Петръ, увѣнчанный лаврами побѣды подъ Полтавою, приносилъ торжественное благодареніе Всевышнему.

Все сіе сдѣлало его привлекательнымъ и знаменитымъ. Но отнынѣ воспріемлетъ онъ новое сіяніе славы и преимуществъ, бывъ озаренный лучами присутствія въ немъ такой монархини, которая и горячностію любви своей къ Богу, и сооруженіемъ многочисленныхъ, великолѣпнѣйшихъ храмовъ Господнихъ несравненно превзошла высокихъ своихъ предковъ, которая, держа въ десницѣ своей скипетръ, возвысила Россію паче всѣхъ царствій земныхъ и славою побѣдъ своихъ возгремѣла въ концахъ вселенныя.

Благость только Божія да соблюдетъ дражайшее твое здравіе невредимо для совершенія великихъ и богоугодныхъ твоихъ намѣреній.

Премудрость Превѣчная, Ей же сей храмъ посвященъ, да откроетъ тебѣ путь къ возстановленію того храма, котораго сей представляетъ нѣкоторое изображеніе, а насъ подъ благословенною твоею державою, да сподобитъ намъ воспѣти сію побѣдную пѣснь: „Тебѣ Бога хвалимъ!"

Императрица была очень довольна рѣчью митрополита и службою протоіерея Леванды, на котораго тутъ же, въ церкви, когда онъ подходилъ къ рукѣ ея, возложила крестъ, бриліантами украшенный, на красной лентѣ.

12 марта утромъ до 12 часа, въ столовой комнатѣ, императрица, какъ записано въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ: „была воспріемницею младенца урожденнаго отъ кіевскаго губернскаго предводителя дворянства Капниста" [1]). А потомъ въ билліард-

[1]) Автора комедіи Ябеда. Онъ получилъ въ этотъ день на крестины табакерку съ бриліантами въ 900 руб. изъ кабинета.

ной комнатѣ графъ Безбородко представилъ принца де-Линь, который въ тотъ же день былъ приглашенъ къ обѣду.

Принцъ де-Линь, пріѣхавшій въ Кіевъ, старый знакомый императрицы, былъ въ Петербургѣ въ 1786 году и, за мѣсяцъ до отъѣзда императрицы въ Крымъ, уѣхалъ въ Вѣну съ письмомъ отъ нея къ императору Іосифу II; въ письмѣ этомъ былъ маршрутъ ея путешествія. Вотъ какъ описываетъ въ это время принца де-Линя графъ Сегюръ: „онъ снова явился, какъ былъ всегда—непринужденно веселый и остроумный, полный благородства и естественности въ обращеніи, всегда въ одинаковомъ расположеніи духа, какъ человѣкъ умный и благонамѣренный, съ тѣмъ творческимъ разнообразнымъ воображеніемъ, которое всегда находитъ пищу для разговора и, несмотря на придворный этикетъ, разгоняетъ скуку“ [1]).

Принцъ де-Линь пользовался особеннымъ снисхожденіемъ императрицы на этихъ вечеринкахъ: разсказывалъ все, что только приходило ему въ голову, сочинялъ мадригалы, пѣсни, разныя смѣшныя исторіи, не оскорбляя никого, заставляя отъ души смѣяться. Въ это время императрицѣ захотѣлось выучиться писать стихи и она пригласила Сегюра быть ея учителемъ. Сегюръ старался изъ всѣхъ силъ, но безуспѣшно. Императрица оказалась неспособною къ стихотворству и сама сознала неудачу своего опыта. Англійскій посланникъ, несмотря на эти усилія и Сегюра, и императрицы, сказалъ ей: нельзя же стремиться во всемъ къ славѣ, надобно удовольствоваться стихами, которые вы сочинили для вашей собачки и для вашего медика:

Ci gît la Duchesse Anderson [2])
Qui mordit monsieur Rogerson [3]).

Между тѣмъ изъ Кіева переговоры шли съ королемъ польскимъ о свиданіи съ нимъ во время путешествія.

13 марта пріѣхалъ въ Кіевъ коронный маршалъ графъ Мнишекъ, женатый на племянницѣ польскаго короля Стани-

---

[1]) Записки графа Сегюра 1785—1789 гг. Изд. 1865 г., стр. 135.

[2]) Любимая собачка Екатерины II.

[3]) Докторъ императрицы.

слава-Августа Понятовскаго [1]). Онъ привезъ письмо отъ короля, который увѣдомлялъ императрицу, что будетъ ожидать ее въ Каневѣ. Мнишекъ въ тотъ же день явился во дворецъ, и, представленный императрицѣ графомъ Безбородко, подалъ ей письмо короля. Императрица съ большимъ участіемъ распрашивала графа Мнишека о польскомъ королѣ, объ его здоровьѣ, о его путешествіи и о послѣднемъ пребываніи въ Висніовицѣ [2]). Послѣ разговоровъ съ Мнишкомъ императрица вышла въ билліардную палату, гдѣ и были представлены графъ Мошинскій и князь Любомирскій, но это еще не былъ конецъ представленіямъ,— рядомъ съ билліардною комнатою ее ожидали графъ Потоцкій, графъ Диланъ и два сына принца де-Линя. По возвращеніи отъ обѣдни изъ лавры, опять представленіе, но только женское: статсъ-дама графиня Александра Васильевна Браницкая представила ей графиню Мнишекъ, которую императрица приняла необыкновенно ласково и также распрашивала о королѣ Станиславѣ. Графъ и графиня Мнишекъ были приглашены къ обѣду, за которымъ находились только самые ближніе, въ томъ числѣ и Потемкинъ [3]). Въ этотъ день графъ Мнишекъ получилъ въ подарокъ табакерку съ портретомъ императрицы въ 6,500 р.

Депутаты киргизской меньшой орды пріѣхали еще 4 марта [4]), но чтобы великолѣпнѣе было ихъ представленіе императрицѣ, по совѣту Потемкина, имъ сшили платья и убранства. Они пріѣхали, по обыкновенію, съ приставомъ и своею прислугою. На одежду, на кормленіе и на жалованье приставу и прислугѣ, во время пребыванія ихъ въ Кіевѣ, употреблено изъ суммъ кабинета 3,600 руб. [5]).

---

[1]) Станиславъ-Августъ Понятовскій, послѣдній король польскій, род. 7 января 1732 г. Избранъ королемъ въ сентябрѣ 1764 года, отрекся отъ престола въ Гроднѣ въ ноябрѣ 1795 г., ум. въ Петербургѣ 31 января 1798 г.

[2]) Дневникъ, веденный во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Кіевѣ и въ Каневѣ „одною изъ придворныхъ дамъ короля Станислава-Августа". „Сынъ Отечества". 1843 г. Мартъ, стр. 25.

[3]) К.-ф. ж. 1787 г.

[4]) Дневникъ Полетики, стр. 12.

[5]) Книга приходо-расходная кабинета е. в.

14 марта султанъ Джіангиръ, и при немъ шесть старшинъ, двое первостатейныхъ киргизовъ и изъ россійскихъ татаръ, одинъ мулла и приставъ, иркутскаго драгунскаго полка капитанъ Суворовъ, привезены были во дворецъ въ придворныхъ экипажахъ и ожидали императрицу въ аудіенцъ-залѣ, гдѣ постъ сержантовъ. Императрица отправляясь къ литургіи въ лавру и проходя черезъ аудіенцъ-камеру, пожаловала всѣхъ киргизовъ и бывшихъ съ ними къ рукѣ, послѣ рѣчи, которую сказалъ государынѣ султанъ на своемъ языкѣ [1]).

Несмотря на частыя празднества, почти ежедневные оффиціальные пріемы, балы и поѣздки въ монастыри и церкви, императрица не утомлялась благодаря правильному распредѣленію часовъ своего дня. Удаляясь въ 9 час. вечера въ свой кабинетъ, она занималась перепискою съ великою княгинею, съ внучатами, съ Н. И. Салтыковымъ, съ Брюсомъ, Еропкинымъ и съ иностранцами-друзьями. Ближнимъ своимъ посылала подарки.

15 марта она писала къ Брюсу: „письмо ваше отъ 7 марта я получила и съ приложеніями, здѣсь слѣдуютъ мои отвѣты. Прилагаю три золотыя кольца великомученицы Варвары, прошу оныхъ разослать къ графинѣ Марьѣ Андреевнѣ Румянцевой, къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Матюшкиной [2]) да къ кн. Дарьѣ Алексѣевнѣ Голицыной [3]). Еще приказала къ вамъ отправить превеликаго тюка съ турецкими парчами здѣшней ярмарки, прошу оныхъ отдать такъ, какъ на каждой связкѣ на обѣ стороны надписано, а именно: графинѣ Марьѣ Андреевнѣ Румянцевой, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Матюшкиной, кн. Дарьѣ Алексѣевнѣ Голицыной, Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной (сей вы скажите, что парча есть другой гостинецъ, а третій вскорѣ послѣдуетъ [4]); еще генеральшѣ Ливеной; буде онѣ моими пар-

---

[1]) К.-ф. журналъ 1787 г.

[2]) Оберъ-гофмейстерина, супруга дѣйствительнаго камергера графа Дмитрія Михайловича Матюшкина, урожденная княжна Гагарина.

[3]) Статсъ-дама, супруга генералъ-фельдмаршала князя Алекс. Михайловича Голицына, урожденная княжна Гагарина, родная сестра графини А. А. Матюшкиной.

[4]) Третій подарокъ, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ императрицы, былъ орденъ св. Екатерины, пожалованный Нарышкиной черезъ нѣсколько дней (21 марта) и посланный ей въ Петербургъ съ нарочнымъ.

чами недовольны будутъ или имъ покажется мало на платье, то выпросите у нихъ оныхъ себѣ на покрытье тулупа. Я здорова. Погода паки поправляется, а Днѣпръ пребываетъ недвижимъ, такъ какъ я пребываю къ вамъ доброжелательна".

17 марта, послѣ обѣда, въ 3 часу, императрица со всею свитою, въ экипажахъ сдѣлала большую прогулку къ Китаеву монастырю, на р. Днѣпръ, гдѣ стояли приготовленныя для воданаго путешествія галеры и суда. Императрица осмотрѣла галеру „Днѣпръ", для нея предназначенную. Показывалъ императрицѣ адмиралъ Петръ Ивановичъ Пущинъ; она благодарила его и всѣхъ тутъ бывшихъ флотскихъ офицеровъ [1]).

Приближалась Страстная недѣля, для церковной службы во дворцѣ, по неимѣнію тутъ постоянной церкви, 19 марта, въ пятницу Вербной недѣли, въ столовой комнатѣ, передъ заломъ, поставлена была походная церковь лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка во имя Святителя Николая и въ тотъ же день освящена духовникомъ императрицы.

Прибытіе въ Кіевъ польской знати не прекращалось. Въ Вербное Воскресеніе особенно многолюдно было представленіе, такъ что графу Александру Андреевичу Безбородко одному уже не подъ силу было и въ помощь ему для представленія императрицѣ пріѣзжихъ явился камергеръ Валуевъ. До отъѣзда императрицы въ лавру къ обѣднѣ ей были представлены: нашъ посланникъ въ Неаполѣ, графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, бискупъ смоленскій и коадъюторъ Адамъ Нарушевичъ, польскіе графы Плятеръ, Сангушко, Северинъ Потоцкій, шамбеланъ Сватовскій, депутаты отъ дворянства бѣлорусской губерніи. По возвращеніи изъ лавры, передъ обѣдомъ, къ которому приглашены, между прочими, съ женами графъ Мнишекъ и графъ Браницкій, императрица пригласила къ себѣ въ спальню графиню Мнишекъ и графиню Браницкую. Всѣ съѣхавшіеся по приглашенію къ обѣду ожидали выхода императрицы и загадывали, отчего такъ долго. Вдругъ императрица вышла въ залу и обратясь къ гр. Мнишеку, спросила его: „не безпокоитесь ли

[1]) К.-ф. журналъ. 1787 г.

вы о женѣ вашей? Она скоро выйдетъ, а теперь занята туалетомъ". Вслѣдъ за этими словами взошли въ залу графиня Мнишекъ и графиня Браницкая въ орденскихъ знакахъ св. Екатерины. Мужья пожалованныхъ приносили благодаренія императрицѣ, а также Потемкинъ за свою племянницу (Сынъ Отечества. 1843 г. Мартъ, стр. 25 и К.-ф. журналъ 1787 г.). Пожалованныя екатерининскіе кавалеры разсказали о милости къ нимъ императрицы, которая сама надѣвала на нихъ этотъ орденъ.

Придворный кружокъ въ это время ожидалъ въ билліардной и шептались между собою, особенно дамы, дѣлая разныя предположенія, для чего Браницкая и Мнишекъ были приглашены къ императрицѣ. Недолго пришлось имъ ожидать развязки. Императрица сама привела къ придворному кружку новыхъ *„екатерининскихъ" кавалеровъ.*

Можно представить себѣ удовольствіе графа Мнишека за жену свою, потому что въ это время всѣ пріѣзжія польскія дамы добивались и хлопотали черезъ Мамонова и Потемкина о пожалованіи имъ этого ордена (Смоленск. Губ. Вѣд., 1871 г. и К.-ф. ж. 1787 г.).

Въ этотъ же день императрица послала съ нарочнымъ орденъ св. Екатерины и Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной. „Надѣюсь, писала 23 марта императрица къ гр. Брюсу, что третій гостинецъ до Анны Никитичны доѣхалъ. Увѣдомьте меня, какое дѣйствіе учинилъ?" Дѣйствіе было слѣдующее: Анна Никитична получила *гостинецъ* 29 марта вечеромъ и тотчасъ разослала всѣхъ оффиціантовъ въ разныя церкви для принесенія благодарственныхъ Богу моленій (см. Записки Гарновскаго. Рус. Старина. 1876 г.).

По поводу этихъ пожалованій графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, находившійся въ Кіевѣ съ дочерью своею въ свитѣ императрицы, писалъ 21 марта въ Москву къ другу своему бывшему оберъ-камергеру князю Александру Михайловичу Голицыну: „севодня, въ Вербное Воскресеніе, ея величество пожаловала кавалерскимъ орденомъ св. Екатерины графиню Мнишекъ, жену коронпаго оберъ-маршала, короля польскаго пле-

мянницу, графиню Браницкую и Анну Никитичну Нарышкину. *Я чай никогда еще не бывало, чтобъ три вдругъ сдѣланы были*".

Вмѣстѣ съ этимъ Чернышевъ, зная какъ любитъ Москва всякія придворныя извѣстія, сообщилъ о Румянцевѣ: „Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ дѣйствительно былъ нездоровъ, выкидалось на головѣ и на лицѣ, однако теперь легче, но со всѣмъ тѣмъ говоритъ, будто онъ думаетъ отъ всѣхъ дѣлъ увольненія просить, считая себя совершенно слабымъ и не въ состояніи продолжать болѣе никакой службы, а особливо военной".

Голицынъ отвѣчалъ Чернышеву: „что скажутъ наши древнія статсъ-дамы о пожалованныхъ орденахъ? Хотя, впрочемъ, сія отличность и не слѣдуетъ старшинству, а милости". О намѣреніи же Румянцева выйти въ отставку Голицынъ отвѣчалъ: „графъ Задунайскій давно говоритъ о своей отставкѣ, но говорить и дѣлать двѣ вещи весьма разныя, а какъ онъ и до сихъ поръ онаго не исполнилъ, то можетъ быть, по примѣру себѣ подобныхъ знатныхъ мужей, умретъ безъ отставки. Кажется, что люди, пріобыкшіе къ знатности и командовать и любя оныя почести, рѣдко сами съ ними разстаются" [1]).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Бумаги князей Голицыныхъ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1]

(ОКОНЧАНІЕ).

ГЛАВА V.

Козаки.

Въ этой главѣ намъ предстоитъ закончить нашъ очеркъ изложеніемъ наказовъ малороссійскихъ козаковъ и Запорожья— такихъ общественныхъ группъ, которыя вскорѣ послѣ созыва екатерининской коммиссіи сошли со сцены и сдѣлались нынѣ достояніемъ исторіи. Что касается малороссійскихъ козаковъ, отъ которыхъ у насъ имѣется всего 4 наказа, то о нихъ необходимо сказать, что въ эпоху призыва ихъ въ коммиссію они не составляли уже того могущественнаго съ политическимъ вѣсомъ и силою сословія, какъ во время Б. Хмельницкаго и „возсоединенія". Въ екатерининскіе дни козачество переживало уже состояніе полнѣйшаго разложенія полу-военнаго—полу-гражданскаго быта и устройства; оно выжило изъ традиціонныхъ формъ, созданныхъ предъидущимъ столѣтіемъ и исторической обстановкой, но не вступило на новый соціальный путь и кое-какъ сохраняло свой историческій обликъ, хотя подъ нимъ ужъ таилось новое содержаніе и завязывались новые ростки жизни.

Козаки формально еще основывали свое устройство и управленіе на пунктахъ Б. Хмельницкаго, но политическія условія

---

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 1.

Малороссіи, быта и организаціи козаковъ уже измѣнились: козачество, войдя въ составъ новаго политическаго тѣла, потеряло свои историческія функціи. Втеченіе болѣе полувѣка его основы были расшатаны, а наступившіе порядки не давали ему никакой опоры, и оно, такъ сказать, претворяясь въ другую массу, медленно сбрасывало съ себя свои соціальныя оболочки. Во время призыва въ коммиссію, хотя договорные пункты не были отмѣнены, отъ нихъ въ сущности ничего не осталось: у козаковъ не было гетмана, генер. старшина не была выбираема, не было обычая созыва „радъ" по дѣламъ первой важности, не существовало на дѣлѣ и вольнаго избранія полковниковъ, сотниковъ и пр. Малороссія давно потеряла характеръ автономной области, заполнилась великорусскими войсками и чиновниками, и Румянцевъ распоряжался въ ней, какъ губернаторъ въ любомъ русскомъ городѣ... Но это преобразованіе гетманщины пока двигалось сверху, снимались, такъ сказать, верхніе слои, выдѣлявшіе Украйну отъ остальныхъ частей россійской имперіи, наиболѣе же глубокимъ слоямъ предоставлялось разлагаться самимъ собою, хотя въ то же время необходимость радикальной реформы Малороссіи сверху до низу и, главное, козацкихъ порядковъ была сознана и стояла на очереди.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка военный строй Малороссіи съ его архаическими, крайне несложными, не дифференцированными, но произвольными порядками, представлялъ рѣшительный контрастъ своему времени и даже тѣмъ слабымъ требованіямъ цивилизованнаго государства, которыя были тогда доступны пониманію русскихъ политиковъ.

Обособленность козаковъ и ихъ порядковъ съ теченіемъ времени стала анахронизмомъ едва ли полезнымъ для самаго козачества. Это отчасти поняли уже его верхніе слои—старшины и шляхетство, хлопотавшіе въ своихъ наказахъ не столько о козацкихъ, сколько о своихъ панскихъ, землевладѣльческихъ интересахъ.

Какъ военная сила, козаки также утратили свое нѣкогда весьма внушительное значеніе. Въ XVII вѣкѣ они составляли

главное населеніе Украйны, съ которымъ приходилось считаться; они были сильны не только, какъ войско, но и нравственно— единствомъ и ясностью своихъ идеаловъ и сознаніемъ своего политическаго значенія. Тогда русское правительство вынуждено было ласкать козаковъ и ладить съ ними даже цѣною сохраненія ихъ привилегій, такъ какъ этимъ, во-первыхъ, закрѣплялся за нимъ присоединившійся край, а во-вторыхъ, въ его распоряженіи являлась всегда готовая военная сила противъ общихъ враговъ—турокъ, поляковъ, татаръ. Самъ Петръ Великій, безпощадно ломавшій все, что противорѣчило его идеѣ государства, не отказывалъ въ нѣкоторыхъ уступкахъ козакамъ. Но со временемъ эта необходимость исчезла: край былъ закрѣпленъ, а военное значеніе козаковъ пало. Что могла значить при Екатеринѣ II, въ дни развитія военнаго искусства и огромныхъ регулярныхъ армій, двадцатитысячная армія плохо дисциплинированныхъ и вооруженныхъ козаковъ? Естественно, что эта сторона дѣла не могла уже оправдывать существованія особой гетманщины и не могла остановить сліянія съ Россіей.

Сколько можно судить по наказамъ, козаки сами не были довольны своими порядками, своимъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ и желали реформъ, но въ томъ ли духѣ какъ и правительство или въ иномъ,—это читатель увидитъ изъ нашего бѣглаго обзора содержанія ихъ наказовъ. Посмотримъ сначала, каково было сословное положеніе козаковъ.

Какъ мы сказали, козаки сохраняли еще свою историческую, соціальную форму: они составляли свободное сословіе людей, пользовавшихся извѣстными правами и обязанныхъ исключительно военною службой. Права ихъ, какъ сословія, по закону, ничѣмъ не отличались отъ шляхетскихъ, такъ какъ само шляхетство представляло изъ себя ничто иное, какъ верхній, чиновный слой того же козачества. Если и было между такъ называемымъ шляхетствомъ и козачествомъ какое-либо соціальное отличіе, то не въ правахъ, а въ экономическомъ положеніи, съ чѣмъ связывалось и извѣстное предпочтеніе одному сословію передъ другимъ, то предпочтеніе, которое оказываютъ богатству передъ бѣдностью. Шляхетство владѣло населенными деревнями

и селами, козаки владѣли только грунтами, за которые и отбывали военную службу. Въ этомъ ихъ отличіе; но и простому козаку, какъ мы говорили въ предшествовавшихъ главахъ, не былъ закрытъ доступъ въ ряды шляхетства: достаточно было быть избраннымъ въ старшинскія должности, получить извѣстный урядъ, чтобы выйти изъ рядовъ простолюдиновъ и попасть въ „значные“ козаки, а затѣмъ и въ шляхетство. Такъ и было въ старину: среда козаковъ, какъ волна, колыхалась, одни лица подымались вверхъ по ступенямъ общественной службы и вытягивали за собой своихъ родственниковъ, другія опускались и въ своемъ паденіи увлекали и своихъ приближенныхъ, такъ что пока было избраніе старшинъ вольными голосами, пока не было рѣзкой экономической розни, подняться и опуститься въ козацкой средѣ было очень легко. Но когда вольное избраніе стало пустой формальностью, когда правящая старшина обзавелась по пожалованіямъ отъ гетмановъ и царей, а часто и по праву сильнаго, деревнями и различными маетностями, то колебаніе козацкой среды стало утихать и возникло сначала слабое, а затѣмъ проведенное съ рѣзкостью, указывающей на оформленіе сословій—различіе простыхъ козаковъ отъ старшинскихъ родовъ—шляхетства. Въ екатерининское время козаки составляли уже сѣрую безгласную массу, не только не воздерживавшую старшинъ своимъ правомъ вольнаго избранія, но безусловно ставшую отъ нихъ въ зависимость и въ жизни экономической, и въ управленіи. Шляхетское право козаковъ, о которомъ упоминаютъ наказы, не имѣло въ жизни почти никакого примѣненія. Въ соціальномъ отношеніи козаки представляли классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, стоявшій среди двухъ общественныхъ группъ: шляхетства и посполитыхъ.

Къ первымъ они примыкали по историческому, такъ сказать, родству, по общности своей воинской службы и связаннымъ съ ней послѣдствіямъ—козацкому управленію и суду; со вторыми они были связаны экономическимъ положеніемъ, яснѣе говоря матеріальной бѣдностью. Затѣмъ соціальная связь этихъ сословій поддерживалась тѣмъ, что среда козаковъ не отличалась замкнутостью: продавшій свой грунтъ козакъ записывался

за владѣльца, а купившій его посполитый крестьянинъ могъ записаться въ ряды козаковъ или подпомощниковъ, такъ какъ пріобрѣтеніе козацкаго грунта, по свидѣтельству наказа малороссійской коллегіи, было первымъ къ тому средствомъ. Впослѣдствіи вышедшій изъ козаковъ могъ снова отыскивать свое право на козачье званіе и такіе случаи были настолько часты, что по свидѣтельству того же наказа, „смѣшеніе козаковъ съ посполитымъ народомъ свойствомъ и грунтами было безконечное и безпрерывное", и малороссійская коллегія, находя его вреднымъ, просила запретить „писаніе въ козачество", повелѣвъ, чтобы „кто при нынѣшней въ Малой Россіи генеральной описи гдѣ состоитъ, тому ужъ такъ быть и о козачествѣ молчать" [1]. Съ посполитыми козаковъ связывала также и общность исполняемыхъ работъ и государственныхъ повинностей.

Такимъ образомъ положеніе козаковъ, какъ сословія, съ одной стороны имѣвшихъ право на пользованіе „шляхетской "честью и правами, а съ другой, нерѣдко добровольно, а иногда и вынужденно записывавшихся за владѣльцевъ и обремененныхъ мужичьими повинностями, было довольно неопредѣленное и скорѣе приближало ихъ къ поспольству, чѣмъ къ шляхетству. Однако, несмотря на совершавшійся въ этомъ духѣ процессъ, у козаковъ не утратились живыя понятія о своей чести и о своей связи съ малороссійскимъ шляхетствомъ и объ обѣщаніи русскаго правительства содержать козачество при его правахъ и вольностяхъ. Поэтому въ козацкихъ наказахъ мы постоянно встрѣчаемся со ссылками на привилегіи о томъ, что „*козакъ долженъ пользоваться козацкою вольностью и честью дворянской*" [2], что „*козаки издревле состояли на тѣхъ же которыя для шляхетства узаконены правахъ и... тѣми же, что и шляхетство преимуществами пользовались*" [3] и т. д. Нечего и говорить, что при такихъ идеализированныхъ взглядахъ на положеніе козаковъ въ старину и при крайне незавидномъ совре-

---

[1]) Сб. Р. Им. Ист. Об. т. 43, стр. 233.
[2]) Нак. 142.
[3]) Ibid. 153.

менномъ положеніи козаки тянулись къ прошлому, въ такомъ розовомъ видѣ имъ представлявшемуся. Во всѣхъ наказахъ они просили, „чтобы имъ было подтверждено дворянское достоинство и честь, чтобъ они въ томъ въ вольности козацкой пользовались и пребывали ненарушно“ [1]) или, какъ выражались стародубскіе козаки, „чтобы въ правахъ и выгодахъ содержаны были противъ шляхетства“ [2]). Козаки, стоя на исторической почвѣ, не различали себя отъ шляхетства и, закрывая глаза на дѣйствительность, не желали видѣть, что время уже положило рѣзкую грань между ними и заправскимъ шляхетствомъ и что главный факторъ въ этомъ процессѣ былъ экономическій. Установивъ фактъ, нельзя не остановиться на вопросѣ, что же собственно представляли собой стремленія козаковъ и хлопоты ихъ о шляхетскомъ правѣ, чести и достоинствѣ? Понималось-ли ими шляхетское достоинство въ томъ смыслѣ, какъ его понимало само шляхетство, т. е. добивались ли козаки нобилитаціи и заботились объ укрѣпленіи на „потомніе часы“ своего благородства, или здѣсь шло дѣло не о такихъ недоступныхъ сѣрой массѣ желаніяхъ, а о болѣе насущныхъ потребностяхъ? Не нужно много доказывать, что генеалогическіе предразсудки не могли занимать козаковъ и что ихъ просьбы о шляхетскомъ правѣ имѣли въ наказахъ совершенно экономическую подкладку. Нужно замѣтить, выраженіе „шляхетскія права“ въ наказахъ очень часто фигурируетъ вмѣстѣ съ выраженіемъ „козацкія вольности“; они другъ друга дополняютъ и замѣняютъ, и хлопоты козаковъ о шляхетскихъ правахъ были въ сущности хлопотами о козацкихъ вольностяхъ, состоявшихъ, по исчисленію черниговскаго наказа, въ вольномъ избраніи старшинъ для суда и управленія, въ свободѣ въ своихъ „добрахъ“, въ винномъ промыслѣ, продажѣ вина, пива, меду и др. напитковъ въ своихъ домахъ, по городамъ и селамъ, въ исключительной обязанности отбыванія военной службы и въ свободѣ отъ податей и прочихъ тягостей. Это былъ составъ обычныхъ козацкихъ вольностей, а по

[1]) Нак. 159.
[2]) Ibid. 153.

позднѣйшему выраженію, шляхетскихъ правъ, такъ какъ въ послѣднее время козаки уже не пользовались всѣми своими вольностями и онѣ только до нѣкоторой степени сохранялись еще въ шляхетской средѣ, составляя ея „права“. Главная часть ихъ, какъ мы видимъ, состояла въ экономическихъ льготахъ—свободѣ промысловъ и въ особенности свободѣ отъ податей и другихъ повинностей, кромѣ военной службы; потому-то этихъ шляхетскихъ „правъ“ и добивались козаки, сравненные въ послѣднее время по отбыванію многихъ повинностей съ посполитыми крестьянами, а не съ шляхетствомъ. Переходя къ экономическому состоянію козаковъ, мы должны сказать, что и въ этомъ отношеніи козаки занимали средину между шляхетствомъ и посполъствомъ. Не обладая такими достатками, какъ первое, они не были въ то же время и вполнѣ безземельными, какъ большинство посполитыхъ, хотя и среди нихъ была масса „малогрунтовыхъ“, предпочитавшихъ иногда, во избѣжаніе тягостей службы, переходить въ посполитые. Козаки представляли классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, переходную ступень отъ шляхетства къ посполитымъ и въ общемъ ихъ экономическое положеніе было довольно плохое. Въ наказахъ находится не мало жалобъ козаковъ на свое нищенство, разореніе, оплошность и несостоятельность къ козачьей службѣ. Причинъ этого явленія, по указанію самихъ козаковъ, двѣ: одна внутренняя—разложеніе недифференцированной козацкой среды на старшинскую аристократію или шляхетство и простое козачество, а вторая внѣшняя—нарушеніе козацкихъ вольностей тяжестью государственныхъ работъ, повинностей и налоговъ. Обращаясь къ первой, мы замѣтимъ, что по мѣрѣ обособленія въ Малороссіи крупнаго старшинскаго землевладѣнія и шляхетства съ одной стороны и обезземеленнаго посполъства съ другой, положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ-козаковъ становилось крайне не безопаснымъ въ смыслѣ ихъ гражданской свободы и устойчивости земельной собственности отъ натиска болѣе крупныхъ и вліятельныхъ старшинъ-землевладѣльцевъ; на Малороссіи подтвердился еще разъ общій законъ, что крупные и сильные поземельные собственники всегда имѣютъ склонность порабощать болѣе мелкихъ,—

козацкіе грунты сплошь и рядомъ стали переходить въ старшинскія и владѣльческія руки и козаки обезземеливались. Этому много способствовали и побочныя явленія козацкой жизни, какъ то: тягость военной службы, обременительные налоги, далекіе походы, высылка на изнурительныя работы и пр., такъ что выгоднѣе и спокойнѣе было иногда продать свой грунтъ и записаться за богатаго владѣльца. Чтобы воспрепятствовать умаленію числа козаковъ, вызываемому продажей грунтовъ, русское правительство стремилось ограничить эти продажи и въ этомъ смыслѣ были изданы указы, запрещавшіе скуплю козачьихъ грунтовъ, такъ какъ козаковъ желательно было сохранить для военныхъ надобностей. Появленіе этихъ указовъ, направленныхъ къ поддержанію козачества, мы полагаемъ, не только констатируетъ экономическое разореніе козаковъ, но и доказываетъ, что оно шло извнутри отъ своихъ же собратьевъ-старшинъ, утратившихъ истый козацкій духъ и превратившихся въ пановъ-землевладѣльцевъ. Чѣмъ выше поднимались по соціальной лѣстницѣ украинскіе „державцы", тѣмъ сильнѣе они забывали дѣйствительные интересы козачества и тѣмъ дальше оттѣсняли его къ посполитымъ крестьянамъ. Къ разсматриваемому времени масса козаковъ состояла уже въ подданствѣ частныхъ владѣльцевъ, выйти изъ-подъ власти которыхъ было очень мало шансовъ; даже при счастливомъ исходѣ отысканіе козачества не всегда было полезно, такъ какъ козакъ выходилъ отъ владѣльца безъ грунта и становился пролетаріемъ. Уменьшеніе въ числѣ козаковъ, однако, пополнялось вступленіемъ въ этотъ классъ лицъ изъ мѣщанъ и посполитыхъ крестьянъ, такъ что въ Малороссіи постоянно происходила перетасовка сословій и мѣстъ жительства—козачество поступало въ посполльство, а посполльство по старинному обычаю рвалось въ козачество или хотя бы въ козацкіе подсусѣдки. Такимъ образомъ между козачествомъ и посполльствомъ установилась близкая связь, но за то, благодаря именно этой близости, козаки отдалялись отъ шляхетства, правами котораго они стремились пользоваться. Благодаря перетасовкѣ сословій, число козаковъ не уменьшилось, ихъ было по

послѣдней ревизіи 71,604 хаты [1]), но экономическое положеніе ихъ настолько разстроилось, что рѣдко какой козакъ былъ въ состояніи въ полной исправности нести свою службу. При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1736 году въ Малороссіи едва могло сыскаться 20 т. годныхъ къ службѣ козаковъ, ихъ принуждены были разбирать по статьямъ и убогихъ отдавать въ подмогу зажиточнѣйшимъ, т. е. въ такъ называемые подпомощники, но въ 1764 г. старшина и шляхетство писали [2]) въ своемъ прошеніи о возстановленіи правъ, что изъ 20 т. едва-ли половина найдется исправныхъ къ службѣ. Мы не можемъ рѣшить, насколько тяжесть службъ и повинностей, а насколько обезземеленіе державцами и старшинами привели козаковъ къ такой маломощности, но фактъ остается фактомъ и козаки въ эпоху призыва въ коммиссію представляли совершенно безсильное и въ экономическомъ и въ соціальномъ отношеніи сословіе.

Черниговскій наказъ даетъ несомнѣнныя свидѣтельства, что многимъ въ своей неприглядной жизни козаки были обязаны именно владѣльцамъ и старшинамъ. Въ старое время—говорится въ немъ [3]),—козаки отправляли военную службу успѣшно потому, что имѣли у себя достаточно пахатныхъ полей, сѣнокосовъ, лѣсовъ, мельницъ и др. угодій, но въ описываемые дни, за утѣсненіемъ владѣльцевъ и всякаго званія старшинъ, эта служба стала имъ въ тягость, такъ какъ означенныя лица лишаютъ всякими способами ихъ владѣній. Происходитъ это, по описанію наказа, обыкновенно такимъ образомъ, что, какъ только неосѣдлые сотникъ и сотенная старшина вступятъ въ свою должность, то сейчасъ же начинаютъ искать козачьяго грунта для устройства двора и постройки на немъ жилой избы, затѣмъ къ дворамъ прикупаютъ у козаковъ черезъ „угроженія и ласкательства“ пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы и всѣ лучшіе грунта, причемъ даже не столько покупаютъ, какъ „завлаживаютъ“, а самихъ козаковъ „хитрыми способами утискиваютъ“. Вытѣснивъ козаковъ со дворовъ, старшина ихъ же къ

---

[1]) Малороссія въ 1767 г. Асвѣенко. 149 стр.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1883 г. № 7.

[3]) Нак. 144.

себѣ „привлащиваетъ", т. е. обращаетъ въ владѣльческихъ крестьянъ, кромѣ того иныхъ козаковъ старшина употребляетъ въ партикулярныя работы, а другихъ укрываетъ отъ законныхъ повинностей, отчего козаки, не пользующіеся покровительствомъ, несутъ двойную службу. Но самоуправство старшины на этомъ не останавливалось: „отъ великихъ тяжебъ, боевъ и страховъ", причиняемыхъ ею, иные козаки даже бросали своихъ женъ, дѣтей и имущество и уходили въ подсусѣдки, за рубежъ и вообще въ безвѣстныя мѣста, лишь бы освободиться отъ старшинскаго своевольства и беззаконія. Причины „отпаденія" козаковъ отъ военной службы, черниговскій наказъ видѣлъ именно въ томъ, что „многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины не только имѣнія козачьи поотнимали насильно по куплѣ и всякимъ сдѣлкамъ, но и самихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство и несутъ общія съ мужиками тяжбы... (тягости). Почему въ умаленіи козачьихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козачьихъ отошло и козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ за таковыхъ несучи излишнюю службу, приходятъ въ крайнее разореніе и оплошность". Процессъ „завлаживанія" земель и „привлащенія" козаковъ, по словамъ того же наказа, продолжался и въ самые послѣдніе дни, такъ какъ владѣльцы и старшины не обращали никакого вниманія на запретительные по этому предмету указы. Чтобы учинить козакамъ облегченіе и охранить ихъ службу на будущее время, черниговскій наказъ просилъ, чтобы вольныя козацкія земли и люди были отобраны отъ владѣльцевъ и чтобы послѣднимъ и старшинамъ было запрещено „завлаживать куплей и всякими способами козацкими землями", а для того, чтобы козаки могли оказывать давленіе на свою старшину, они просили подтвердить привилегію избранія старшинъ вольными голосами. Съ этимъ разумнымъ желаніемъ черниговцевъ ограничить переходъ козачьихъ земель новымъ узаконеніемъ соглашались, однако, не всѣ наказы. Прилуцкіе и миргородскіе козаки, въ явный ущербъ себѣ, просили, чтобъ имъ было подтверждено [1]) имѣть куплю и продажу своихъ имѣній, чтобы

[1]) Нак. 159, 164.

„всякъ бы свободенъ свое имѣніе кому хотя продавать и даровать“, но мы сомнѣваемся, не было ли это желаніе внушено козакамъ ихъ старшинами, такъ какъ намъ уже извѣстно, что иногда сами сотенные повѣренные не хотѣли вносить въ наказы вопроса о скуплѣ козачьихъ грунтовъ, чтобы не выносить изъ избы сору. Кромѣ черниговскаго ни одинъ наказъ не далъ намъ такой картины старшинскихъ злоупотребленій въ козацкомъ землевладѣніи. Козацкая земельная собственность занимала ихъ съ другой стороны—козаки просили, чтобы „всѣ ихъ добра якъ-то: грунта, мельницы, отчины и всякія угодья, наслѣдныя, наданныя, купленныя и занятыя, по крѣпостямъ и по природному праву владѣемыя, въ безпрепятственномъ владѣніи и употребленіи намъ (т. е. козакамъ) всегда тверды были“ [1])—та же просьба, съ которой мы уже встрѣчались въ шляхетскихъ наказахъ.

Владѣніе козаковъ перечисленными „добрами“ составляло, какъ извѣстно, одну изъ вольностей, съ которыхъ они отбывали свою службу и отправляли повинности; обыкновенно русскіе государи при вступленіи на царство подтверждали эти вольности жалованными грамотами, такъ что козацкія земли были уже подтверждены козакамъ нѣсколько разъ, но въ виду того, что на большинство козацкихъ земель не имѣлось никакихъ актовъ укрѣпленія, козаки и теперь не забыли попросить императрицу, чтобы ихъ земли были имъ „тверды“ даже въ тѣхъ случаяхъ, если на нихъ нѣтъ крѣпостей. Вмѣстѣ съ этимъ козаки просили, чтобы ихъ землевладѣніе, подобно шляхетскому, свободно было отъ обложенія налогами.

Возвращаясь къ другимъ причинамъ экономическаго обнищанія козаковъ, мы должны сказать, что онѣ были тѣ же, съ которыми мы познакомились при разсмотрѣніи экономическаго упадка другихъ сословій. Поэтому о нихъ мы скажемъ съ возможной краткостью. Во-первыхъ, козаки много жаловались на постойную повинность, которою по грамотамъ они вовсе не были обязаны. Козаки писали, что ихъ дома въ отношеніи этой по-

---

[1]) Ibid, 152.

винности сравниваются съ мужичьими и занимаются подъ постой квартирующихъ и проходящихъ полковъ и командъ, а сами они посылаются съ лошадьми въ „подводы" и проводники „къ чувствительному ихъ отягощенію". Распоряженіе русскаго правительства о назначеніи козаковъ на различныя черныя работы, какъ извѣстно, началась очень рано. Прежде всего козаками не какъ войскомъ, а какъ рабочей силой, началъ пользоваться Петръ I, сначала для возведенія во время шведской войны крѣпостей, а затѣмъ и для земельныхъ работъ, ничего не имѣвшихъ общаго ни съ войнами, ни съ Малороссіей. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше въ этомъ отношеніи церемонились съ козаками: послѣ полтавской битвы козаки рѣдко видѣли поле сраженія, имъ большею частью приходилось исполнять тяжелую работу рытья каналовъ, насыпей, валовъ, устройства ретраншементовъ, шанцевъ, засѣкъ и т. п. на отдаленномъ сѣверѣ, югѣ и востокѣ. Извѣстно, скольких тысячъ жизней стоили какъ козакамъ, такъ и великоруссамъ работы на берегахъ Ладоги, Онеги, Невы, производившіяся ими въ началѣ XVIII вѣка, но онѣ продолжались, хотя и въ другихъ мѣстахъ, до самаго послѣдняго времени. Въ наказѣ [1]) козаки жалуются, что ихъ болѣе 10 лѣтъ подрядъ посылаютъ дѣлать на границѣ съ Польшей засѣки, строить редуты, расчищать въ лѣсныхъ мѣстахъ дороги, мостить болотистыя мѣста, а въ послѣднія нѣсколько лѣтъ еще посылаютъ и на Донъ для устройства въ Ростовѣ крѣпости, причемъ имъ приходится брать съ собой подводы, возить колоды, мачты, и исполнять всѣ „мужицкія" работы, отчего ихъ служба „въ противность ихъ правъ уже не вмѣняется въ военную, а сами они часъ отъ часу приходятъ въ оскудѣніе и оплошность" [2]).

Причина незаконной высылки козаковъ на упомянутыя работы, по утвержденію черниговскаго наказа, происходитъ оттого, что въ Малороссіи, благодаря политикѣ гетмановъ, раздававшихъ свободныхъ людей частнымъ владѣльцамъ, остались только два сословія—козаки да владѣльческіе подданные, свободные же

[1]) Нак. 147, 155.

[2]) Нак. 147.

люди, бывшіе ранѣе въ весьма многочисленномъ количествѣ и отправлявшіе многія работы, совершенно исчезли. Но такъ какъ владѣльцы не допускаютъ своихъ людей къ государственнымъ работамъ и укрываютъ ихъ отъ исполненія повинностей, то все бремя послѣднихъ падаетъ на козаковъ. Далѣе, тотъ же наказъ развивалъ мысль, что козацкая служба до того времени отличалась исправностью, пока ихъ не одолѣли неустройства „отъ многихъ команду надъ Малороссіей имѣющихъ и вольности нарушившихъ отъ вѣка заключенные, непорядки устроившихъ и всѣхъ ихъ отяготившихъ", для того же, чтобы козацкая служба снова пришла въ цвѣтущее состояніе, черниговскіе козаки просили пожаловать ихъ прежними милостями и освободить отъ несвойственныхъ военному сословію мужицкихъ работъ и повинностей. Въ этомъ отношеніи съ черниговскимъ были солидарны и другіе наказы и, глядя теперь со стороны, нельзя не согласиться, что описанныя обязанности, возлагавшіяся на козаковъ, не только не соотвѣтствовали имъ, какъ сословію, обязанному уже исключительной военной службой, но рѣшительно имъ противорѣчили, ибо разстраивали и понижали ихъ военную среду, обращая воиновъ въ какихъ-то землекоповъ. При такихъ условіяхъ естественно, что козацкій духъ воинственности, героизмъ, жажда славы и идеала утрачивались въ малорусскихъ козакахъ сами собой, и они превращались въ простыхъ земледѣльцевъ, а историческія традиціи, понятія о козакѣ, какъ о народномъ героѣ, само право козаковъ на шляхетскую честь оттѣснялись въ глубь и постепенно сглаживались, оставляя въ душѣ развѣ только смутный осадокъ горечи да сожалѣніе о славныхъ прошлыхъ временахъ. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ наказовъ, наклонность къ традиціоннымъ функціямъ у козаковъ, несмотря на всѣ невзгоды еще не была окончательно вытравлена и желаніе служить „какъ предки служили" было заявлено всѣми наказами. Изъ другихъ повинностей, кромѣ постоевъ и государственныхъ работъ, козаки больше всего жаловались на извѣстное обложеніе рублевыми окладами. По своимъ привилегіямъ, неоднократно подтвержденнымъ русскими государями, козаки долженствовали быть свободными отъ всякаго рода обложенія или,

какъ они выражались, „пребывали въ вольностяхъ", но и въ этомъ отношеніи такой порядокъ уже давно поколебался, и козаки по обложенію повинностями были сравнены съ крестьянами, что въ свою очередь не могло иначе, какъ дурно, отражаться на козачьей службѣ. Поэтому, во всѣхъ наказахъ [1]) находятся жалобы, что съ тѣхъ поръ какъ козаковъ-подпомощниковъ сравняли съ мужиками и обязали ихъ и подсосѣдковъ ихъ выстачать порціоны и раціоны на квартирующіе въ Малороссіи полки, они стали приходить въ нищенство и ослабленіе, усилившіяся съ 1765 года тѣмъ болѣе, что ранѣе козаки выстачали порціоны и раціоны только *въ половину* противъ мужиковъ, а съ 1765 г., т. е. съ замѣной дачъ рублевымъ окладомъ, послѣдній стали взимать *въ полномъ размѣрѣ* и съ козаковъ, и съ ихъ подсосѣдковъ. Рублевый окладъ, положенный на хаты, возмущалъ козаковъ, равно какъ и другія сословія, потому что имъ были „отягощены и великія, и малыя жилища, и бѣдные, и можнѣйшіе подсусѣдки, въ козачьихъ домахъ живущіе не различены, въ иного же козака почти и худобы нема болѣе рубля, но и на того такъ положено по рублю съ хаты грошей, а они и всякую государеву службу сверхъ окладу отбуваютъ, за чѣмъ уже часъ отъ часу и военной службы отправлять не въ состояніе приходятъ" [2]). Естественно, что для облегченія службы козаки просили о сложеніи съ нихъ этого налога, а стародубцы въ крайнемъ случаѣ просили объ уменьшеніи его до половины. Вмѣстѣ съ этимъ, стародубскимъ наказомъ было высказано желаніе, чтобы „вдовы козачіи, остаючіяся послѣ смерти мужей съ малолѣтними вольности предковъ ихъ имѣли и до возрасту таковыхъ дѣтей отъ козачьихъ повинностей были увольнены" [3]).

Помимо разсмотрѣнныхъ прошеній, въ экономической области козаки еще хлопотали о свободѣ торговли и промысловъ, которыми они занимались искони и конкуррировали съ мѣщанами. Свои просьбы козаки какъ бы противопоставляли просьбамъ мѣщанъ, хлопотавшихъ о запрещеніи торговли всѣмъ со-

1) Нак. 144, 154, 158, 164.
2) Нак. 159.
3) Ibid. 158.

словіямъ, исключая ихъ. Стародубцы писали [1]): „подтвердить, чтобъ свободный былъ намъ промыселъ, особливо винокуреніе, продажа разныхъ напитковъ въ своихъ домахъ, а сверхъ того родячимись здѣсь продуктами, т. е. пенькою, олеемъ, медомъ, воскомъ и тому подобными, найпаче же тѣмъ козакамъ, кои достаточно грунта не имѣютъ, а живутъ въ городѣ и вышеозначенными продуктами промышляютъ, снабдѣвая тѣмъ себя къ службѣ в. и. в—ства". По данному вопросу съ стародубскимъ наказомъ были въ принципѣ согласны и остальные [2]), но нѣкоторые изъ нихъ, какъ черниговскій и прилуцкій, понимали свободу торговли еще обширнѣе: они просили о дозволеніи торговать „безъ всякого отъ кого-либо запрещенія и пошлинъ", чтобы и „промыслы бъ имъ имѣть всякіе было свободно и безпошлинно внутрь М. Россіи, съ чего бъ они могли себе снабдѣть въ войсковой козачей службѣ".

Изъ сказаннаго о соціально-экономическомъ положеніи козаковъ достаточно ясно видно, что козаки не были удовлетворены, что они смотрѣли на него какъ на упадокъ, выйти изъ котораго можно только путемъ возрожденія старинныхъ вольностей; эта точка зрѣнія господствуетъ и въ прошеніяхъ козаковъ, касавшихся судебнаго, административнаго и военнаго устройства и управленія, которыя также измѣнились не въ пользу козаковъ, сравнительно съ имѣвшимися у нихъ жалованными грамотами. Козаки были недовольны, но мы не можемъ сказать, чтобы они высказали какіе-нибудь опредѣленные взгляды на свое устройство и управленіе, чему мѣшало, конечно, неразвитіе общественной мысли и сама сложность даннаго предмета. Въ общемъ же духъ наказовъ таковъ, чтобы козачество на будущее время „содержалось" при всѣхъ его вольностяхъ, какъ обозначено въ пунктахъ Б. Хмельницкаго и жалованныхъ грамотахъ. Въ выраженіи своихъ желаній козаки подчеркнули только главные желательные порядки козацкой организаціи, безъ которыхъ было немыслимо само существованіе козачества въ его старомъ,

---

[1]) Нак. 152.

[2]) Ibid. 160.

украинскомъ духѣ. Это были просьбы о подтвержденіи вольностей, „чтобы по прежнему въ М. Россіи выборъ былъ всѣхъ старшинъ вольными отъ общества голосами“ [1]). Какіе это старшины, каковы ихъ функціи, какимъ образомъ выборъ ихъ долженъ происходить „вольными голосами“ и гдѣ тѣ законы, на основаніи которыхъ они должны управлять и судить, большинство наказовъ не упоминало, но глухо ссылалось на старинные обычаи. Такъ, даже наиболѣе подробный въ этомъ случаѣ переяславскій наказъ, упомянувъ, что въ М. Россіи первый недостатокъ въ томъ, что не имѣется „гетмана“, ограничивался одной просьбой о выборѣ гетмана, полковниковъ, полковой старшины, сотниковъ и сотенной старшины вольными голосами изъ осѣдлыхъ лицъ „по постановленнымъ гетманскимъ статьямъ“ [2]), но насколько эти статьи соотвѣтствуютъ времени и какъ онѣ опредѣляютъ дѣятельность старшинъ—наказы не разбирали. Въ этомъ случаѣ въ политическихъ представленіяхъ козаковъ незамѣтно никакого прогресса сравнительно съ предъидущимъ вѣкомъ, и мы думаемъ, что онѣ были такъ слабы, что козаки не имѣли отвлеченнаго понятія о правительственныхъ учрежденіяхъ и ихъ функціяхъ, а понимали правительство не иначе, какъ въ лицахъ, почему и заботы ихъ касались не учрежденій, а только лицъ и порядка ихъ избранія.

Переходя къ суду и праву, мы можемъ замѣтить, что этимъ предметамъ козацкіе наказы посвятили нѣсколько болѣе мѣста, чѣмъ вопросу о козацкомъ управленіи. Козаки, придерживаясь историческихъ правъ, выразили желаніе [3]), „чтобы въ силу прежнихъ узаконеній и волностей ни воеводы, ни бояринъ, ни стольникъ въ суды войсковые не вступалися, но отъ старшинъ своихъ товариства сужены были; гдѣ три козаковъ, то два третего судили кроме криминалу; и чего по статьямъ не доставатиметь для судовъ, тѣ недостатки дополнено съ права малороссійскаго книги Статута“. Въ стародубскомъ наказѣ [4]) эта же мысль была

[1]) Нак. 165.
[2]) Ibid. 157.
[3]) Ibid. 164.
[4]) Ibid. 153.

высказана такимъ образомъ: „что же принадлежитъ до права, то какъ малороссійскіе козаки состояли издревле на тѣхъ же, которые для шляхетства узаконены правахъ и какъ особливыми по своимъ правамъ и привилегіямъ вольностями, такъ тѣми же, что шляхетство преимуществами по правамъ пользовались, исключая что по статьямъ гетмана Б. Хмельницкаго козаки никакому другому, точію отъ старшинъ своихъ подвержены". Привязанность къ своему краевому суду и праву составляетъ въ наказахъ характеристичнѣйшую черту малороссіянъ, такъ что, несмотря на явные недостатки въ правосудіи, противъ него не раздавалось враждебныхъ голосовъ, и даже столь недовольные дѣйствіями старшины черниговцы все же ревниво хлопотали, „чтобы козакамъ всѣмъ обще быть судимымъ по войсковымъ правамъ постановленнымъ пунктами".

О судебныхъ реформахъ для улучшенія средствъ „къ скорѣйшему достиженію прямаго правосудія" и о необходимости исправленія матеріальнаго малороссійскаго права изъ всѣхъ козаковъ проронили нѣсколько словъ только одни стародубцы, но и они не предложили никакихъ мѣръ, а ссылаясь на свою неопытность, „яко военно-служащихъ и въ судныхъ порядкахъ и процессахъ рѣдко упражняющихся и больше не имущественныхъ", предоставили совершить судебныя реформы самой императрицѣ, крѣпко надѣясь, что она „по данной отъ Бога прозорливости... доставитъ совершенное и съ обычаями нашими сродное правило къ благоденствію всего народа малороссійскаго" [1]).

Мы закончили нашъ бѣглый обзоръ желаній и нуждъ малороссійскаго козачества. Подводя имъ итогъ и оцѣнивая ихъ содержаніе, мы должны сказать, что главное вниманіе козаковъ было поглощено заботами экономическаго свойства, вопросы же политическіе и соціальные заняли въ наказахъ второстепенное мѣсто и слабо развиты ими, но мы не можемъ окончательно судить о высотѣ и цѣлесообразности содержанія козачьихъ наказовъ, такъ какъ изъ десяти ихъ пока напечатано всего лишь

---

[1]) Нак. 153.

четыре. Извѣстное же содержаніе даетъ намъ основаніе думать, что козаки правильно, хотя и неполно, указали причины своего экономическаго обнищанія, но въ вопросахъ внутренней политики и во взглядахъ на свое благоустройство они стояли внѣ своего вѣка, хотя и были субъективно правы, такъ какъ въ силу сложившихся условій жизни этотъ вѣкъ не принесъ имъ ничего, кромѣ обнищанія и политическаго упадка.

Едва ли слѣдуетъ добавлять, что желанія козаковъ не получили никакого удовлетворенія.

Въ началѣ 1785 года Румянцевымъ-Задунайскимъ козацкіе полки были обращены въ 10 регулярныхъ карабинерныхъ и причислены къ его дивизіи, козацкіе же старшины были переименованы въ великорусскіе чины и оставлены при войскѣ или увольнены. Такимъ образомъ заявленія, сдѣланныя въ коммиссіи, были послѣдними словами козачества передъ его политической смертью.

Такимъ же предсмертнымъ словомъ былъ и наказъ отъ Запорожья.

Извѣстно, что Запорожье, обладавшее отдѣльной „войсковой" территоріей, имѣвшее свое независимое устройство, свои порядки и вольности, долгое время оставалось только механически связаннымъ съ русскимъ государствомъ, а въ сущности представляло самостоятельную политическую общину—status in statu. Было время, когда правительство должно было терпѣть это непокорное и буйное Запорожье и щадить его вольности, но чѣмъ дальше русское государство раздвигало свои границы, чѣмъ быстрѣе росло его единство, тѣмъ меньше оставалось шансовъ на самостоятельное значеніе и роль Запорожья и въ моментъ призыва его въ коммиссію уже не было сомнѣнія, что русское государство поглотитъ маленькую запорожскую общину, какъ оно поглотило ранѣе нѣсколько гораздо большихъ самостоятельныхъ государствъ. Дѣйствительно, Запорожью въ послѣдніе годы приходилось терпѣть много стѣсненій: на запорожскихъ земляхъ въ видѣ надзора были раскинуты великорусскія команды, вокругъ него образовались новыя провинціи и укрѣпленія, запорожская территорія отдавалась иностраннымъ

пришельцамъ и т. д. Видя паденіе своихъ вольностей и отнятіе земель, Запорожье неоднократно, но безуспѣшно хлопотало передъ правительствомъ, екатерининская же коммиссія открыла этимъ хлопотамъ самый удобный случай. Запорожье высказало въ своемъ наказѣ самыя завѣтныя нужды и желанія. Запорожье просило:

a) Прежде всего, конечно, подтвердить ему договорныя статьи Б. Хмельницкаго, на которыхъ оно поступило подъ державу всероссійскую;

b) возвратить ему безвинно отнятыя земли, отошедшія къ донскому войску (по берегу Азовскаго моря) и подъ елисаветградскую и екатерининскую провинціи;

c) вывести великорусскія войска изъ запорожскихъ ретраншаментовъ и редутовъ, такъ какъ отъ нихъ чинятся одни разоренія;

d) вывести великорусскія команды, расположенныя на границѣ Запорожья, такъ какъ войско запорожское по долгу своей службы само оберегаетъ свои границы;

e) освободить Запорожье изъ подъ вѣдомства малороссійскаго правительства, третирующаго его „нибы подчиненную команду“ и повелѣть запорожскому войску быть подъ вѣдомствомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ;

f) освободить по старому ввозную и вывозную торговлю Запорожья отъ всякихъ пошлинъ;

g) остановить предполагаемое переселеніе раскольниковъ на запорожскія земли и т. д. Словомъ, оно просило сохранить его въ прежнемъ видѣ и строѣ.

Въ засѣданіи коммиссіи запорожскій депутатъ М. Скапа [1]) ревностно поддерживалъ интересы избравшаго его войска; онъ доказывалъ „почтеннѣйшему собранію“, что обыкновенія запорожскаго войска самыя древнія и потому самыя основательныя и выражалъ надежду, что императрица по справедливому милосердію своему и во вниманіе предъидущихъ заслугъ не оставитъ запорожское войско безъ своихъ милостей.

Однако Скапа ошибся—его надежда не осуществилась: въ 1775 году Запорожья не стало; обширныя его земли были рас-

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1883 г. 3.

предѣлены между колонистами, вельможами и чиновниками, а представители Запорожья окончили свои дни въ ссылкѣ.

Каковъ же общій смыслъ нуждъ, желаній и стремленій, волновавшихъ въ 1767 г. Малороссію? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо припомнить, что такъ какъ Малороссія составляли въ русскомъ государствѣ особый „благоприсоединившійся“ край, отличный отъ великорусскаго по своимъ этнографическимъ особенностямъ, по культурно-историческому развитію, по политическимъ формамъ общежитія, то нужды и желанія малороссіянъ были окрашены совершенно особымъ оттѣнкомъ. Малороссія и заявляла себя не только какъ совокупность отдѣльныхъ сословій, но и какъ особый край, какъ особая часть россійской имперіи. Нужды и желанія малороссіянъ были, помимо сословныхъ, еще и краевыя, съ политическимъ оттѣнкомъ. Такъ, въ наказахъ всѣхъ сословій—шляхетства, духовенства, горожанъ и козаковъ—мы встрѣчаемъ несомнѣнныя политическія тенденціи, чтобы Малороссія содержалась на основаніи договорныхъ статей 1654 года, чтобы была сохранена „историческая“, такъ сказать, Малороссія и законы къ ней относящіеся были, положены въ особую главу въ проектируемомъ Уложеніи. Какой смыслъ имѣли эти стремленія? Желаніе ли это только административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ льготъ, или нѣчто большее? Мы не отрицаемъ, что сословія Малороссіи не обладали политическимъ безпристрастіемъ и развитіемъ настолько, чтобы не увлекаться своими сословными интересами болѣе общегосударственныхъ и чтобы не стремиться къ тѣмъ или инымъ политическимъ формамъ жизни ради извѣстныхъ льготъ административнаго или экономическаго характера, но мы думаемъ, что въ стремленіяхъ малороссіянъ сохранить себя на особомъ положеніи дѣйствовали не только эти мотивы, но и культурныя, и историческія отличія края отъ другихъ частей россійской имперіи. Что эти отличія были,—никто спорить не будетъ, а что они ясно сознавались—на это указываютъ прежде всего заботы малороссіянъ о сохраненіи имъ ихъ частныхъ и публичныхъ правъ и обыкновеній, а гдѣ же какъ не въ правахъ и обычаяхъ болѣе всего

отливаются особенности и юридическаго, и нравственнаго міровоззрѣнія народа? Во вторыхъ, на это указываютъ и хлопоты малороссіянъ, чтобы управленіе краемъ было поручено *„прирожденнымъ“* украинцамъ, знакомымъ, слѣдовательно, съ духомъ и строемъ народной жизни; тѣмъ же объясняются и просьбы, чтобы въ пастыри, въ духовные воспитатели народа, были избираемы лица только малороссійскаго происхожденія, знакомыя не только съ обрядами богослуженія, но и съ нравственными требованіями своего народа. Какъ ни плохи были свои порядки, но малороссіяне и привыкли къ нимъ, и были связаны съ ними соотвѣтствіемъ коренныхъ началъ ихъ народному духу; они не помышляли отрекаться отъ этихъ порядковъ, и эта привязанность объясняется столько же экономическими выгодами, какъ и вытекаетъ изъ особенностей историческаго существованія Малороссіи. Мы согласны, что низшія сословія въ своихъ стремленіяхъ преслѣдовали болѣе экономическія, чѣмъ политическія задачи, но нельзя сказать, чтобы и шляхетство было проникнуто только жаждой экономическихъ выгодъ и нѣкоторыхъ административныхъ льготъ: оно желало большаго—областной обособленности и самоуправленія Украйны, иначе къ чему были-бы просьбы о подтвержденіи привилегій, о вольномъ избраніи старшинъ, объ особыхъ правахъ малороссійскаго шляхетства? Если-бы взгляды шляхетства были направлены только на экономическія выгоды, то ихъ всего легче можно было бы достигнуть, отрекшись отъ всякихъ договорныхъ статей и особенностей малороссійскаго края, но шляхетство этого не желало, потому что у него были другія политическія желанія, въ чемъ мы особенно убѣждаемся изъ поданнаго всѣми депутатами Бибикову прошенія, а также изъ прошенія 1764 г. о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи. Въ этомъ случаѣ кіевскій митрополитъ Арсеній своими просьбами въ „пунктахъ“ о независимомъ положеніи и самоуправленіи малороссійскаго духовенства оказалъ поддержку общему направленію малороссійскаго общества. При такомъ настроеніи малороссіянъ, естественно, мысль Румянцева, проведенная имъ въ циркулярахъ, что „въ основаніе всѣхъ государственныхъ законовъ принято быть должно по страхѣ Бо-

жіемъ честь и слава государская и... благосостояніе государственное *во всѣхъ обширныхъ оного частяхъ*", не была принята малороссіянами во вниманіе. Румянцевъ былъ ярый государственникъ; предъ его идеей государства, ради чести и славы послѣдняго, должны были пасть не только права отдѣльнаго человѣка, но и права цѣлаго племени, его индивидуальныя особенности. Малороссіяне, которымъ приходилось подвергнуться тяжелымъ для нихъ соціальнымъ реформамъ, не были, конечно, поборниками государственнаго централизма и остались въ наказахъ при особомъ мнѣніи. Почему малороссіяне, проживъ болѣе вѣка въ составѣ русскаго государства, тѣмъ не менѣе въ 1767 г. стремились не къ сліянію съ принявшимъ ихъ государствомъ, а къ подтвержденію договорныхъ статей—мы полагаемъ, достаточно объясняется дѣйствіями правительственной политики, которая, по мнѣнію покойнаго Костомарова [1]), присоединеніе Украйны къ московскому государству понимала не иначе, какъ въ смыслѣ обращенія вольныхъ козаковъ въ такихъ же вѣрноподданныхъ какъ и великоруссы и желала притомъ чтобъ народъ южно-русскій сроднился съ народомъ сѣверно-русскимъ и слился съ государствомъ такъ, чтобы не представлялось разницы ни въ администраціи, ни въ задачахъ внутренней общественной жизни, чтобы всякія этнографическія особенности изгладились. Это направленіе въ екатерининскую эпоху и удерживало малороссіянъ отъ стремленія къ окончательному „сліянію". Мы не жалѣемъ, конечно, что Екатерина не возстановила договорныхъ статей 1654 года, что она упразднила отжившіе порядки и положила конецъ саморазложенію Малороссіи. Но возникаетъ вопросъ, ввела ли Екатерина II своими реформами благія начала на пользу малороссійскаго народа; освободила ли она его, какъ обѣщала, отъ „маленькихъ тирановъ" (старшинъ) и возвела ли „на высшую степень счастья?"

Обратимся снова къ только что цитованному историку,—который по вопросу, были ли сдѣланы такія измѣненія въ пользу народа, выражаетъ такое мнѣніе: если и были, то мало,—и

---

[1]) Мазепа, Н. Костомарова. 1885. Стр. 598.

едва ли не приходилось изъ видовъ политики держаться извѣстнаго правила: divide et impera. Опасались, чтобы уничтоженіе порядка, къ которому страна привыкла уже вѣками, не возбудило въ ней смутъ, и вотъ, создали небывалое въ Малороссіи дворянство, которое, какъ показываетъ исторія, приноситъ вредъ тамъ, гдѣ не вырабатывается само собою изъ исторической жизни, а навязывается по теоріи. Посполъство закрѣпощается во власть этого новоизмышленнаго дворянства и, такимъ образомъ, народъ разбивается на два сословія, противоположныя по своимъ интересамъ. Правда, зародыши такого строя существовали уже прежде въ отношеніяхъ между богатыми землевладѣльцами и селившимися у нихъ бѣдняками. Но то бывали злоупотребленія, всегда сознаваемыя, какъ таковыя, а съ новаго порядка вещей онѣ узаконились и Малороссія, наравнѣ со всей остальной Россіей, подверглась надолго всей тяжести крѣпостничества, отъ котораго освободилась только въ недавнее время [1]).

Такимъ образомъ Екатерина лишь замѣнила однихъ „маленькихъ тирановъ“, другими, пожалуй, еще большими, но наказы малороссіянъ въ этомъ ничуть не повинны. Они прошли безслѣдно для внутренней екатерининской политики и остались потомству для изученія міросозерцанія этой эпохи.

Ив. Теличенко.

[1]) Мазепа, Ник. Костомарова 1885. Стр. 590.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

III.

Іосифъ Стецкій.—Нѣкоторыя приключенія въ монастырѣ.—Окончаніе ученья и возвращеніе домой.—Картежная игра.—Общество Зеленой книги.

Домъ пана Стецкаго былъ типичнымъ домомъ зажиточнаго польскаго шляхтича, куда еще не проникли иностранные обычаи и который не былъ замкнутъ, какъ дома польскихъ магнатовъ. Домъ этотъ былъ открытъ для всѣхъ. Всякаго, кто бы ни пріѣхалъ въ гости, радушно принимали и хорошо угощали. Палацъ былъ старый, но обширный; многочисленная прислуга, одѣтая, за исключеніемъ камердинеровъ, по козацки; лошадей, собакъ, экипажей—всего было довольно; домашній оркестръ состоялъ изъ 24 музыкантовъ-нѣмцевъ; пѣли козаки. Гостепріимство здѣсь было самое широкое и круглый годъ всѣ комнаты были полны народа. Насколько п. Стецкій не былъ охотникомъ до писанья и чтенія, настолько пани Стецкая любила и читать, и писать. У нихъ былъ единственный сынъ, Людвикъ, очень достойный и добрый полякъ, но, несмотря на всѣ усилія ксендза Жебровскаго, не могшій добраться до третьяго класса. Онъ остался вѣренъ фамильнымъ традиціямъ, но это нисколько не помѣшало ему сдѣлаться предсѣдателемъ главнаго волынскаго суда въ Житомирѣ и исправлять эту должность къ великому удовольствію мѣстныхъ помѣщиковъ.

[1]) „Кіевская Старина“ 1891 г., № 1.

На охотахъ пана Стецкаго, которыя были навѣрно самыя великолѣпныя изъ всѣхъ, какія только устраивались когда нибудь и кѣмъ нибудь въ Польшѣ и Литвѣ, быть можетъ даже великолѣпнѣе охотъ пана-коханка, наиболѣе отличался Николай Ворцель; на жмудскомъ конькѣ, напоминавшемъ скакуновъ Кейстутовой конницы, настигалъ онъ самаго страшнаго кабана. Какъ скоро Ривка со Срулемъ или Хайка съ Мошкомъ (всѣ собаки носили израильскія имена) атаковали кабана, Ворцель перескакивалъ со своей лошадки на звѣря и закалывалъ его подъ лѣвую лопатку. Чаще всего кабанъ падалъ мертвымъ на мѣстѣ, но бывали случаи, что онъ вырывался отъ собакъ и уносилъ своего всадника въ пущу. И никогда въ такихъ случаяхъ отвага, присутствіе духа и хладнокровіе не покидали Николая Ворцеля; всегда кабанъ бывалъ убитъ.

Въ этихъ охотахъ принимали участіе и дамы; очень рѣдко кто нибудь изъ нихъ былъ верхомъ; для дамъ обыкновенно выбирались лучшія мѣста въ просѣкахъ, въ тѣни деревьевъ и вблизи воды. Тамъ былъ сборный пунктъ и тамъ же устраивалась закуска для охотниковъ. Здѣсь же на кольяхъ развѣшивалась дичь, музыка играла, собаки визжали и выли, охотники шумѣли, пили, ѣли, разговаривали. Таковы были забавы пана Стецкаго.

Не могу не сказать, что послѣ Вольсеевской школы школа межиричская производила на меня впечатлѣніе какого то шарлатанскаго и грубаго балагана, но человѣкъ ко всему привыкаетъ; привыкъ и я. На лѣтнія вакаціи, которыя начинались 4 іюля и оканчивались 4 сентября, на рождественныя и пасхальныя, продолжавшіяся двѣ недѣли, я ѣздилъ за 200 верстъ въ Гальчинецъ. На зеленые святки и на масляницу я уѣзжалъ въ Березное, имѣніе генерала Корженевскаго, куда пріѣзжали моя мать и тетка. Для меня, уроженца Украины, это Полѣсье вдоль Случи было совершенно новымъ міромъ.

Сосѣди охотно съѣзжались къ генералу, потому что онъ былъ важной особой въ пинскихъ болотахъ и полѣсскихъ лѣсахъ. Этотъ Михаилъ Корнѣевичъ Корженевскій былъ хорошо извѣстенъ въ Петербургѣ, и при дворѣ, и въ сенатѣ, притомъ

же онъ былъ владѣльцемъ березнянскаго и мельницкаго ключей, Кодни и Жеребокъ. Да еще къ тому же „панъ на всю губу" и такой остроумецъ, что Третьякъ, капитанъ гусаръ Тулинскаго, овручскій помѣщикъ, владѣлецъ Залѣсья, привязался къ нему и служилъ ему вѣрно единственно за его остроуміе. Случилось это по слѣдующему поводу.

Въ Березномъ жилъ очень богатый мужикъ, считавшій свое имущество тысячами рублей. Сыну своему онъ далъ образованіе въ дубровицкой школѣ, посылалъ его заграницу, въ Германію, Данію и Швецію, и хотѣлъ добыть ему свободу отъ крѣпостной зависимости. Онъ отправился къ генералу, какъ къ своему господину. Генералъ согласился дать вольную за шесть тысячъ рублей серебромъ. Сумма эта была выплачена и вольная выдана на бумагѣ съ соблюденіемъ законныхъ формальностей. Въ Россіи въ то время нельзя было остаться внѣ всякаго сословія, безъ званія, а такъ какъ освобожденный не могъ стать дворяниномъ, то отецъ приписалъ его въ мѣщане. Едва формальности были исполнены, какъ мѣщане,—злые языки утверждали, по наущенію генерала,—схватили юношу, чтобы отдать его въ рекруты. Отецъ къ генералу. Послѣ долгихъ просьбъ и хлопотъ, уплативши снова шесть тысячъ, успѣлъ онъ выписать сына изъ мѣщанскихъ списковъ и записать опять въ крѣпостные генерала Корженевскаго, а потомъ, года черезъ два, когда молодой человѣкъ, проникшійся революціонными идеями въ Дубровицѣ, сталъ проповѣдывать мужикамъ о правахъ человѣка, его отдали на исправленіе въ рекруты. Отецъ гордился деньгами, сынъ ученостью,—у отца генералъ вытянулъ 12,000 рублей, ученаго сына отдалъ въ солдаты. Третьяку, человѣку почтенному, но все таки польскому шляхтичу стараго закала, такъ понравилась генеральская продѣлка съ хамомъ, что онъ безъ всякой платы, бросивъ свое имѣніе, сталъ повѣреннымъ и управителемъ ген. Корженевскаго и исполнялъ эти обязанности вплоть до 1831 года Третьякъ былъ хорошій солдатъ и честный человѣкъ, но къ мужикамъ былъ очень суровъ. Если бы онъ могъ, то, кажется, истребилъ бы ихъ всѣхъ безъ милосердія.

Три года пробылъ я въ межиричской школѣ и не скажу, чтбы это время оставило во мнѣ какое нибудь непріятное впечатлѣніе. Я полюбилъ своихъ учителей, которые въ сущности были людьми свѣдущими въ своихъ предметахъ, разумными, преданными наукѣ и горячими патріотами.

Монастырь былъ очень обширенъ, и хотя большая часть его была обитаема, все таки въ немъ были развалины для разнообразія, чтобы напоминать руины Пальмиры и Бэльбека, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Вольнея, который былъ въ большой чести у оо. піаровъ,—его всегда противопоставляли Вольтеру и Жанъ-Жаку Руссо. Въ этихъ развалинахъ были щели и разсѣлины, чрезъ которыя можно было выходить изъ монастыря и входить въ него. Привратникъ, человѣкъ отличавшійся чистой совѣстью и суровымъ нравомъ, не зналъ ни о чемъ и смѣло могъ присягнуть, что послѣ восьми часовъ изъ монастыря никто не выходитъ, и если почти всѣхъ учителей и большей части учениковъ не оказывалось въ пансіонѣ, то это были штуки дворецкаго Сущинскаго, умершаго еще во времена Августа II; трупъ его былъ похороненъ въ склепѣ подъ костеломъ, и такъ какъ существовало убѣжденіе, что онъ былъ упыремъ, то кости его рукъ и ногъ были связаны конопляной веревкой и прибиты къ землѣ большимъ осиновымъ коломъ. Привратникъ-слесарь, Личинскій, отецъ очень хорошенькой дочки, разсказывалъ, что былъ свидѣтелемъ заклинанія колдуна и поэтому просилъ учениковъ, чтобы они не дѣлали пакостей, ибо онъ можетъ поплатиться жизнью, какъ единственный живой свидѣтель этого обряда.

Александръ Омецинскій, изъ ровенскаго повѣта, одинъ изъ самыхъ падкихъ до всякихъ шалостей учиениковъ, который былъ тогда въ 3-мъ классѣ, хотя и имѣлъ уже хорошенькіе усики, чувствовалъ большую склонность къ слесарству, какъ рыцарскому ремеслу, и обучался ему у панны Личинской; это не понравилось нашему физику ксендзу Паевскому, у котораго жилъ Омецинскій. Онъ всегда заставалъ тамъ лишняго работника, а такъ какъ физикъ былъ очень практиченъ въ житейскихъ дѣлахъ, то тотчасъ шепнулъ на ухо старику Личинскому: „поколоти этого трутня, чтобы онъ не съѣлъ меду, который приго-

дится и для лучшихъ ртовъ". Профессоръ былъ панъ, а привратникъ слуга. Старый слесарь порядкомъ разрисовалъ спину непрошеннаго подмастерья. Побитый Олесь, пригласивши съ собой Дмитрія Четвертинскаго и Чарнецкаго, отправился въ склепъ; тамъ они вытащили осиновый колъ и разорвали конопляныя веревки; никто объ этомъ не зналъ, но ксендзъ-физикъ, который проводилъ безсонную ночь въ мастерской слесаря, слышалъ хрипѣніе и стоны стараго привратника. Проснувшись, тотъ разсказалъ, что его душилъ покойникъ Сущинскій и едва не задушилъ. Ксендзъ былъ очень предупредителенъ по отношенію къ слесарю, такъ какъ рука руку моетъ, сейчасъ отправился въ склепъ, увидѣлъ безпорядокъ, покропилъ святой водой, связалъ кости новой веревкой, вбилъ новый колъ и все успокоилось. У Личинскаго къ должностямъ слесаря и привратника прибавилась еще третья: звонаря. Все шло хорошо въ мастерской, только Александра Омецинскаго совсѣмъ удалили отъ обученія слесарному ремеслу. Но такъ какъ у него были сношенія съ крѣпостью, то онъ зналъ, что тамъ дѣлается, и рѣшилъ заставить плясать подъ свою дудку. Ксендзъ-физикъ спалъ въ своей келліи, а Олесь съ двумя старыми пріятелями освободилъ отъ узъ покойника Сущинскаго. И вотъ въ огромной кафельной печкѣ, обогрѣвавшей двѣ келліи, одну, въ которой спалъ самъ ксендзъ съ избранными учениками, и другую, гдѣ спали остальные его ученики, начался какой то шумъ, а потомъ смѣхъ,—сущая чертовщина. Ксендзъ вскочилъ съ постели, накинулъ на себя реверенду и поднялъ тревогу; въ корридорѣ произошла суматоха. Профессора и ученики, какіе только были въ монастырѣ, поднялись на ноги. Ксендзъ Бартошевичъ явился со святой водой; дьяволъ фыркаетъ и хрюкаетъ; по корридорамъ бѣгаютъ и распѣваютъ молитвы. Такъ прогоняли дьявола даже изъ самыхъ укромныхъ закоулковъ. Бѣготня продолжалась до утра, а разсказы о случившемся разошлись по всему мѣстечку. Почти всѣ побывали въ монастырѣ, рѣдко кого не было. Толпа любопытныхъ стояла передъ монастыремъ, а къ заутрени все не звонятъ. Бѣгутъ къ Личинскому; двери заперты; стучатъ; никто не отвѣчаетъ; вы-

ламываютъ дверь; посинѣвшій трупъ стараго слесаря одинъ лежитъ въ избѣ. Въ склепѣ кости покойника Сущинскаго найдены развязанными, а въ кафельной печи, при содѣйствіи трубочиста, нашли—кого бы вы думали? Молодую Личинскую и Олеся! Вытащили обоихъ, какъ волковъ изъ ямы, покорныхъ, тихихъ.

Тотчасъ произведено было слѣдствіе; результаты его были представлены кс. Жебровскому, и рѣшено все случившееся хранить въ глубочайшей тайнѣ.

Олесь, какъ взрослый, былъ отосланъ домой съ волчьимъ аттестатомъ. Дмитрій Четвертинскій помутился въ умѣ и на всю жизнь остался придурковатымъ, а Чарнецкій совсѣмъ сошелъ съ ума и умеръ помѣшаннымъ.

Хотя насъ, бывшихъ воспитанниковъ училища Вольсея, было и немного, но мы давали тонъ всей школѣ. Мы вселили въ товарищей такую ненависть къ нѣмцамъ, что на уроки нѣмецкаго языка, которые можно было посѣщать или не посѣщать, изъ 900 учениковъ ходило только трое, да и тѣмъ попадали отъ молодыхъ сорванцовъ тумаки, щелчки, а подчасъ и камни въ голову. За то уроки русскаго языка, который тогда тоже не былъ обязательнымъ предметомъ, посѣщались почти всѣми, какъ уроки языка славянскаго, за исключеніемъ трехъ нѣмцевъ, которыхъ и звали „niemowami“ (т. е. нѣмыми).

Все славянское вошло въ такую моду, а все латинское попало въ такое презрѣніе, что по воскресеньямъ на уніатскихъ богослуженіяхъ кс. Лихачевскаго, базиліана, который былъ прикомандированъ къ межиричскому монастырю для отправленія богослуженія по славянски, бывали всѣ, хотя никто къ тому не принуждалъ. Оо. піары по меньшей мѣрѣ не препятствовали этимъ стремленіямъ, и это подало поводъ подозрѣвать ихъ въ желаніи основать народную польскую церковь, въ которой богослуженіе отправлялось бы по польски. Первенство въ проведеніи этой мысли приписывали кс. Заржецкому и кс. Бенчковскому: первый изъ нихъ, уже по выходѣ моемъ изъ школы, перешелъ въ унію, а когда его стали преслѣдовать, сдѣлался православнымъ священникомъ. Онъ былъ добрый полякъ, готовый на всякое самопожертвованіе и очень способный. Не под-

говоры, не честолюбіе, не корыстолюбивые разсчеты, но глубокое убѣжденіе привело его къ этому шагу. Онъ былъ префектомъ гимназіи, а сталъ сельскимъ священникомъ и въ тиши отдался наукамъ и добрымъ дѣламъ. Кс. Бенчковскій всегда говорилъ о необходимости введенія въ богослуженіе польскаго языка, а еще лучше славянскаго, языка свв. Кирилла и Меѳодія. Но онъ до конца жизни оставался префектомъ.

По поводу употребленія латинскаго языка при богослуженіи случилась печальная исторія. Однажды кс. Лихачевскій захворалъ. Кс. Бартошевичъ, въ его часъ и на его мѣстѣ, служилъ обѣдню. Ничего не зная, ученики, по обыкновенію, пришли къ этой обѣднѣ, но услышавъ латынь, когда ксендзъ возгласилъ: „Oremus!", стали кричать: „Не позволяемъ! Пусть ксендзъ перестанетъ!" А когда возгласилъ: „Ite, missa est!" закричали: „И миссы этой не хотимъ, потому что она никуда негодна!", а какой то негодяй бросилъ камнемъ, да такъ несчастливо, что вышибъ глазъ о. Бартошевичу.

Профанація была страшная, неслыханная! Кс. бискупъ Цецишевскій прислалъ для разслѣдованія дѣла кс. суффрагана Пивницкаго. Бѣдный попечитель былъ какъ на иголкахъ, не зналъ, что дѣлать, такъ какъ и правительствомъ былъ присланъ артиллерійскій полковникъ Ловцовъ, бригада котораго квартировала въ ровенскомъ повѣтѣ и въ Межиричѣ.

Почтенный человѣкъ былъ этотъ полковникъ. Тотчасъ по прибытіи онъ держалъ рѣчь ко всѣмъ ученикамъ, собраннымъ на площади передъ школой. Помню его слова. „Видите ли въ чемъ дѣло, мои молодые друзья, если виновникъ будетъ отысканъ, то его накажутъ, и строго, потому что пострадалъ ксендзъ, а съ религіей шутить нельзя. Когда я васъ по одиночкѣ буду спрашивать: „Ты вышибъ глазъ ксендзу?" и каждый отвѣтитъ: „нѣтъ, не я!", тогда я спрошу: „Однако, кто нибудь долженъ былъ бросить камень и вышибить глазъ, само собой это не сдѣлалось?" Вы отвѣчайте: „мы всѣ!" Тогда вѣдь не будутъ наказывать 900 человѣкъ за одинъ глазъ и дѣло кончится ничѣмъ".

Почти всѣ профессора были очень довольны рѣчью полковника, потому что кс. Бартошевичъ былъ вице-ректоромъ,

начальникомъ монастыря и частенько допекалъ ихъ; вообще старый брюзга всегда путался въ чужія дѣла.

Попечитель шепнулъ на ухо полковнику, чтобы онъ велѣлъ артиллеристамъ забрать стоги сѣна, стоявшіе надъ гарудкимъ ставомъ. Слѣдствіе было произведено и дѣло окончилось такъ, какъ предполагалъ полковникъ Ловцовъ.

Я разсказалъ эти два случая потому, что они лучше всего рисуютъ настроеніе учителей и учениковъ знаменитой межиричской школы, которая послѣ кременецкой, наравнѣ съ уманской, наиболѣе способствовала распространенію славы школъ такъ называемыхъ „русскихъ" земель.

До какой высокой степени была развита въ этой школѣ религіозная и политическая терпимость, насколько старались развить въ ученикахъ самостоятельность и какъ за нее награждали, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай, гдѣ я былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Когда я былъ на второмъ курсѣ, у насъ были произведены чрезвычайные экзамены Малецкимъ, ректоромъ виленскаго университета, и Яномъ Вылежинскимъ, маршалкомъ новградъволынскаго повѣта и визитаторомъ школъ въ „земляхъ русскихъ". Экзаменовали насъ по польской исторіи, которая проходилась очень хорошо. Мнѣ предложили перечислить тѣхъ изъ польскихъ королей, которые наиболѣе оказали услугъ Польшѣ, и тѣхъ, которые наиболѣе принесли ей вреда, но прибавили, чтобы въ этой оцѣнкѣ я руководствовался своимъ собственнымъ мнѣніемъ, не принимая во вниманіе взглядовъ историковъ, которыхъ я изучалъ.

Я отвѣчалъ, что наиболѣе услугъ оказали: Болеславъ Храбрый, который хотѣлъ пріобщить Польшу къ славянству и царствовать, какъ король польскій милостью Божіею, а не нѣмецкою, надъ всѣми славянами; Болеславъ Смѣлый, который, видя, что политикѣ его предшественника наиболѣе повредилъ католицизмъ, нанесъ ударъ католической церкви въ Польшѣ, съ цѣлью оторвать Польшу отъ западной церкви и вліяній, возвратить ее на лоно восточной церкви и поставить во главѣ славянскихъ народовъ. Мысль великая, мощная! Владиславъ IV Ваза, кото-

рый, видя, какъ іезуиты опутываютъ шляхту католицизмомъ и привилегіями, съ цѣлью истребить единственную серьезную вооруженную силу—козачество, удерживать поляковъ въ повиновеніи нѣмцамъ и латинской церкви и уничтожить разъ навсегда мечты о самобытности и славянствѣ, давалъ привилегіи козакамъ, подговаривалъ даже ихъ утереть носъ шляхтѣ и снести головы іезуитамъ. Онъ сознавалъ, что козаки были войско постоянное, а шляхетскія и кварцяныя хоругви были ополченіе,—сегодня гроза, а завтра мыльный пузырь. Этимъ шагомъ онъ воздалъ должное Стефану Баторію, который создалъ козацкое войско, и потому столь же великъ, какъ и Владиславъ. Наиболѣе вреда принесли Польшѣ: Янъ Собѣсскій защитой нѣмцевъ, которыхъ слѣдовало предоставить ихъ участи и самому помочь бить ихъ, чтобы и на сѣмена не осталось, и два саксонца, которые развратили въ конецъ польскую шляхту, одѣли ее во фраки и парики, ссадили съ коня и посадили въ экипажи.

Я разсказалъ все это, какъ по писанному. Это мнѣніе вызвало сильное удивленіе, но мнѣ ничего не сказали. Всю ночь я не могъ спать отъ безпокойства. Утромъ меня, по обыкновенію, встрѣтили ласково. Мнѣ дали четыре чрезвычайныя награды и право носить шпагу, которое принадлежало свѣтскимъ профессорамъ.

Я сталъ важнымъ человѣкомъ въ школѣ и съ такой репутаціей оставилъ, по окончаніе третьяго курса, гимназію, удостоившись самаго похвальнаго аттестата зрѣлости.

На 16-мъ году я былъ уже баккалавромъ наукъ точныхъ и наукъ гуманныхъ,—съ помѣщичьей точки зрѣнія, человѣкомъ, окончившимъ полный курсъ наукъ. Мать моя очень этому радовалась, а еще больше, какъ сама она говорила, тому, что всѣ эти успѣхи вовсе не вскружили мнѣ головы. Я былъ любимъ слугами и крестьянами и имѣлъ истинныхъ друзей.

Въ Кіевѣ въ это время шла большая игра. Два зятя, Витославскій, Денбовскій, владѣлецъ Старо-Константинова, генералъ Завадовскій, атаманъ черноморскихъ козаковъ, генералъ Исленьевъ и князь Голицынъ играли въ фараонъ и діабелку истинно по дьявольски. Державшій банкъ не переставалъ играть,

пока кучи ассигнацій, плотно сложенныхъ, не достигали ему до носа. По 100,000 рублей ставилось на карту, а ревизскія души переходили изъ рукъ въ руки, точно рублевики.

Менѣе крупная игра шла у генерала Гацкевича и у полковника Млокосѣвича. Тамъ офицеры, мелкіе помѣщики и адвокаты приносили послѣдніе гроши въ жертву фараону.

Если въ то время можно было сказать, что въ Варшавѣ танцовали, въ Краковѣ молились, во Львовѣ влюблялись, въ Вильнѣ охотились, то въ древнемъ Кіевѣ играли въ карты, и до возникновенія университета св. Владиміра Кіевъ, казалось, забылъ, что онъ и Богомъ, и людьми предназначенъ быть столицей всего славянства.

Тотчасъ по возвращеніи изъ школы, я былъ поставленъ матерью въ положеніе почти независимаго человѣка. У меня былъ экипажъ, лошади, особая прислуга и я располагалъ доходами съ агатовскаго имѣнія. Мать отпустила меня одного, безъ всякаго ментора или спутника, въ приличномъ экипажѣ, посѣтить родственниковъ, начиная съ дядюшки, старосты бахтынскаго, и дала мнѣ 300 дукатовъ на путевые расходы. Признаться, я не безъ тревоги пустился въ путь одинъ; слава Богу еще, что за мною неотступно слѣдовалъ Игнатъ, мой камердинеръ и дядька съ самой колыбели.

Прежде всего я поѣхалъ въ Радомысль, гдѣ былъ повѣтовымъ хорунжимъ мой двоюродный братъ Симфоріанъ Чайковскій,—великій гуляка. Гарнизономъ въ Радомыслѣ стоялъ алексопольскій пѣхотный полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Повало-Швейковскій, родомъ изъ полтавской губерніи, одинъ изъ главныхъ представителей общества зеленой книги, бывшій при самой катастрофѣ.

Въ день моего пріѣзда у полковника былъ большой обѣдъ и балъ, по поводу происшедшаго наканунѣ обрученія его съ дѣвицей Юліей Вонсовичъ, которая ранѣе была обручена съ княземъ Александромъ Ипсиланти, умершимъ въ Ольмюцѣ, въ австрійской темницѣ, и которая, по мнѣнію старыхъ богомолокъ, должна была приносить несчастье своимъ женихамъ, потому что она, будучи католичкой, обручилась съ православнымъ. Я былъ

представленъ полковнику и любезно имъ принятъ, словомъ, я сталъ играть роль взрослаго человѣка. На этомъ пиршествѣ я встрѣтилъ подполковника Муравьева-Апостола, которому я былъ представленъ Повало-Швейковскимъ, какъ шляхтичъ козацкаго рода, Бестужева-Рюмина и многихъ другихъ заговорщиковъ. На меня, человѣка новаго, это собраніе произвело какое то странное впечатлѣніе. Таинственныя перешептыванія, любопытные взоры и безпокойство. На лицахъ однихъ лежала печать задумчивости, разогнать которую они не могли, несмотря на всѣ усилія. Другіе были притворно веселы, а всѣ прислушивались, не раздастся ли на улицѣ звонъ колокольчика. Чего то ждали и къ чему то готовились. И неудивительно, потому что большая часть присутствовавшихъ должна была на разсвѣтѣ ѣхать въ несчастные Трилѣсы, хозяинъ же завтра готовился идти подъ вѣнецъ, а потомъ, можетъ быть, и на смерть. Несмотря на все это, играли въ карты, и игра была крупная. Всѣ, и задумчивые, и веселые, подходили понтировать. Извѣстный Обревскій держалъ банкъ. Я тоже началъ понтировать и во мгновеніе ока спустилъ свои 300 дукатовъ. Мнѣ стало очень не по себѣ. Я всталъ изъ-за картъ и чистосердечно разсказалъ двоюродному брату о своемъ положеніи. Онъ предложилъ мнѣ взаймы, но я имѣлъ достаточно твердости, чтобы поблагодарить и отказаться. Потихоньку ушелъ я на постоялый дворъ, гдѣ были мои лошади, и повѣдалъ обо всемъ случившемся Игнату. Тотъ почесалъ затылокъ и сказалъ: „У меня есть еще деньги, чтобы расплатиться и сейчасъ же вернуться домой; тутъ оставаться нельзя, вѣдь кто его знаетъ, пожалуй дьяволъ и соблазнитъ панича, если станутъ уговаривать“. Слова его поразили меня въ самое сердце. Тотчасъ лошади были запряжены, и прежде чѣмъ меня хватились на вечерѣ, мой пятерикъ дружно мчался по дорогѣ въ Ловковъ. На другой день къ вечеру я былъ уже въ Гальчинцѣ. Я разсказалъ матери обо всемъ откровенно. Ни слова наставленія, ни слова укоризны не услышалъ я отъ нея, только на губахъ ея мелькнула чуть замѣтная усмѣшка, которая показалась мнѣ очень грустной. Это было для меня тяжелѣе, чѣмъ если бы меня встрѣтили заслуженными

упреками. Я былъ самъ не свой. Пошелъ въ садъ, въ конюшни, на псарню, самъ не зная зачѣмъ. Когда я возвратился къ себѣ, то увидѣлъ на своемъ столѣ 300 дукатовъ, а мать, позвавши меня въ свою комнату, сказала, что мнѣ нужно ѣхать въ гости, такъ какъ я долженъ это сдѣлать. Мы долго разговаривали, но ни слова не было сказано о радомысльскомъ приключеніи.

Поѣздку я совершилъ, но съ этого времени потерялъ всякую склонность къ картамъ, которую, признаюсь, я имѣлъ въ значительной степени. Умная мать заставила меня устыдиться предъ самимъ собой, а не передъ людьми.

Я не буду писать объ обществѣ зеленой книги, потому что о немъ столько писано оффиціально и неоффиціально, что желая разсказать о немъ что нибудь, нужно было бы выписывать или, лучше сказать, переписывать уже напечатанное. Наконецъ, едва соскочивши со школьной скамейки, я былъ слишкомъ молодъ, чтобы знать тогда о немъ что нибудь важное, а тѣмъ болѣе судить о немъ. Однако, насколько я помню разсказы людей посвященныхъ и здравомыслящихъ, мнѣ кажется, что идея славянская или панславистская была извращена нѣмцами, которые вошли въ общество, или, можетъ быть, это извращеніе было слѣдствіемъ англійскихъ вліяній на полковника Пестеля, который былъ главнымъ зачинщикомъ въ дѣлѣ уничтоженія славянской окраски общества и направленія его дѣятельности противъ правительства. Панславизмъ является грозою для нѣмцевъ и англичанъ, которые принадлежатъ къ германскому племени и слѣдуютъ нѣмецкой политикѣ. Пропаганда, имѣвшая цѣлью соглашеніе русскихъ съ поляками, дарованіе политической свободы всѣмъ славянскимъ народамъ и призываніе ихъ къ совмѣстной дѣятельности, хотя бы и не предопредѣляя формы правленія, превратилась въ простой бунтъ съ нелѣпыми выдумками о царѣ Константинѣ и его супругѣ Конституціи, какія выдумки распускались между солдатами и даже между простымъ людомъ.

Два гусарскихъ полка, александрійскій изъ Троянова, подъ командой полковника Александра Муравьева, и ахтырскій изъ Любара, подъ командой Артамона Муравьева, выступили, съ

генераломъ Гейсмаромъ во главѣ, для усмиренія бунта московскаго пѣхотнаго полка, командованіе которымъ захватилъ подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, устранившій полковаго командира. Взбунтовавшіяся войска находились въ Трилѣсахъ на Украинѣ, кажется, въ бѣлоцерковскихъ помѣстьяхъ гр. Браницкой. При генералѣ Гейсмарѣ былъ адъютантомъ Флоріанъ Ржевускій, сынъ Северина Ржевускаго, бывшаго эскадроннымъ командиромъ въ наполеоновской арміи. Это былъ человѣкъ очень способный и энергичный, какъ и всѣ Ржевускіе. Онъ находился съ нами въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и то, что я здѣсь разсказываю, есть повтореніе словъ этого офицера.

Братья Муравьевы, Александръ и Артамонъ, которые принадлежали къ самымъ ревностнымъ тампліерамъ и наиболѣе вліяли на сближеніе русскихъ съ поляками, по развитіи общества зеленой книги, совершенно охладѣли къ своей прежней дѣятельности, но изъ чувства военной чести и товарищества, не имѣли достаточно мужества, чтобы выйти изъ общества; они оставались его членами, но играли пассивную роль. Генералъ Гейсмаръ зналъ объ этомъ, какъ говорилъ Ржевускій, и хотя не особенно былъ расположенъ къ этимъ почтеннымъ и хорошимъ офицерамъ, но взялъ ихъ въ эту экспедицію, по приказанію генерала Рота, чтобы, въ случаѣ какого нибудь доноса или открытія въ бумагахъ именъ этихъ полковниковъ, имѣть возможность объяснить ихъ поведеніе передъ правительствомъ и избавить ихъ отъ отвѣтственности. Въ этихъ полкахъ было еще нѣсколько офицеровъ, принадлежавшихъ къ обществу, а солдаты болтали о цесаревичѣ Константинѣ и его супругѣ Конституціи.

Муравьевъ-Апостолъ разсчитывалъ навѣрное, что высланные гусарскіе полки соединятся съ нимъ и потому не велѣлъ зарядить ружей, развернулъ фронтъ для принятія вновь прибывшихъ и самъ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Гусарскіе полки шли рысью, колоннами, поэскадронно; полковники находились передъ фронтомъ, а генералъ Гейсмаръ между двумя колоннами. Когда войска приблизились къ мятежникамъ, наступавшія колонны, безъ всякой команды, пошли шагомъ. Генералъ Гейсмаръ поворотилъ

коня назадъ и понялъ это какъ дурный признакъ. Въ этотъ моментъ Флоріанъ Ржевускій, съ крикомъ „ура!“ и съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ, пустилъ коня въ галопъ прямо на Муравьева-Апостола. Какъ разсказывалъ самъ Ржевускій, онъ ни рукою, ни палашомъ не тронулъ Муравьева-Апостола, но его лошадь, очень горячая и норовистая, ударила грудью коня Муравьева-Апостола и всадникъ свалился на землю.

Гусары, увидѣвъ, что полковникъ лежитъ на землѣ, тотчасъ, по приказанію своихъ командировъ, тронулись курцъ-галопомъ, а пѣхотные солдаты московскаго полка побросали свои ружья въ знакъ того, что они сдаются, и все было кончено. Тогда оба полковника, вмѣстѣ съ Флоріаномъ Ржевускимъ, выѣхали на встрѣчу къ генералу Геймару и отрапортовали объ исходѣ дѣла.

Гейсмаръ, который, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, былъ храбрымъ солдатомъ и честнымъ человѣкомъ, донесъ генералу Роту обо всемъ такъ, какъ дѣло было въ дѣйствительности, и всецѣло приписалъ счастливый исходъ отвагѣ и присутствію духа Флоріана Ржевускаго.

Несмотря на самый благопріятный рапортъ ген. Гейсмара и ген. Рота относительно обоихъ Муравьевыхъ, былъ полученъ прямо изъ Петербурга приказъ объ арестѣ и препровожденіи ихъ подъ конвоемъ жандармовъ въ столицу. Это приписали тогда проискамъ нѣмцевъ, которые были воодушевлены величайшей ненавистью ко всему роду Муравьевыхъ, извѣстному своими славянскими симпатіями.

Тогда же былъ арестованъ полковникъ Повало-Швейковскій и много другихъ русскихъ офицеровъ. Изъ помѣщиковъ были арестованы: Петръ Мощинскій, волынскій губернскій предводитель дворянства, Карвицкій, предсѣдатель главнаго волынскаго суда и еще нѣсколько помѣщиковъ изъ Волыни, Подоліи и Украины, между ними и Людвигъ Собанскій. Изъ польскихъ офицеровъ были арестованы полковникъ Крыжановскій и маіоръ Маевскій, но судъ надъ ними происходилъ въ Варшавѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ВОЛЫНИ И УКРАИНЫ.[1]

3. Превелебный сватъ.

(ОКОНЧАНІЕ).

III.

Вѣсть объ Омеляницкой „трагедіи“ съ быстротою молніи облетѣла окрестности и глубоко взволновала все населеніе. Какъ ни было привычно тогдашнее общество къ подобнымъ кровавымъ исторіямъ, но данное происшествіе слишкомъ выходило изъ ряда обыкновенныхъ насилій какъ по своему отчаянному звѣрству, такъ въ особенности потому, что его виновниками оказывались высокопоставленныя духовныя лица. При существовавшихъ въ то время на Волыни острыхъ религіозныхъ несогласіяхъ и раздорахъ, кровавое насиліе, среди бѣла дня совершенное католическимъ епископомъ и каноникомъ, порождало величайшій скандалъ, усердно эксплоатируемый православными и протестантами съ цѣлью опозорить всю католическую іерархію. Бывшій въ то время луцкимъ бискупомъ Андрей Гембицкій, человѣкъ умный и вліятельный, понималъ это лучше другихъ, поэтому онъ съ рѣзкимъ порицаніемъ отнесся къ поступку своего викарія и далъ понять, что не намѣренъ оказывать ему никакой защиты и поддержки въ этомъ позорномъ дѣлѣ. Красицкій и самъ сознавалъ, что зашелъ слишкомъ далеко, да ужъ прошлаго

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1891 г. № 1.

не воротишь! Къ тому же онъ видѣлъ, что его малодушно оставляютъ недавніе союзники: кустошъ Гоголинскій открыто сваливалъ на него всю вину, выгораживая себя, а судья Линевскій, теперь совершенно потерявшій надежду женить сына на паннѣ Станишевской, и подавно умывалъ руки въ этомъ дѣлѣ. Оставалась одна надежда—на брацлавскаго каштеляна Стемпковскаго. Къ нему и обратился бискупъ Красицкій за совѣтомъ, что предпринять.

— Эхъ, reverendissime! погорячились вы ужъ очень! Надо было предоставить все дѣло моему Ганнусу — повѣрьте, онъ много опытнѣе вашей милости въ подобныхъ „справахъ!"— издѣвался каштелянъ надъ присмирѣвшимъ бискупомъ.

— А что слышно о Станишевскомъ? останется ли онъ въ живыхъ?—спросилъ послѣдній.

— Плоха надежда! Рука то у васъ тяжеленька: шутка-ли однимъ ударомъ раскроить черепъ! Даже мой Ганнусъ удивляется—а ужъ онъ ли не мастеръ въ этомъ искусствѣ!... Да и пани Станишевская, слышно, очень плоха. Смотрите, какъ-бы вашей милости не пришлось быть у нея кумомъ прежде времени...

— Оставьте неумѣстныя шутки!—перебилъ бискупъ, не привыкшій сносить чьи-либо издѣвательства.—Лучше посовѣтуйте, если можете: что намъ предпринять?

— Что *намъ* предпринять?—лукаво переспросилъ Стемпковскій.—Ваше превелебіе изволите забывать, что мое и ваше положеніе въ данномъ дѣлѣ весьма различны: я вѣдь не былъ въ Омеляникѣ, и меня, надѣюсь, не станутъ обвинять въ намѣреніи похитить панну Станишевскую... Но, такъ и быть, не отказываюсь служить вашей милости и въ этомъ случаѣ. Я самъ, какъ вы знаете, плохой законникъ, но у меня есть вѣрный человѣкъ—отличный юристъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умная, изворотливая и изобрѣтательная голова. Гдѣ не справится Ганнусъ, туда я посылаю пана Тетерю. Я сейчасъ велю прислать его къ вамъ для консультаціи, но предупреждаю—жаденъ бестія! и вашей милости придется подѣлиться съ нимъ тѣми двумястами червонцевъ, которые вручилъ вамъ мой родственникъ Линевскій въ видѣ „контентаціи" за неудавшееся сватовство...

Съ этими словами Стемпковскій вышелъ изъ комнаты, а черезъ нѣсколько минутъ сюда вошелъ высокій, худощавый человѣкъ, съ лицомъ простонароднаго украинскаго типа, и низко поклонившись, почтительно остановился у порога. На видъ ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ; въ его невзрачной фигурѣ не было ничего замѣчательнаго, и только выпуклый лобъ и пронизывающій взглядъ сѣрыхъ глазъ свидѣтельствовали объ его умѣ. Это былъ никто иной, какъ Павелъ Ивановичъ Тетеря—будущій малороссійскій гетманъ. Не задолго предъ тѣмъ онъ состоялъ „реентомъ" (правителемъ) канцеляріи гродскаго суда во Владимірѣ-Волынскомъ, но Стемпковскій, оцѣнивъ его способности, сманилъ его къ себѣ на службу и сдѣлалъ главнымъ своимъ „агентомъ", т. е. повѣреннымъ.

Началась консультація.

— Вашей милости слѣдовало бы первому выступить на судѣ въ роли потерпѣвшаго—поучалъ Тетеря. Къ сожалѣнію, вы уже опоздали: не далѣе какъ сегодня утромъ родственникъ Станишевскихъ п. Маркъ Гулевичъ занесъ на васъ жалобу и истребовалъ возныхъ для освидѣтельствованія слѣдовъ наѣзда. Вамъ не остается ничего, какъ возбудить встрѣчный искъ. Повѣрьте, что на судѣ, какъ и на войнѣ, наступательная тактика чаще приводитъ къ успѣху, нежели оборонительная. Еслибы вамъ и не удалось выиграть процессъ, по крайней мѣрѣ вы этимъ значительно затормозите ходъ дѣла для противной стороны.

— Ну, хорошо, мнѣ самому больше по душѣ наступательная роль,—согласился бискупъ. Но съ какимъ оружіемъ мы выступимъ, т. е. какія представимъ доказательства?

— О, за этимъ не будетъ остановки. Вѣроятно, между вашими слугами, что были съ вами въ Омеляникѣ, найдутся раненые; если же нѣтъ, то любой цырюльникъ въ полчаса сфабрикуетъ какія угодно раны изъ категоріи тѣхъ, что предусмотрѣны въ Статутѣ: и „синія", и „спухлыя", и „кровью набѣглыя"... А господа возные плохіе вѣдь эксперты по медицинской части!—съ улыбкой закончилъ Тетеря.

Бискупъ Красицкій послушался опытнаго юриста и въ тотъ же день явился въ судъ съ жалобой. Тамъ въ это время

происходилъ разборъ какого-то дѣла, но, въ виду прибытія столь важной особы, судьи прервали на время свои занятія и объявили бискупу, что готовы выслушать его. Довольно многочисленная публика, всегда наполнявшая залы и канцелярію во время судебныхъ засѣданій, густою толпою придвинулась къ судьямъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, что послѣдуетъ далѣе. Всѣ присутствовавшіе хорошо знали обстоятельства дѣла, по которому прибылъ сюда Красицкій, и успѣли уже составить объ немъ довольно опредѣленное мнѣніе, мало благопріятное для обвиняемаго, поэтому каждому хотѣлось услышать, что скажетъ онъ въ свое оправданіе. Каково же было ихъ удивленіе, когда изъ устъ бискупа полилась громовая обвинительная рѣчь! Присутствіе многочисленныхъ слушателей нимало его не смущало, напротивъ увеличивало его воодушевленіе. Его голосъ дрожалъ отъ негодованія, глаза метали искры. Онъ не находилъ словъ для порицанія преступнаго поведенія п. Станишевскаго, осмѣлившагося нанести ему, „князю церкви“, неслыханное оскорбленіе и святотатственно дерзнувшаго поднять на него руку. Какъ христіанинъ, онъ умѣетъ прощать личныя обиды, но въ его лицѣ оскорбленъ высшій представитель церковной іерархіи, преемникъ апостольской власти—и потому виновный долженъ понести заслуженное наказаніе. Онъ отправился въ Омеляникъ съ самыми благими намѣреніями, (optimo ductus affectu), чтобы пріятельски переговорить съ Станишевскимъ объ устройствѣ судьбы его племянницы, которую послѣдній безъ вѣдома ея опекуновъ порѣшилъ выдать замужъ cum summo ejus detrimento. Въ то время, когда жалобщикъ бесѣдовалъ съ своей питомицей, Станишевскій „поразсажалъ по коморахъ челядь свою съ шефелинами, ощепами[1]) и иншимъ оружьемъ и на село по хлоповъ послалъ“. Бискупъ хотѣлъ уже проститься и сталъ упрашивать Станишевскаго возвратить дѣвушку въ кляшторъ, такъ какъ она, extra mentem in libertate будучи, не въ состояніи обдуманно рѣшить вопросъ о своей будущности. Въ эту минуту вошелъ слуга бискупа съ сообщеніемъ о засадѣ. Станишевскій

---

[1]) *Шефелинъ*—копье; *ощепъ*—дротикъ.

началъ его бить. На крикъ сбѣжалась вооруженная челядь хозяина. Прибѣжали и слуги бискупа „ратовать" его, но ихъ начали бить и ранить. Какой-то impius satelles намѣревался заколоть жалобщика рогатиной, но Богъ чудеснымъ образомъ violentem satellitem ослѣпилъ, а его, бискупа, безоружнаго и неповиннаго, защитилъ вышнею десницею. Жалобщикъ слезно упрашивалъ всѣхъ, „абы угамовались", но Станишевскій и его челядь, „вызувши зъ себе врожденную людскость и огнемъ hostilitatis палаючи", хотѣли напиться его невинной крови. Опасаясь, какъ бы не вышло изъ того большей бѣды, бискупъ „зъ невымовнымъ жалемъ" по поводу неслыханныхъ оскорбленій, какимъ онъ подвергался, поспѣшно созвалъ свою „челядку" и уѣхалъ „in summa patientia, зоставивши зомсту Пану Богу". Что же касается обвиненія противной стороны, будто онъ имѣлъ намѣреніе violenter похитить панну Станишевскую, то это дерзкая и гнусная клевета: „будучи ad vota spiritualia alligatus", можетъ ли онъ послѣ того „ad secularia (а тѣмъ паче ad raptum virginum) transire!" Какъ и подобало духовной особѣ, Красицкій закончилъ свою жалобу слѣдующимъ молитвеннымъ обращеніемъ (по латыни): „Призываю во свидѣтели Того (какъ выразился въ подобномъ же случаѣ папа Иннокентій III), Кто, взирая съ неба, истинно можетъ посвидѣтельствовать, что я вступилъ въ домъ опекаемой съ чистымъ сердцемъ и добрымъ намѣреніемъ. Ты, Владыко неба и земли, вѣдаешь тайное, испытуешь сердца и проникаешь сокровенное; передъ Твоимъ небеснымъ судомъ открыта жизнь всякой твари, и Ты имѣешь власть и содѣянный грѣхъ очистить, и дать соизволеніе на то, что должно еще совершиться. Сего ради предъ Твоимъ божественнымъ величествомъ склоняю колѣни и проливаю слезы, смиренно моля: яви волю Твою святую среди одержащихъ мя тяжкихъ обидъ и поношеній и благоволи открыть невинность мою!"

Не успѣлъ бискупъ окончить эту патетическую тираду, какъ въ залу стремительно вошелъ молодой п. Гулевичъ и съ волненіемъ произнесъ:

— Милостивый пане подстаросто! Доношу вашей милости, что п. Петръ Станишевскій сію минуту отдалъ Богу душу, а

пани Станишевская родила преждевременно и Богъ вѣдаетъ, останется ли въ живыхъ. Прошу отрядить вознаго для освидѣтельствованія ранъ на тѣлѣ умершаго, послужившихъ причиною его смерти...

IV.

Въ теченіе одной недѣли въ Омелянникѣ произошло нѣсколько важныхъ событій. Послѣ трехъ-дневной агоніи Петръ Станишевскій скончался, ни на одну минуту не прійдя въ чувство. Маленькій Михайликъ, котораго во время побоища затоптали чуть не до смерти, еще хирѣлъ нѣкоторое время и черезъ недѣлю послѣдовалъ за отцемъ. Гальшка Станишевская раньше срока родила дочь, которую назвали *Петрусей* (Петронелей) въ память несчастнаго отца. Одна Ганнуся довольно благополучно перенесла снѣжную ванну въ „пашенной“ ямѣ, поплатившись за нее лихорадкой. Съѣхались многочисленные родичи и не знали, о чемъ раньше хлопотать—о крестинахъ или о похоронахъ. Но сперва надо было совершить обрядъ „обволанья“, или „проклямаціи“ надъ тѣломъ убитаго, какъ того требовалъ законъ.

Утромъ 15-го февраля гробъ съ покойникомъ положили на сани и въ сопровожденіи родныхъ, пріятелей и толпы народа отправили въ Луцкъ. Лишь только печальный кортежъ вступилъ въ черту города, какъ во многихъ костелахъ и даже церквахъ начался похоронный перезвонъ, и толпы горожанъ присоединились къ шествію. Торговцы спѣшили запереть свои „крамницы“, ремесленники бросали работу, даже ученики братской школы толпой высыпали изъ училищнаго дома—всѣ спѣшили посмотрѣть на интересное зрѣлище, случайно принявшее характеръ манифестаціи, направленной противъ высшаго католическаго духовенства. Одни студенты іезуитскаго коллегіума, вопреки всегдашней своей склонности ко всякаго рода публичнымъ зрѣлищамъ, теперь совершенно отсутствовали, но и то потому лишь, что, по особому распоряженію бискупа, они на цѣлый день были заперты въ коллегіумѣ и не смѣли показать

и носа на улицу. За гробомъ шелъ братъ покойнаго п. Войтехъ Станишевскій и другіе близкіе родственники. Въ глубокомъ безмолвіи, лишь изрѣдка нарушаемомъ женскимъ плачемъ и возгласами негодованія въ толпѣ, кортежъ вступилъ въ замокъ и остановился у дома, гдѣ помѣщалась канцелярія гродскаго суда. Оттуда вышли урядники: подстароста, судья, подсудокъ и писарь, а за ними толпа шляхтичей, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ по случаю открытія въ Луцкѣ судебной сессіи. Войтехъ Станишевскій, согласно обычаю, сталъ излагать жалобу. Въ пространной рѣчи онъ съ мелчайшими подробностями передалъ исторію совершившагося преступленія и съ особенною яркостью изобразилъ возмутительную сцену убійства, когда бискупъ, подобно изступленному звѣрю, почуявшему запахъ крови, однимъ ударомъ раскроилъ черепъ несчастному „не якъ чоловѣкови, але якъ быдляти", билъ каблуками обезумѣвшую отъ горя беременную женщину, топталъ невинныхъ дѣтей и съ окровавленнымъ кинжаломъ бѣгалъ по всему дому, чтобъ перерѣзать горло сиротѣ-дѣвушкѣ. Въ заключеніе Станишевскій просилъ урядъ лично освидѣтельствовать слѣды побоевъ и ранъ на тѣлѣ покойника, отъ которыхъ онъ „тотъ свѣтъ дочасный пожегналъ, а малжонку жалостную и дѣтки осиротѣлые позоставилъ". Тотчасъ сняли крышку съ гроба; трупъ, прикрытый лишь однимъ саваномъ, былъ осмотрѣнъ, и подстароста велѣлъ записать писарю, что въ головѣ оказались двѣ раны „вельми шкодливые, смертельные, до мозку перетятые", лѣвая рука „обухами зкгрухотанная", а все тѣло покрыто „знаками синими, побитыми".

Послѣ того, по просьбѣ родныхъ, судъ поручилъ возному произвести обрядъ „проклямаціи" надъ тѣломъ убитаго и „пволанья" виновниковъ его смерти. Любопытно, что объ этомъ обрядѣ нѣтъ даже упоминанія въ литовскомъ Статутѣ, тѣмъ не менѣе онъ неизмѣнно соблюдался на Волыни въ XVI—XVII ст., можетъ быть, какъ остатокъ обычнаго права иной, отдаленной эпохи, когда публичное провозглашеніе имени убійцы надъ трупомъ убитаго имѣло значеніе общественнаго приговора, обрекающаго виновнаго на жертву родовой мести. Со времени введенія Статута, узаконившаго процессуальный порядокъ для

уголовныхъ дѣлъ, обычай преждевременной диффамаціи обвиняемыхъ въ убійствѣ, задолго до произнесенія надъ ними судебнаго приговора, представлялся, конечно, странной аномаліей; тѣмъ не менѣе, повторяемъ, онъ строго соблюдался какъ „правный“ (законный) обрядъ, и противъ него не возражали даже тѣ, кому онъ причинялъ величайшій позоръ—сами обвиняемые. И въ данномъ случаѣ обрядъ этотъ былъ выполненъ со всею точностью. Гробъ съ покойникомъ вывезенъ былъ на средину замковой площади; окружающая толпа притихла. Возный, сидя верхомъ на лошади, громогласно объявилъ, что „небожчикъ панъ Петръ Станишевскій есть окрутне (тирански) забитый и замордованый (замученъ) за гвалтовнымъ наѣздомъ на его домъ чрезъ его милость ксендза Миколая Красицкаго, бискупа-суффрагана луцкаго, и его милость ксендза Францишка Гоголинскаго, кустоша луцкаго, и чрезъ людъ его милости п. Стемпковскаго, каштеляна брацлавскаго, на то умыслне посланный, съ причины и оказыи его милости п. Линевскаго, судьи земскаго луцкаго, за спольною всихъ радою, помочью и намовою есть забитый и замордованый“.

Послѣ этого шествіе направилось обратно въ прежнемъ порядкѣ. Среди „окольнаго“ замка, между каѳедральнымъ костеломъ и іезуитскимъ коллегіумомъ, почти подъ окнами квартиръ Красицкаго и Гоголинскаго, кортежъ остановился, и возный вторично провозгласилъ имена обвиняемыхъ. Въ третій разъ „обволанье“ было совершено среди рынка и въ четвертый—„надъ право“ (т. е. сверхъ предписанія закона)—при выѣздѣ изъ города. Затѣмъ гробъ съ покойникомъ былъ отправленъ въ кляшторъ бернардиновъ, находившійся въ предмѣстьи Луцка, и оставленъ тамъ до похоронъ.

Не трудно представить, какое впечатлѣніе на окружающую толпу должны были производить эти многократныя возглашенія именъ католическихъ сановниковъ надъ гробомъ ихъ жертвы. То были капли, переполнявшія чашу народнаго долготерпѣнія, краснорѣчивыя внушенія для безправной массы, чего ей ждать отъ правящихъ классовъ, гдѣ рѣдкій изъ вельможныхъ пановъ не запятнанъ тяжкимъ преступленіемъ, гдѣ даже высокопоставленныя духовныя лица не брезгаютъ упражняться въ раз-

боѣ и убійствахъ; наконецъ, то были опасныя искры, падавшія на почву религіозныхъ и національныхъ страстей, достаточно уже приготовленную для взрыва. Бискупъ Гембицкій зналъ, что дѣлалъ, отдавая приказъ запереть іезуитскихъ студентовъ: надо было слышать, какіе возгласы раздавались изъ толпы мѣщанъ по адресу „ляховъ“ и ксендзовъ, съ какимъ задоромъ братскіе школьники дразнили своихъ постоянныхъ противниковъ—студентовъ, и не будь послѣдніе подъ замкомъ—кровавыя событія, совершившіяся въ Луцкѣ въ августѣ 1648 года, могли бы произойти полугодомъ раньше.

Черезъ нѣсколько дней происходили похороны Петра Станишевскаго, причемъ, согласно установившемуся обычаю, предъ опущеніемъ гроба въ могилу снова былъ совершенъ вознымъ обрядъ „обволанья“ виновниковъ его смерти.

V.

Начался уголовный процессъ одновременно въ свѣтскомъ и духовномъ судѣ. Но прежде нежели состоялось рѣшеніе въ судѣ человѣческомъ, судъ Божій произнесъ свой грозный приговоръ надъ самыми основами польско-шляхетскаго общественнаго строя, въ которомъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ процвѣтали самоуправство, насиліе и всевозможныя преступленія и земля наполнилась злодѣяніями. Не задолго до происшествія въ Омельяникѣ, въ отдаленномъ Суботовѣ совершилось подобное же кровавое насиліе: шляхтичъ Чаплинскій учинилъ „гвалтовный“ наѣздъ на хуторъ козака Хмельницкаго, отнялъ у него жену и засѣкъ до смерти малолѣтняго сына. За это насиліе Польша поплатилась Желтыми-Водами, Корсунемъ, Пилявцами, Збаражемъ и цѣлыми потоками крови. Пламя возстанія охватило и Волынь. Въ августѣ 1648 года луцкіе мѣщане безъ сопротивленія сдали козакамъ городъ съ замкомъ и вмѣстѣ съ ними занялись истребленіемъ „ляховъ“, ксендзовъ и евреевъ. Бернардинскій кляшторъ былъ сожженъ до тла, каѳедральный, іезуитскій, доминиканскій и другіе костелы и монастыри были разграблены и осквернены; захваченные ксендзы (въ томъ числѣ пріоръ домини-

канскаго кляштора) подверглись позорной смерти. Бурмистры и райцы, предводительствуя толпами мѣщанъ, въ неистовствѣ бѣгали по улицамъ съ криками: „Быйте ляховъ, поганскихъ сыновъ,—теперъ часъ маете!“ [1]). Такъ продолжалось всю осень и зиму 1648—49 гг. и затѣмъ подобныя сцены повторялись на Волыни и въ послѣдующіе годы, послѣ каждаго пораженія Хмельницкимъ польскихъ ополченій.

Ни одинъ изъ героевъ нашего разсказа не былъ, однако, свидѣтелемъ этихъ ужасовъ: и правые, и виноватые—всѣ заблаговременно бѣжали предъ лицомъ народнаго гнѣва и спѣшили найти убѣжище въ отдаленныхъ мѣстахъ коренной Польши и Литвы. Одинъ лишь панъ Тетеря не послѣдовалъ за своимъ патрономъ Стемпковскимъ, но присоединился къ козакамъ и вмѣстѣ съ ними грабилъ и разорялъ панскія имѣнія на Волыни.

Послѣ зборовскаго перемирія наступило временное затишье, и волынскіе изгнанники получили возможность возвратиться изъ „забѣговъ“ на родину, въ свои разоренныя гнѣзда. Вдова Станишевская, вмѣстѣ съ своимъ деверемъ, немедленно возобновила прерванный процессъ съ убійцами ея мужа. Въ февралѣ 1650 года папа Иннокентій X, на рѣшеніе котораго восходило дѣло о Красицкомъ и Гоголинскомъ, назначилъ луцкаго бискупа Андрея Гембицкаго коммиссаромъ апостольскаго престола и поручилъ ему произвести судъ надъ своимъ викаріемъ и каноникомъ. Гембицкій безъ лицепріятія исполнилъ это важное порученіе: онъ приговорилъ обоихъ обвиняемыхъ къ изверженію изъ духовнаго сана и предалъ ихъ церковному отлученію. Но бискупъ Красицкій не даромъ служилъ когда-то протонотаріемъ при дворѣ римскаго первосвященника; онъ лично отправился въ Римъ съ апелляціей на постигшій его суровый приговоръ и добился того, что папа въ томъ же году отмѣнилъ декретъ Гембицкаго, какъ несогласный будто бы съ церковными канонами, и поручилъ польскому примасу Мацѣю Лубенскому заново разсмотрѣть дѣло.

Въ свѣтскихъ судахъ дѣло тянулось еще медленнѣе. Едва луцкій гродскій судъ приступилъ къ его разсмотрѣнію, какъ

---

[1]) Актовая книга луцкаго гродскаго суда, № 2491.

обвиняемые потребовали перенесенія дѣла въ люблинскій трибуналъ, гдѣ оно откладывалось отъ одной сессіи до другой. Тѣмъ временемъ для Польши наступили, казалось, послѣднія времена. Царь Алексѣй Михайловичъ овладѣлъ Литвой и Бѣлоруссіей; шведскій король Карлъ X взялъ Познань, Варшаву и Краковъ; Хмельницкій вступилъ въ Червоную Русь, разбилъ польское войско подъ Гродскомъ и осадилъ Львовъ. Польша была на краю гибели, и король Янъ-Казимиръ бѣжалъ въ Силезію. Въ эти бѣдственные годы какая же была возможность для правосудія совершать свои отправленія!

Время шло и приносило все новыя перемѣны. Умеръ бискупъ Красицкій вдали отъ родины; за нимъ одинъ за другимъ сошли со сцены и остальные обвиняемые: Стемпковскій, Гоголинскій и Линевскій. Въ семьѣ Станишевскихъ также не все осталось по-прежнему: Ганнуся вышла наконецъ замужъ за своего прежняго жениха Константина Гулевича; даже сама безутѣшная вдова Гальшка Станишевская пришла къ заключенію, что не вѣчно же ей оплакивать погибшаго мужа, и вступила во вторичный бракъ съ холмскимъ каштеляномъ Яномъ Песочинскимъ.

Казалось, со смертью обвиняемыхъ долженъ былъ бы прекратиться и самый процессъ объ убійствѣ Станишевскаго; однако же, онъ не былъ прекращенъ, а только измѣнилъ свой характеръ. Теперь дѣло шло уже не о карѣ виновныхъ, ушедшихъ отъ суда человѣческаго, а о взысканіи *„головщины“*—денежнаго вознагражденія за голову убитаго, и искъ былъ предъявленъ къ наслѣдникамъ виновниковъ его смерти. Лишь только въ Польшѣ вновь наступили спокойныя времена, бывшая пани Станишевская, поддерживаемая теперь вліятельнымъ опекуномъ-мужемъ, съ новой энергіей возобновила полузабытый процессъ и хотя поздно, но добилась своего. Въ 1663 году послѣдовалъ наконецъ трибунальскій декретъ, которымъ п. Даніилъ Стемпковскій, каштелянъ брацлавскій и староста владимірскій, въ качествѣ наслѣдника отцовскихъ имѣній, былъ приговоренъ къ уплатѣ 240 гривенъ за голову Петра Станишевскаго, а черезъ два года такому же взысканію (въ суммѣ 1800 злотыхъ) под-

верглись племянники, двоюродные братья и другіе родственники и наслѣдники бискупа Красицкаго. У п. Стемпковскаго въ ту пору не случилось наличныхъ денегъ, и онъ уплатилъ свою часть цѣнными „клейнотами“: перстнями, серьгами, „манеллями“ (браслетами), брошками и другими золотыми украшеніями съ рубинами и „діаментами“. Для бывшей паніи Станишевской были какъ нельзя болѣе кстати эти драгоцѣнности: въ то время она готовилась разомъ къ двумъ свадьбамъ—свою старшую дочь Маріанну выдавала она за кіевскаго подсудка Яна-Александра Олизара-Волчкевича, а младшая Петруся, никогда не видѣвшая своего отца, выходила за п. Песочинскаго—пасынка своей матери.

Ор. Левицкій.

ГАЛИЦКО-РУССКІЙ „SAVOIR VIVRE".

Въ извѣстномъ „Дополненіи къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго", составленномъ Я. Ѳ. Головацкимъ (Приложеніе къ XXIV тому Записокъ императорской академіи наукъ, № 3. С.-Петербургъ. 1874) обозначено на страницѣ 40 подъ № 203 довольно загадочное сочиненіе подъ заглавіемъ „Полѣтика свѣтска", въ 12 долю (безъ обозначенія мѣста и года печати, вѣроятно, въ Почаевѣ, около 1800 года). Покойный галицко-русскій ученый не отмѣтилъ одного довольно важнаго обстоятельства: что экземпляръ сочиненія, который по всей вѣроятности былъ у него подъ рукой, есть только отрывокъ, а не самостоятельное сочиненіе. Быть можетъ, это былъ тотъ самый отрывокъ, который составлялъ собственность русинскаго депутата о. Ивана Озаркевича, когда то хорошо знакомаго съ покойнымъ Головацкимъ; отрывокъ этотъ въ настоящее время находится у П. И. Житецкаго.

На библіографическо-археологической выставкѣ Ставропигійскаго института во Львовѣ 1888 года, въ числѣ прочихъ рѣдкихъ изданій и рукописей, находилась также книжечка, часть которой составляла названная выше „Полѣтика свѣцкая". Книжечка эта въ настоящее время составляетъ большую библіографическую рѣдкость; единственный извѣстный намъ экземпляръ хранится въ библіотекѣ епископскаго собора въ Перемышлѣ. Вотъ почему, чтобъ исправить библіографическую неточность, допущенную Я. Ѳ. Головацкимъ, а также въ виду несомнѣннаго культурнаго интереса, который представляетъ эта кни-

жечка, мы предлагаемъ ея точное описаніе и изложеніе содержанія и перепечатываемъ вполнѣ ея послѣднія страницы.

Заглавіе книжечки, о которой идетъ рѣчь, слѣдующее: „Бꙋкварь, ꙗзыка славенскагѡ, чтенїа и писанїа оучащимсѧ, въ полезное рꙋководженїе тѵпомъ изданъ, при храмѣ Оуспенїѧ прⷭ҇тыѧ Бцы въ Бгоспасаемомъ Градѣ Львовѣ. Рокꙋ Бжїѧ аѱч. Мца октоврїа а҃ днѧ“. Форматъ—малое 8°, страницъ ненумерованныхъ 52. Какъ видимъ, почти всѣ обозначенія и предположенія Головацкаго оказываются невѣрными. Изданіе вышло не въ Почаевѣ, но во Львовѣ, не около 1800, а въ 1790 году, не въ 12, но въ 8 долю листа. О какомъ нибудь особенномъ, второмъ изданіи „Свѣцкой полѣтики“ безъ „Букваря“, которое могъ бы имѣть подъ рукой Головацкій, не можетъ быть и рѣчи, уже по тому одному, что и онъ не имѣлъ цѣлой книжки, но только отрывокъ безъ заглавнаго листа, да и отрывка того не описалъ такъ, какъ бы слѣдовало.

Вотъ содержаніе книжечки:

Листъ 1 (заглавный) verso: Писмена; л. 2 verso—3 recto: Слоги изъ двохъ писменъ; л. 4 v. Рече́нія изъ единаго трехписменнаго слога; л. 5 r. Реченія изъ двохъ четыреписменныхъ слоговъ; 5 v. Реченія изъ разнаго числа слоговъ; л. 6 v. Реченія единаго слога, составленнаго изъ разнаго числа писменъ; л. 7 r. Рѣчъ изъ реченій составленная; л. 8 r. Слоги подъ титлами; 10 v. Просодія строчная (знаки препинанія) и просодія верхняя; л. 11 r. *Примѣчаніе*: Знай яко ко доброму и искусному чтенію не токмо писмена и сло́ги, но и просодію разумѣти потребно есть. Тѣмже по слогахъ прими́ абіе начертаній просодійскихъ истолкованіе, и отрокомъ оучащимся предлагай сицево́ изъясненіе, и проч.

Л. 12 r. О Бозѣ, что и каковъ и коликій есть Богъ нашъ.

Л. 13 v. О Божіемъ промыслѣ, како́вый имѣетъ Богъ и обще ко всѣмъ тваремъ своимъ, и особливо къ человѣку о вѣчномъ его спасеніи.

Л. 17 r. Тайны Но́ваго Завѣта.

Л. 17 v. Заповѣди церковнаго правителства.

Л. 17 v. О законѣ Божій, которымъ всякъ человѣкъ долженъ оуправляти житіе свое, дабы живота вѣчнаго не лишился.

Л. 24 r. и v. Число (церковное, гражданское, латинское и словами, до 10.000).

Л. 25 r. Молитвы оутренныя, яже должно есть отроча, воставъ отъ сна, Богу благочестно воздати, первѣе оубо да знаменается крестомъ кланяяся и глаголя, и проч.

Л. 25 v. *Примѣчаніе:* Когда отрокъ послѣдующимъ молитвамъ читати оучится, подобаетъ оучителю кождія молитвы содержаніе и силу показовати ему, дабы читая ихъ предъ Богомъ зналъ, чего отъ Бога проситъ. Долженъ такожде и сія славенскія реченія *простимъ рускимъ языкомъ* ему истолковати. А дабы онъ сказуемое и изясняемое лучше оуразумѣлъ и въ памяти затвердити моглъ, потреба по всякомъ изясненіи вопрошати его о томъ, что ему просто показовано.

Л. 29 r. Сvмволъ православныя вѣры (конечно, съ уніатскимъ „отъ Отца и Сына исходящаго“).

Л. 30 v. Исповѣдь повседневная.

Л. 33 v. Молитвы предъ обѣдомъ. Благодареніе по обѣдѣ.

Л. 34 r. Молитвы предъ вечерею. Благодареніе по вечери.

Л. 35 r. Молитвы на сонъ грядущымъ.

Л. 37 v. Служенія до службы Божія. Дѣтемъ млàдымъ благопотребное.

Л. 44 v. до конца: *Полѣтика свѣцкая, отъ иностранныхъ авторовъ вкратцѣ собранная. Младымъ примична, всѣмъ же обще благопотребная.*

Букварь этотъ, какъ видитъ читатель изъ представленнаго тутъ перечня его содержанія—это въ нѣкоторомъ родѣ цѣлая энциклопедія того, чему въ то время учили въ галицко-русскихъ народныхъ школахъ. Есть здѣсь и элементы чтенія, счеты, молитвы повседневныя, „служеніе до службы Божьей“, нужное особенно въ городахъ, гдѣ и въ уніатскихъ церквахъ, по латинскому обычаю, заведены „тихія“, читанныя службы, при которыхъ священнику прислуживали обыкновенно школьные мальчики, и въ концѣ „Свѣцкая полѣтика“, т. е. правила благоприличія. Изданіе этого букваря съ его примѣчаніями и матеріаломъ

было однимъ изъ проявленій духа западно-европейскаго просвѣщенія въ галицко-русской народной школѣ. Послѣ „Псалтири“ и „Часослова“, служившихъ до сихъ поръ единственными кромѣ азбуки пособіями при элементарномъ обученіи, это былъ значительный шагъ впередъ. И хотя вообще „Букварь“ имѣетъ характеръ церковный, такъ какъ и школа народная въ то время находилась исключительно въ вѣдѣніи церкви и духовенства или причта церковнаго, и писанъ языкомъ церковнымъ, но интересно то, что когда дѣло доходитъ до чисто мірского сюжета, которому авторъ желалъ болѣе широкаго распространенія среди народа, то и языкъ его въ значительной степени приближается къ простонародной рѣчи, или же къ той южнорусской литературной рѣчи, которая выработалась въ XVII стол. подъ перомъ Вишенскаго, Галятовскаго и др. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы австрійское правительство серьезно захотѣло помочь развитію русскаго элемента въ Галиціи или, по крайней мѣрѣ, не задерживать это развитіе, то уже съ концомъ XVIII столѣтія мы имѣли бы здѣсь начатки возрожденія литературы и образованности. Какъ извѣстно, австрійское правительство сначала какъ будто размахнулось сдѣлать нѣчто подобное. Въ 1783 году оно устроило во Львовѣ русскую духовную семинарію, въ которой нѣкоторые предметы преподавались на русскомъ (славено-русскомъ, конечно) языкѣ. Въ 1785 году семинарія эта превращена изъ діецезіальной въ генеральную, въ которую поступали слушатели-уніаты изъ угорской Руси, Хорватіи, Семиградіи. Въ 1786 году приказано настоятелямъ этой семинаріи при повторительныхъ обученіяхъ, было особенно въ богословіи пастырскомъ, нравственномъ и догматическомъ употреблять для русиновъ языкъ русскій; на томъ же языкѣ должны были слушатели сочинять проповѣди, катихизическія науки и другіе уроки, которые ежегодно предлагались правительству для разсмотрѣнія. Съ 1787 г. были учреждены особыя студіи на русскомъ языкѣ въ самомъ университетѣ львовскомъ, гдѣ всѣ обязательные предметы на факультетахъ богословскомъ и философскомъ преподавались для русиновъ по русски. И хотя языкъ этихъ лекцій былъ

мертвый церковно-славянскій и самое содержаніе ихъ не отличалось ни живостью, ни оригинальностью, ни научностью, все таки русины съ неимовѣрной жадностью бросились и на эти крохи европейскаго знанія, какія имъ достались, и въ теченіе одного десятилѣтія не только выдѣлили довольно значительную массу духовенства, несравненно болѣе образованнаго, чѣмъ тѣ полуграмотные дьячки, какіе въ польскія времена поставляемы были въ пресвитеры, но, сверхъ того, произвели значительное число людей съ высшимъ, по тогдашнему европейскимъ образованіемъ [1]).

Заботясь о высшемъ образованіи русиновъ, австрійское правительство въ то же время думало и о первоначальномъ обученіи массъ народныхъ. Для существовавшихъ кое гдѣ церковно-приходскихъ школъ (ихъ въ моментъ перехода Галиціи подъ австрійскую власть не было, кажется, и сотни) изданы: Азбука, Катихизисъ (1786), Букварь (1790), Часословъ (1790). Въ слѣдующемъ году правительство приказало, чтобы по всѣмъ мѣстностямъ восточной Галиціи, гдѣ не было нѣмецкой или польской „тривіальной“ школы, учреждены были русскія тривіальныя школы. Такимъ образомъ „Букварь“ нашъ, изданный Братствомъ Ставропигійскимъ первоначально, можетъ быть, для немногихъ „братскихъ“ и церковно-приходскихъ училищъ, долженъ былъ удовлетворять современемъ нуждамъ значительно большаго числа школъ.

Какъ велико было число русскихъ школъ народныхъ, которыя возникли вслѣдствіе правительственнаго распоряженія 1791 г., мы не знаемъ. Правда, въ 1816 году, во время совѣщаній въ львовской губерніи по дѣлу народныхъ школъ лат. арцибискупъ Анквичъ говорилъ, „что въ продолженіи 44 годовъ ни подъ владѣніемъ Маріи Tepeсіи, ни во время цѣсаря Іосифа II, ни позже о русскихъ школахъ въ Галиціи ничего не было слышно“, но арцибискупъ этотъ отличался тѣмъ, что не слышалъ многихъ вещей слышныхъ всему міру, и хотѣлъ даже залить свинцомъ сердце большого колокола на Успенской церкви, чтобъ не слы-

[1]) Я. Ѳ. Головацкій. Первое движеніе русиновъ въ Галиціи. Науковый сборникъ Матицы, II, 1865. Стр. 76, 77 и 79.

шать еженедѣльнаго звона этого „русскаго Кирилла“. Что о русскихъ школахъ Анквичъ не слыхалъ ничего потому только, что не хотѣлъ, это мы видимъ изъ письма импер. Франца I. отъ 14 ноября 1817 года, въ которомъ онъ съ большою признательностью высказывался о дѣятельности галицко-русскаго духовенства въ дѣлѣ основанія народныхъ школъ, которыхъ по даннымъ консисторій въ одной перемышльской епархіи въ томъ году было 227. Сколько ихъ было въ епархіи львовской, въ два раза слишкомъ большей, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ можемъ полагать, что въ 1817 году было въ Галиціи, по крайней 500 народныхъ училищъ и школъ грамотности. Мы имѣемъ мѣрѣ, правительственныя показанія, подтверждающія, что русское духовенство въ дѣлѣ народнаго образованія опередило польское, среди котораго только съ половины 30-хъ годовъ началось болѣе замѣтное движеніе въ пользу основанія народныхъ училищъ.

Что эти первоначальныя училища для своего времени совсѣмъ не были плохи, это доказываютъ старанія перемышльскихъ русиновъ объ основаніи въ этомъ городѣ русской (базиліанской) гимназіи, въ которой можно бы было продолжать образованіе, начатое въ народныхъ училищахъ (Головацкій, Первое движеніе, 93). Но дѣло это не выгорѣло, такъ какъ еще во время Леопольда II, а главнымъ образомъ при императорѣ Францѣ I началась въ Австріи бюрократически-шляхетская реакція, которая заставила правительство относиться подозрительно и даже враждебно къ развитію образованія всякихъ демократическихъ элементовъ, въ томъ числѣ, очевидно, и русиновъ. Но преподаваніе русскаго языка въ университетѣ львовскомъ признано излишнимъ уже въ 1800 году, а въ 1806 году и весь этотъ университетъ признанъ былъ тоже излишнимъ и перенесенъ въ Краковъ; львовскій университетъ низведенъ на степень лицея, гдѣ нѣкоторые богословскіе предметы читались еще по русски, но не долго, въ 1808 году русское слово совсѣмъ устранено изъ высшаго образованія вплоть до 1848 года. Не миновала „чаша сія“ и народныхъ школъ. Въ 1805 г. русскія народныя школы отданы были въ управленіе латинской консисторіи, и это распоряженіе оставалось въ полномъ дѣйствіи

до 1815 года. Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о томъ, какое вліяніе имѣло это управленіе на ходъ и развитіе школьнаго дѣла. Кажется, что навязываніе русскимъ дѣтямъ польскаго языка, въ ущербъ всякимъ педагогическимъ резонамъ, началось уже въ ту пору, потому что въ 1817 году митрополитъ Мих. Левицкій, во время совѣщаній въ губерніи, касавшихся реформы школьнаго дѣла, какъ первое требованіе русиновъ, предложилъ, чтобы во всѣхъ русскихъ сельскихъ училищахъ заведено было обученіе русскому языку,—значитъ, до того времени языкъ этотъ въ сельскихъ училищахъ былъ въ пренебреженіи или даже въ загонѣ. Но 1817 и 1818 годы принесли русинамъ еще худшее. Пресловутая „реформа", о которой велись въ львовской губерніи совѣщанія спеціальной коммиссіи, была проведена по плану самаго худшаго врага русиновъ, львовскаго лат. арцибискупа Анквича. Несмотря на протесты русиновъ: митрополита Левицкаго и каноника Могильницкаго, коммиссія рѣшила, а императоръ въ 1818 г. подтвердилъ, что „считая употребленіе русскаго языка необходимо нужнымъ при катихизаціяхъ, *не воспрещается* священникамъ самимъ или посредствомъ своихъ помощниковъ обучать школьное юношество чтенію и писанію русскому, но *русскій языкъ не можетъ быть предметомъ публичнаго обученія*, ибо языкъ этотъ, въ письмѣ мало употребительный, не имѣетъ никакого общественнаго употребленія ни въ промышленности, ни въ военной службѣ,—и чтобы во всѣхъ школахъ народныхъ и для русиновъ языкъ польскій остался учебнымъ языкомъ, какъ единственный во всей Галиціи „языкъ краевой" (Landessprache). Впрочемъ, громадамъ русскимъ не воспрещается заводить и русскія школы, которыя однакожъ будутъ считаться частными заведеніями и не имѣютъ права на пособіе изъ школьнаго фонда" (Головацкій, Первое движеніе, 96).

Эти нелѣпыя и постыдныя постановленія польскихъ шовинистовъ, подтвержденныя реакціонной бюрократіей, оставались въ полной силѣ вплоть до 1848 г., тормозя развитіе народнаго образованія и отбивая у народа охоту къ школѣ. Впрочемъ, гдѣ всего этого было мало, гдѣ „панщизняные" мужики въ упоръ стремились къ образованію, тамъ паны пускали въ

ходъ и другіе способы, особенно же давно излюбленное средство—отдавать учителей и дьяковъ въ рекруты. На это жаловались мужики села Гошева митрополичьему визитатору Ник. Шадурскому еще въ 1762 году; на то же самое жалуются и въ 1840 г. крестьяне села Стецевы митрополичьей консисторіи.

Эта печальная страница изъ исторіи школьнаго дѣла въ галицкой Руси пусть будетъ вмѣсто комментарія къ библіографической замѣткѣ о „Букварѣ" 1790 года, равно какъ и къ слѣдующей извлеченной изъ него статейкѣ. Статейка эта, первая и единственная въ этомъ родѣ работа въ галицко-русской литературѣ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія не только по своему языку, но и какъ образчикъ нравовъ тогдашней нѣсколько образованной части галицко-русскаго населенія. Безъименный авторъ „Полѣтики свѣцкой" въ самомъ заглавіи заявляетъ, что статья его—„отъ иностранныхъ авторовъ вкратцѣ собранная", но все таки кажется, что онъ главнымъ образомъ слѣдовалъ образцамъ польскимъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придется признать извѣстную долю оригинальности.

Полѣтика свѣцкая[1]) отъ иностранныхъ авторовъ вкратцѣ собра́нная. Мла́дымъ прилична, всѣмъ же о́бще благопотре́бная.

ГЛАВА а҃.

О присто́йномъ уложеню тѣла.

а. Трима́йся про́сто, чи то стои́шъ, чи сѣди́шъ, чи клячишъ, го́лову тро́хи наклоне́ну маючи на пере́дъ, еднакже не скривля́й а́нѣ въ пра́ву а́нѣ въ лѣву сто́рону. Не оберта́й головы легкомыслне и пло́хо[2]), а́ле если треба, оберни́ зво́лна.

б. Не морщъ чела̀, а ти́мъ ба́рзѣй носа; если́ молчи́шъ, не ма́й устъ отво́реныхъ, анѣ стиска́й губъ ба́рзо. Нехъ не буде

---

[1]) Въ транскрипціи подлинника я пропускаю надстрочные знаки кромѣ удареній, а также измѣняю буквы оу на у, ѡ на о, ѧ на я, и разставляю болѣе правильно знаки препинанія.

[2]) Плохо—здѣсь въ польскомъ значеніи—безалаберно, безстыже.

тваръ [1]) твоя надъ потре́бу сму́тна, гнѣвна, удивля́ющаяся, албо збитъ [2]) весе́ла, но старайся, абы зъ повагою весе́лость, зъ смѣлостію споко́йность злу́чена была́.

г. Не стрѣляй очима тамъ и самъ, але по́длугъ зви́чаю низпуще́ни май. Нѣ на ко́го не поглядай окомъ криви́мъ, погоржаючимъ и пишни́мъ. Коли зъ кимъ гово́ришъ, не диви́ся на лицѐ его, але нижше пе́рсей, особли́ве если́ зъ такимъ, которогось шанова́ти пови́ненъ, албо зъ особою иншого по́лу розмовляешъ.

д. Руки, если поро́жнѣи, тримай спокойне пере́дь (sic!) собою, а не позадъ себѐ, анѣ въ кѣше́няхъ, и вистерѣгайся пилно рухати рамена́ми, лопатка́ми, и розправляти безъ потребы руками.

е. Безъ слушной потребы не стирай рукъ, не ма́цайся [3]) по бородѣ, головѣ, по лицѣ безъ потребы, анѣ руками тихъ ча́стей тѣла дотикайся, котрымъ завше покрытымъ быти принадлежитъ.

ѕ. Пазногти необрѣзаніи и неуми́тіи носити гнусно есть, а потомъ огризати албо обрѣзовати при людяхъ честныхъ барзо непристойно.

з. Си́дячи, тримай ноги просто, крѣпко, ногу на ногу не закладай, анѣ розставляй, анѣ далеко отъ себѐ протѣгай (sic!), а коли стои́шъ, ноги́ предъ но́гу не виставляй.

и. Не чини великого шуму витираючи носъ; до того заживай хустки завше, а ви́чистивши носъ, не зазирай въ хустку.

ѳ. Вистерѣгайся, якъ можешъ, кѣханя, ка́шляня го́лосного барзо, и отдиха́ня такого, щобы могли иншіи чути.

і. Не крути головою, коли гово́ришъ, и не чини примѣтовъ, то есть знаковъ, я́кобы присвѣдча́ючи за ко́ждымъ словомъ ви́мовленымъ, албо що чуешъ.

аі. Не ти́кайся безъ потре́бы шіи, по́яса, рукави́цъ и иншихъ ве́щей. Не зала́мляй палцовъ, анѣ витягай зъ соста́вовъ,

---

[1]) Лицо.

[2]) Слишкомъ.

[3]) Мацати—щупать.

анѣ ихъ заживай нáкшталтъ палцáтовъ, що до бубна заживаютъ. Наконецъ, стоячи́ тримайся на ногахъ крѣпко.

ві. Заховай пристойную хендóгость [1]) сýконь, еднакъ же безъ жадного пристрáстія, котрое по себѣ покажешъ, если́ часто поглядаючи на нихъ, безъ потребы що разъ будешъ поправляти на собѣ.

ГЛАВА Ѕ.

О спóсобѣ заховáня ся при столѣ.

а. Сѣдячи́ у стóлу, есть рѣчъ барзо непристойная спирати локтѣ на нѣмъ, албо локтями тручáти други́хъ.

в. И то не полѣти́ка (sic!), розвалятися и ростягати на столцѣ, дрáпатися, кивáти ногами, на ту и на ту сто́рону що разъ поглядати.

г. Есть рѣчъ барзо не милая и другимъ не пріемная—кáшляти, плювáти и носъ витирати при столѣ. Если еднáкъ безъ тогò не можна ся обыйти́, заслонися сервéтою [2]) любъ [3]) хусткою, особливе витераючи носъ, и въ томъ всѣмъ вистерѣгайся, абы не гóлосно.

д. Есть проти́въ полѣтики, розвивати сервéту пéрше, нéжели розвинè той, хто есть старшый у стóлу.

е. Есть знакъ лакóмого и не добре ви́хованого, стрѣляти очима на всѣ стороны, албо приглядатися особамъ албо потравамъ [4]) передъ собою постáвленымъ.

ѕ. При столáхъ, при котрыхъ звичай есть бéсѣдовати, вистерѣгайся говорити, мáючи устà полніи.

з. Мовъ мало и ростропне, а найбарзѣй стережися показатися гнѣвнымъ на когò при гóстяхъ.

и. При чужомъ столѣ не виривайся краяти мяса, албо частовати инших, если въ томъ дому не маешъ поваги особ-

---

[1]) Опрятность.

[2]) Салфетка.

[3]) Или.

[4]) Кушаньямъ.

лившой, албо если тя господа́ръ о тое не про́ситъ, хиба если зъ такими сѣдишъ, зъ котрыми маешъ поуфа́лость [1]).

ѳ. Ѣжъ по малу, не клади́ въ губу друга́го ку́са, першаго не полкнувши, анѣ такъ вели́каго, котримъ бысь наполнивъ уста̀.

і. Не схиляйся надъ потраву, але ено тро́хи наклонися, если що рѣдкого ѣси́, и заразъ знову ви́простуйся. Вистерѣгайся также чого на обрусъ албо на себе прольляти.

аі. Есть то вла́сность [2]) лако́маго зъ тимъ ся освѣдчати, же маешъ склонность до потравъ делѣкатныхъ, албо и сами́мъ дѣломъ тое показовати, избираючи лучшыи, албо потяга́ти руку до полу́мисковъ дале́кихъ отъ себѐ, албо мовити о томъ безъ потребы, албо показовати по собѣ, жесь не ко́нтентъ зъ ѣдла и напо́ю.

ві. Не пій россо́лу зъ ча́ры любъ талѣрки (sic!), бо то естъ грубіански.

гі. Не висисай шпѣгу зъ косте́й, анѣ огло́дуй ко́сти.

ді. Не мляцкай, жуючи́ албо пючи́. Не пій отдыхаючи. Не лупа́й косте́й ноже́мъ любъ зуба́ми.

еі. Есть непристойна руками брати мясо, если на тое маешъ ви́лки, албо хлѣбъ тлустими руками. Обтерти перше треба руки, до хлѣба беручи ся.

ѕі. Не мача́й анѣ мяса, анѣ хлѣба въ полу́миску. Не мѣшай ки́лки потравъ вкупу. Не частуй друго́го тимъ, чогось уже самъ скоштова́лъ.

зі. Кости и ости зъ рыбы и скорки фру́ктовъ на краю̀ талѣрки складай, а не на обрусѣ, и подъ столъ не ки́дай, абыся отъ нихъ пси не покусали. Косто́къ зъ фруктовъ любъ щоколвекъ не випліо́вуй на тарѣлку (sic!), але зъ устъ въ руку тихо ви́пусти, и пото́мъ на тарѣлку.

иі. Не край хлѣба, спершися на тарѣлку албо обрусъ, бо то рѣчъ непристойная.

ѳі. Шпе́тна есть зливати россолъ зъ полумиска въ ложку, а витирати хлѣбомъ есть знакъ лакомства.

---

[1]) Фамильярность.

[2]) Свойство.

к. Коли подаютъ тру́нокъ [1]) до напою, бери зъ стороны подлѣйшей, если бу́дешъ зъ особами не рѣвними себѣ въ достóинствѣ.

ка. Не пій нѣгды маючи що въ устахъ; утри устà предъ питіемъ и напившися.

кв. Перестань ѣсти, если другіи перестали; овшемъ, упереди въ томъ иншихъ, если суть надъ тебѐ годнѣйшіи.

кг. Не утирай серветою поту зъ лицà, анѣ носа, анѣ тарѣлки.

кд. Не витерѣбляй зубовъ, анѣ вимивай устъ при столѣ и при другихъ.

ГЛАВА г҃.

О хожденіи.

а. Не ходи́ збитъ спѣшно, анѣ збитъ помалу, анѣ величаво, анѣ плохо, але мѣрне и зъ повагою себѣ належи́тою.

в. Идучи́ не горбся, не кива́й собою, не звѣша́й рукъ, не стукай велми́ ногами о землю, не волочи́ ногъ за собою. Идучи́ на сходи, по еднóму ступай.

г. Не смѣйся и не говори самъ до себѐ. Мимо идучи́ не зривай фруктовъ, цвѣтовъ албо ли́стовъ въ улицѣ огорода тогò, въ котрóмъ прохожаешся.

д. Если ходишъ зъ такою осóбою, котру́юсь шановати повúненъ, не зостановляйся [2]), тилко тогдà, когда она станетъ, не випережай ей, не обертайся перше нѣмъ она, и то такъ, абысь ся ти́ломъ не обернувъ.

е. Зъ особою висóкаго сана неприли́чно есть ити рѣвно, але потреба зоставатися на полъ-крока за нею, такъ еднакъ, абы могла чути мову твою́.

ѕ. Зъ рѣвнею себѣ ходи́ рѣвно, и не обертайся завше перше, и не застановляйся часто, хиба би того потреба былà.

---

[1]) Напитокъ.

[2]) Останавливайся.

з. Если килкохъ рѣвня себѣ въ купѣ прохожаются, полѣтика потребуе, абы тіи, котріи въ серединѣ были, цофнулися на стороны, доходячи конца улицы или будинку, а середины уступили тымъ, котріи при бокахъ были,—що и тіи повинни учинити, отправивши свою колѣй.

и. Если ся прохожаешъ зъ двома рѣвними себѣ въ годности, надъ котрыхъ ты годнѣйшый, обертайся разъ до едного, другій разъ до другого; если зась не рѣвня они, частѣй до годнѣйшаго. Тіи, що по бокахъ, до того, що въ серединѣ, и зъ нимъ разомъ маютъ обертатися.

ѳ. Если особа годнѣйшая, зъ котрою забавляешся, зъ кимъ иншимъ особно розмовляетъ, отступи ты, абысь не чувъ, що говорятъ; ежели каже приступити, приступи зъ ушанованіемъ; если тя проситъ, абысь о рѣчи, о котрой мовятъ, открывъ свое разумѣніе, мовъ осторожне и мало, не сопротивляйся упорчиве напротивъ разумѣнія того, зъ котрымъ еси въ компанѣи.

і. Полѣтика каже годнѣйшому старшого уступати мѣсця.

аі. Если прохожаешся зъ кимъ далеко отъ тебе достойнѣйшымъ, а той сяде, стояти потреба, ажъ поки каже сѣсти,— того еднакъ за першимъ роскaзомъ не чинити, хиба за другимъ, и то на подлѣйшомъ мѣсцѣ.

ГЛАВА Д҃.

Якъ принадлежитъ зъ людми обходитися.

а. Кланяйся особамъ надъ тебе достойнѣйшимъ приходячи къ нимъ и отходячи. Той же уклонъ тимъ нижшій быти повиненъ, имъ тіи особы, котрымъ кланяешъся, суть отъ тебе вышшіи.

в. Виходи противъ особамъ годнимъ, хотя бы рѣвнымъ тебѣ, если въ гостину до тебе приходятъ, заразъ якъ тилко довѣдаешся о ихъ приходѣ. Тое учинивши и до будинку запросивши, проси сѣсти на честнѣйшомъ мѣсцѣ, и потомъ отходящихъ вивести ажъ за браму. И если не пѣшо, чекай, поки всяде на коня чили возъ,—такъ поклонъ учинивши назадъ повертай.

г. Не всѣдай на коня анѣ на возъ при особѣ надъ тебѐ годнѣйшой, у котрой гостивесь, але належитъ почекати, поки не отиде.

д. Встань, если до тебѐ хто приближается, хотячи зъ тобою бесѣдовати, хотя бы бувъ рѣвня тобѣ.

е. Не входи нѣгди зъ накритою головою до дому годнаго кого, але за порогомъ открый.

ѕ. Не проси нѣгди старшого отъ тебѐ, абы накрывъ голову, и своей не накрывай, ажъ онъ накрые и тебѣ роскаже; анѣ збороняйся упорчиве накрыти, если разъ и другій каже. Зъ рѣвнею своимъ привитавшися и попросившися взаемне, волно разомъ накрити.

з. Грѣшитъ противъ обычаемъ добримъ, хто не прошеный першое засѣдае мѣсце, албо упорчиве не хоче тамъ сѣсти, где просятъ. Въ дому своемъ першого хотя рѣвнѣ себѣ належитъ уступати мѣсця.

и. Если значне надъ якую особу не естесь годнѣйшый, не повинесь допускати, абы мала передъ тобою стояти зъ открйтою головою, не просивши, абы ю накрила. Ростропность также потребуе не примушати особы далеко отъ тебе подлѣйшой, абы накрывала голову, бо того (знаючи ся до своей повинности) не може учинити.

ѳ. Полѣтика того потребуетъ, абы уступати зъ дверей и иншихъ тѣсныхъ мѣстъ, если туди особа якая годная проходитъ. На сходахъ выгоднѣйшаго уступай мѣсця.

і. Если особа зацнѣйшая хощетъ мовити зъ тимъ, зъ кимъ ты забавляешъся, забиратися уступити, если не роскаже зостати.

аі. Если особа годнѣйшая прійдѐ на тое мѣсце, где ты знайдуешся, встань и стой, поки она не усяде и тебѣ сѣсти каже. При нѣй потреба перестати отъ дѣла и розмовы, котрую зачавесь.

ві. Не отворай нагло дверей, входячи до будинку, особливе, если въ томъ дому суть особы, которыи шановати приналежитъ; того же вистерѣгай и виходячи зъ дому.

гі. Если кто знакомитый при себѣ каже сѣсти, избирай нижшее отъ него мѣсце, еднакъ же не хотѣти упорчиве и блиско его, коли каже, сѣсти, есть рѣчь непристойна.

ді. Розмовляючи зъ особами учтивими, не спирайся, анѣ збитъ близко приближайся, але на крокъ отъ нихъ быти приналежитъ.

еі. Не питай особы надъ тебѐ годнѣйшой, якъ ся мае? хиба бы хора была̀.

ѕі. Если не умѣешъ лѣкарской штуки, не одважъся радити лѣкарства того̀ и того̀ хорому, котро́го не вѣдаешъ, анѣ пулсовъ мацай, если не маешъ надъ нимъ власти, а особливе иншого полу осо́бъ нѣгди не тикайся.

зі. Не тягни за сукню албо за плащъ того̀, зъ кимъ хо́чешъ розмовляти, анѣ здале́ка не кличъ чи то словами, чи мѣгами [1]), если есть особа чести годная, але иди до ней. Нѣгди не сказуй рукою на того̀, о комъ мовишъ.

иі. Не переглядай анѣ ся тикай паперу, книжокъ и иншихъ подобныхъ ве́щей чужихъ безъ позволе́ня его, анѣ зазирай въ то, що кто особно читае.

ѳі. Вистерѣгайся, абысь нѣгди не дрѣмавъ тогдѣ, коли дру́гіи розмовляютъ; абысь не сѣвъ, если другіи стоятъ; абысь не ходивъ, если иншіи стоятъ; абысь не поступавъ, если другіи застановятся. Не души́ блохи́ албо иншого робака̀ при другихъ.

к. Полѣтика не позволяе роззуватися при другихъ, чести годнихъ, и грѣти ноги.

кв. Не ки́хай анѣ плюй предъ другихъ, але на сторону отвернутися; не викидати слины далеко отъ себѐ, албо на стѣну, анѣ чрезъ окно на улицу, а тое, що сплюнешъ, затри́ ногою.

кг. Вистерѣгайся позѣвати, коли зъ другими розмовляешъ, и если отъ того не можешъ удержатися, то тихо, и не говори на той часъ, и закрыйся рукою албо хусткою, обернися на сторону.

кд. Хотячи́ що подати албо одобрати отъ дру́гого, зъ дале́ка не витягай руки попере́дъ старшою особою, але по за тую. Проходячи́ також зъ едного мѣсця на друго́е, не проходи́ попере́дъ особами честными, хиба би потреба примусила, и то проси о позволеніе.

---

[1]) Жестами.

ке. Не бався до́вго у тихъ, котрихъ навѣжаешъ, особливе у хорыхъ, албо у тихъ, котріи собѣ часъ много шацуютъ, якіи суть особы побожніи, пилнующіи науки, и забавніи. Изъ таkими мовити, що потреба, коро́тко, вира́знѣ, безъ церемо́нѣи.

кѕ. Вистерѣгайся церемонѣй змислѐныхъ и збыте́чныхъ. Вистерѣгайся подхлѣбства. Въ церемонѣяхъ зась потребныхъ стосуйся до зви́чаю мѣсца, ча́су и особы.

ГЛАВА Ѕ.

О мовѣ и размовахъ.

а. Говорити не збитъ скваппиве, анѣ збитъ помалу, голосомъ мѣрнымъ, не высокимъ, анѣ такъ тихимъ, якъ бы тіи, зъ котрыми розмовляешъ, не могли чути.

в. Старайся, бы не мовити по простацки; выстерѣгайся словъ плохи́хъ и такихъ, що двояко могутся розумѣти, а до рѣчей непристойныхъ стосоватися.

г. Заховай завше пристойность и помѣркованіе въ словахъ жартовливыхъ, (котрыи ча́сомъ могут ся мовити для розвеселеня умыслу), абысь не впавъ въ непомѣркова́ніе тихъ, котріи за зви́чай въ размова́хъ свои́хъ не маютъ статку, але все въ смѣхъ обертаютъ, якіи суть блазно́ве надворніи, фѣглями и мовою непристойною, учинками годными смѣху, а що горше, же ча́сомъ смѣючи́ся, и святыя рѣчи албо уломность лю́дскую осмѣваютъ.

д. Не смѣйся безъ причины; и зъ причины если смѣешъся, не смѣйся голосно; не вищирай [1]) зубо́въ.

е. Въ розмовахъ поточныхъ не розширай надъ потребу мовы, анѣ желай того̀, абысь ся показавъ мудрымъ въ словѣ.

ѕ. Не примовляй нѣко́му ущипливими словами горделивыми албо кого понижаючими, овшемъ, завше показуй способомъ мовы твое́й покорнымъ и ростропнымъ, же шануешъ тихъ, зъ котрыми размовляешъ, особливе исли́ (sic!) суть особы поважніи

---

[1]) Оскаливай.

и надъ тебѐ годнѣйшіи. При нихъ наветъ потреба стримати себе отъ знáку гнѣва и лаяня подрýчныхъ своúхъ.

з. Пристало, абысь самъ о себѣ рѣдко що мóвивъ, и о томъ, зъ чого бы похвáла тебѣ могла быти. А если прóшеный будешъ, абысь що о себѣ сказавъ, учинишъ тое въ кúлку словáхъ, покорне и скромне, не понижаючи иншихъ, и себе надъ иныхъ не вивышшай.

и. Велмú не пристало мовити о рѣчахъ нестосующихъся до чáсу и особъ, якъ то о рѣчахъ смýтныхъ подъ часъ охоты [1]), о подлыхъ и плохихъ въ компанѣ и особъ розумныхъ и учóныхъ, о субтелныхъ и высокихъ между простими и неуками.

ѳ. Хотячú мовити о интересахъ якихъ, не заживай дóвгои розмовы, и тогдѣ зачни мовити, коли вúдишъ способность. Вистерѣгайся еднѐ повторати.

і. Не мовъ о рѣчахъ твоúхъ приватныхъ и домóвыхъ, хиба бы зъ пріятелемъ щирымъ, албо просячú о пораду.

аі. Въ кóждомъ дискурсѣ, чи то о интересахъ, чи о иншихъ рѣчахъ, вистерѣгайся розширати мовы надъ потребу, особливе если матеріа мовы не есть знáчная, албо домышляешся, же небарзо подобается другúмъ.

ві. Мовячú о якой рѣчи, не домогайся, абы присвѣдчали тобѣ, мовячи: албожъ я не правду мовлю? и не важся торкáти локтемъ того, котрóго о що питати хочешъ.

гі. Не выявляй тогѐ, отъ кого чувесь то, що кажешъ, хибабысь бувъ певный, же той, хто тобѣ сказавъ, не будетъ о тое жалковати.

ді. Наветъ зъ рѣвными себѣ мовъ скромне и до матеріи, о котрой мовится. Не говори збитъ много, не будь подóбенъ тимъ, котрымъ языкъ якъ на коловрóтѣ.

еі. Не перерывай мовы тымъ, котріи зачалú говорити, але слухай и не забавляйся чимъ иншимъ, хибабы того потреба была, и то просити о позволеніе компанѣи, еслись не старшій надъ нею.

ѕі. Межи килкóма бýдучи, не вирывайся першій зъ своúмъ зданіемъ въ той матеріи, котрая до розмовы подáна есть, хибà

[1]) Веселье.

ажъ попросятъ о тое, если надъ иншихъ не старшимъ еси албо потребы не видишъ; а коли даешъ свое зданіе, не замовляй зъ далéка, але просто мовъ до пункту питáня.

зі. Не сопротивляйся зданю другúхъ, анѣ упирайся при своéмъ, и въ тыхъ рѣчахъ, въ котóрыхъ волно розне розумѣти, не гань тихъ, котріи противне тобѣ розумѣютъ.

иі. Не мовъ нѣчого такóго, о чомъ бысь перше не помысливъ; не отповѣдай другóму перше, нѣжъ скончúтъ мову. Не поддавай словъ томý, котрый тяжкую маетъ мову, хибабы того̀ самъ онъ хотѣлъ, албо зъ нимъ не самъ говóришъ, и то если зъ нимъ маешъ поуфалость.

ѳі. Прійшовши до компáнѣи, не питай, о чомъ розмовляли, если надъ ними власти не маешъ, и если прервали дúскурсъ зъ твоей причины, проси полѣтичне, абы кончúли. Тогдѣ той, кото̀рый почавъ мовити, повиненъ повторити корóтко то, що уже мовивъ, если особа, що пришла, годна пошановáня особлúвшаго.

к. Не довѣдуйся о чужихъ справахъ, котріи до тебе не належáтъ, анѣ росповѣдай легкомыслне того̀, що межи людми чувесь.

к. Не мовъ о рѣчахъ прúшлыхъ албо непевныхъ, анѣ о тúхъ, котріи въ секрéтѣ мѣти принадлéжитъ.

кв. Не показуй по себѣ, же немúліи суть тебѣ недосконáлости дрýгихъ, анѣ уважай, анѣ мовъ о томъ безъ потребы нѣгды, и не указуй жартуючи, анѣ на очи не викидáй.

кг. Мúле пріймай и дякуй, если кто въ чомъ перестерѣгаетъ, и хочай протúвъ поваги твоей другій согрѣшитъ, покривай то ростропне.

кд. Не одвáжайся лаяти албо напоминати тихъ, котріи до тебе не налéжатъ, хиба бы тя до того̀ примушала христіанская милость,—и то учинишъ дискрéтне.

ке. Не ославляй того̀, котрый чинивъ що моглъ въ справѣ себѣ поручéнной, хотяй ему не удалося, якъ желавъ.

кѕ. Не напоминай нѣгди нѣкого зъ гнѣвомъ албо зе злости, але зъ помѣркованіемъ, скромне и дискретне.

кз. Въ компанѣи бýдучи, не говорú ни з кимъ секретне, а если треба того будетъ, отступú мáло на сторону, взявши на тое позволéніе.

Увѣщанія общая.

а. Не хвали́ себѐ, анѣ уничижай, анѣ срамоти́, ниже дѣло своѐ албо имя албо родъ возвышай, бо такъ чинятъ тилко тіи, котріи неда́вно просла́вилися.

в. Кождого шануй, нѣко́го не понижай, себе смирай (sic!) предъ ко́ждимъ,—за тое Богъ и люде любятъ.

г. Въ припадкахъ долегли́выхъ, въ напастехъ, въ скорбехъ, въ нуждахъ если хо́щешъ бути терпели́вымъ и не велми́ смуща́тися, памятай, же то бываетъ зъ волѣ Божой, безъ котрой и власъ зъ главы́ не спадае.

д. Не смѣйся велми́, абысь не показався легкомыслнымъ; не удивляйся, бо то знакъ есть, жесь нѣгди нѣчо́го не ви́дѣвъ.

е. Не доноси́, щось чувъ о комъ дочого, и не люби того̀, хто тебѣ доноситъ слово злое. Такому принадлежитъ отповѣсти въ той способъ: ко́ждый о дру́гихъ такъ судитъ, якъ ся ему здае, а не такъ, якъ есть въ самой рѣчи.

Конецъ

ДѢЛА ПО ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСТВА ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССІИ ВЪ XVIII В. ВЪ КІЕВСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ АРХИВѢ.

Источники для исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи за XVII и XVIII вв. и по сію пору еще не всѣ приведены въ извѣстность. Въ значительной степени мѣшаетъ этому уже одна разбросанность ихъ, такъ какъ они находятся и въ Кіевѣ, и въ Черниговѣ, и въ Харьковѣ, и въ Полтавѣ, и въ Москвѣ и, можетъ быть, еще и въ другихъ, менѣе значительныхъ, центрахъ, не говоря уже объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ. Но и архивы названныхъ городовъ сравнительно мало еще изучены по данному вопросу и въ литературѣ мало можно встрѣтить указаній на хранящіеся въ нихъ матеріалы. Въ виду этого, я думаю, не лишена будетъ нѣкотораго интереса для лицъ, занимающихся исторіей мѣстнаго крестьянства, замѣтка о дѣлахъ, относящихся непосредственно къ ней и хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ.

Дѣла эти составляютъ часть переданнаго въ 1886 году въ центр. архивъ, бывшаго архива старыхъ дѣлъ губернскаго правленія. Бо́льшая часть дѣлъ послѣдняго, въ томъ числѣ и касающихся крестьянъ, относится къ правобережной Малороссіи, но по нѣкоторымъ отдѣламъ имѣется значительное число документовъ и лѣваго берега. По передачѣ въ центр. архивъ, всѣ эти бумаги и дѣла разнесены были по рубрикамъ и въ настоящее время документы, имѣющіе отношеніе къ исторіи крестьянъ лѣвобережной Малороссіи за XVIII вѣкъ, сосредоточиваются главнымъ образомъ въ трехъ отдѣлахъ подъ рубриками: „дѣлъ о закрѣпощеніи и отысканіи вольности“, „поземельныхъ спо-

ровъ общихъ и частныхъ лицъ“ и „земельныхъ споровъ монастырей“. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что значительная часть этихъ дѣлъ и именно двухъ послѣднихъ рубрикъ подвергнута уже была ученой обработкѣ въ статьѣ профессора И. В. Лучицкаго „Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи. (Юрид. Вѣстн., 1890, № 4). Но пр. Лучицкій воспользовался для своей работы лишь данными этого матеріала относительно общиннаго землевладѣнія, а въ немъ заключается также немалое количество данныхъ, относящихся къ другимъ сторонамъ исторіи крестьянства въ XVIII в. и представляющихъ собою яркія и характерныя страницы изъ его жизни. Указаніе на характеръ и размѣръ этихъ данныхъ и составляетъ задачу настоящей замѣтки. Не передавая здѣсь результатовъ и выводовъ изысканій, веденныхъ мною надъ этимъ матеріаломъ, что составитъ предметъ особой работы, я постараюсь только характеризовать самый матеріалъ и указать, какіе вопросы могутъ быть поставлены на основаніи его и насколько онъ ихъ разрѣшаетъ.

Начать съ того, что по времени большинство этихъ дѣлъ относится ко второй половинѣ XVIII вѣка; лишь значительно меньшая часть спускается до 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а изъ болѣе ранняго періода дѣла встрѣчаются уже крайне рѣдко, и то по большей части въ видѣ одного, двухъ, рѣдко трехъ документовъ вмѣстѣ. Среди дѣлъ о поземельныхъ спорахъ въ общемъ можно найти болѣе сравнительно раннихъ документовъ изъ первой половины столѣтія, чѣмъ подъ рубрикой дѣлъ о закрѣпощеніи. Оно понятно уже потому, что въ это время закрѣпощеніе въ большинствѣ случаевъ связывалось съ посягательствомъ на земельныя права. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что вообще эти рубрики трудно поддаются разграниченію, такъ какъ въ нихъ находится множество дѣлъ совершенно однородныхъ: споръ о козачествѣ велъ за собою обыкновенно споръ о землѣ и наоборотъ чисто поземельныя дѣла вызывались иногда покушеніями владѣльца на закрѣпощеніе. Что касается мѣстности, районъ которой охватывается этими дѣлами, то она можетъ быть опредѣлена границами переяславскаго полка и при-

легавшихъ къ нему южныхъ сотенъ кіевскаго полка (нынѣ входящихъ въ составъ черниговской губ.) и западныхъ сотенъ полковъ прилуцкаго, лубенскаго и миргородскаго. Главная масса дѣлъ относится именно къ этому району; документы сѣверныхъ полковъ: нѣжинскаго, черниговскаго и стародубскаго встрѣчаются сравнительно уже гораздо рѣже, что-же касается юго-восточной части гетманщины, какъ полки гадяцкій и полтавскій, то изъ перваго мнѣ встрѣтилось крайне мало документовъ, изъ послѣдняго же—ни одного.

Прежде, чѣмъ перейти къ содержанію этихъ документовъ, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ формѣ и внѣшности. За рѣдкими исключеніями они представляютъ изъ себя судебныя дѣла, въ которыхъ въ видѣ приложеній встрѣчаются и различныя частныя бумаги, купчія, договоры, сдѣлки и т. п. (напр. рядъ купчихъ Скоруппъ), и лишь немногіе относятся собственно къ дѣлопроизводству генеральной канцеляріи и малороссійской коллегіи. Но рѣдкія изъ этихъ дѣлъ въ свою очередь дошли до насъ вполнѣ цѣлыми и сохранными. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ настолько попортились отъ сырости за время пребыванія въ подвалахъ губернскаго правленія, что чернила на нихъ слились и они разсыпаются при первомъ неосторожномъ прикосновеніи, что у многихъ другихъ листы на половину совершенно сгнили и вслѣдствіе этого ими нельзя пользоваться, не мало затрудненій встрѣчается и при пользованіи сравнительно болѣе счастливыми, уцѣлѣвшими бумагами. Лишь въ меньшинствѣ дѣлъ сохранились всѣ, относящіеся къ нимъ, документы, въ большинствѣ же мы имѣемъ дѣла неполныя, очень часто безъ конца, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда споръ восходилъ до высшихъ инстанцій, малороссійской коллегіи или же Сената. Нерѣдки также случаи, когда недостаетъ самой интересной части дѣла — слѣдственной. Наконецъ, многія дѣла разбиты на отдѣльныя части, которыя послѣдовательно находятся въ трехъ, иногда пяти и даже шести связкахъ, причемъ, конечно, не легко возстановить общую картину дѣла. Укажу, для примѣра, на громадное дѣло о золотоношскомъ степѣ, разбросанное въ пяти связкахъ, или

дѣло обознаго Кулябки съ новаковскими козаками, находящееся въ двухъ связкахъ. Вообще, можно сказать, эти дѣла представляютъ прекрасный примѣръ того, какъ гибнутъ у насъ, благодаря нерадѣнію, памятники прошлаго. И если даже теперь, при такомъ состояніи ихъ, они даютъ цѣнный и поучительный матеріалъ, то невольно приходитъ на мысль, что было бы при иныхъ условіяхъ.

Такое положеніе этихъ документовъ, лишь разнесенныхъ къ тому же по рубрикамъ, но еще не описанныхъ, не позволяетъ дать точныхъ указаній относительно ихъ количества и придется ограничиться лишь приблизительнымъ его опредѣленіемъ. Въ рубрикѣ дѣлъ о закрѣпощеніи и отысканіи вольности имѣется до 50-ти связокъ, но большинство ихъ относится къ правобережной Малороссіи или же къ XIX вѣку. Приблизительно такое же количество связокъ имѣется и въ каждомъ изъ двухъ отдѣловъ поземельныхъ споровъ, но здѣсь, наоборотъ, мы имѣемъ дѣло преимущественно съ лѣвобережной Украиной XVIII вѣка. Въ каждой же отдѣльной связкѣ заключается отъ 30—40 до 70 и болѣе дѣлъ.

Обращаясь теперь къ самому содержанію дѣлъ, надобно будетъ прежде всего сказать, что даваемый ими матеріалъ относится далеко не ко всѣмъ, главнѣйшимъ даже, вопросамъ, входящимъ въ исторію крестьянства. Для исторіи собственно посполитыхъ, для опредѣленія ихъ юридическаго положенія, размѣра повинностей и т. п. здѣсь встрѣчаются лишь отрывочныя и случайныя указанія. Главнымъ же объектомъ дѣлъ служитъ козачество въ его разнообразныхъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ съ другими классами населенія. Въ виду этого изъ ряда послѣдовательныхъ моментовъ исторіи крестьянства съ особенною полнотою и яркостью обрисовывается въ документахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, одинъ начальный, именно моментъ закрѣпощенія. Они доставляютъ богатый матеріалъ для уясненія причинъ этого процесса, поскольку послѣднія крылись въ условіяхъ жизни самихъ козаковъ и во внѣшнемъ давленіи на нихъ со стороны владѣльцевъ и старшины. Но и въ этомъ вопросѣ не всѣ его стороны одинаково ярко освѣщаются данными дошед-

шихъ до насъ дѣлъ. Изъ трехъ вопросовъ, входящихъ въ составъ исторіи закрѣпощенія, отношеній экономическихъ, создавшихъ имущественное положеніе старшины, затѣмъ собственно поземельныхъ отношеній и наконецъ административной роли старшины, дававшей ей возможность оказывать сильное давленіе на народную жизнь, первый менѣе всего находитъ для себя матеріаловъ. Сложный процессъ экономической исторіи, имѣвшій своимъ результатомъ созданіе класса крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, какимъ является передъ нами малороссійская старшина XVIII вѣка, лишь изрѣдка, и то случайно и не полно, отражался въ судебныхъ дѣлахъ. Съ бо́льшимъ успѣхомъ можно прослѣдить его въ частныхъ документахъ, договорахъ, купчихъ, завѣщаніяхъ и т. п., но такихъ документовъ въ дѣлахъ архива слишкомъ мало, для того, чтобы можно было сдѣлать по нимъ какія-нибудь прочныя заключенія. Значительно богаче уже матеріалъ для обрисовки причинъ и условій закрѣпощенія, поскольку они связывались съ поземельными отношеніями. Дѣла, возбуждавшіяся по жалобамъ козаковъ на скуплю ихъ земли или на насильственный ея захватъ владѣльцами, съ цѣлью обращенія ихъ въ посполитые, довольно нерѣдки. Имѣются въ дѣлахъ архива и слѣдствія, производившіяся особыми коммиссіями по жалобамъ на захватъ земель въ мѣстностяхъ довольно большаго района, какъ напр. во всей яготинской сотнѣ, переяславскаго полка. Послѣднія, къ сожалѣнію, неполны и сильно попорчены. Такимъ образомъ на основаніи этихъ дѣлъ могутъ быть опредѣлены по крайней мѣрѣ главнѣйшія условія, благодаря которымъ земля ускользала изъ рукъ крестьянства. Особенно часты и многочисленны приэтомъ дѣла о захватѣ владѣльцами и старшиной земель общинныхъ или „свободныхъ войсковыхъ“. Помимо вопроса о сокращеніи матеріальнаго обезпеченія крестьянъ съ переходомъ значительной части этихъ земель въ руки владѣльцевъ [1]), они даютъ крайне интересный

---

[1]) Какіе размѣры принималъ иногда этотъ переходъ, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго факта: въ 1763 году гетманъ Разумовскій пожаловалъ полковому переяславскому судьѣ Якиму Каневскому на 2 версты свободнаго войсковаго золотоношскаго степа, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ остальной степъ „въ цѣлостное наблю-

матеріалъ для обрисовки формъ общиннаго землевладѣнія. Бóльшая часть матеріала, заключающаяся въ нихъ по этому предмету, обработана уже пр. Лучицкимъ въ указанной статьѣ его и я позволю себѣ прибавить только, что въ этихъ же дѣлахъ находятся любопытныя свидѣтельства относительно распаденія этихъ порядковъ и причинъ его. Но мало того—здѣсь мы находимъ не только отношенія между крестьянствомъ въ двухъ главныхъ его группахъ—посполитыхъ и козаковъ—и владѣльцами, но и отношенія между этими двумя группами крестьянскаго населенія, такъ какъ случаи возникновенія между ними поземельныхъ споровъ были также нерѣдки при существованіи общаго владѣнія землей. Не малое количество дѣлъ посвящено также закрѣпощенію отдѣльныхъ лицъ путемъ продажи земли. Если такимъ образомъ въ этихъ бумагахъ архива не имѣется достаточнаго матеріала для выясненія условій первоначальнаго роста экономической силы старшины, то воздѣйствіе этой силы послѣ ея образованія на жизнь населенія можетъ быть прослѣжено по нимъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ сторонъ, и является возможнымъ намѣтить главнѣйшія его формы, ведшія къ закрѣпощенію. О важности этого излишне и говорить, въ виду наблюдаемаго по всѣмъ источникамъ массоваго перехода козаковъ въ посполитые во второй половинѣ XVIII вѣка. Но наиболѣе полный и характерный матеріалъ даютъ дѣла архива для иныхъ отношеній козаковъ къ старшинѣ, составлявшихъ также одну изъ существенныхъ причинъ закрѣпощенія, отношеній, опредѣлявшихся тою властью, какую имѣла старшина въ качествѣ администраціи края и какая особенно усилилась со времени ослабленія, а затѣмъ и исчезновенія изъ жизни выборнаго принципа. Пользуясь этою властью въ свою пользу, отдѣльные представители старшины, не стѣсняемые никакимъ общественнымъ контролемъ, не церемонились эксплуатировать управляемое ими населеніе. Въ числѣ дѣлъ архива хра-

деніе". Каневскій вслѣдъ за тѣмъ послалъ гетману доношеніе, въ которомъ заявлялъ, что изъ степа, простиравшагося на 100 верстъ въ окружность, въ общемъ владѣніи козаковъ и посполитыхъ осталась только площадь на 12 верстъ въ окружности; все остальное расхищено владѣльцами.

нится множество дѣлъ о различныхъ притѣсненіяхъ козаковъ, взяткахъ, вымогательствахъ, насильственномъ отнятіи земель, побояхъ, доходившихъ иногда до убійства, принужденіи къ различнаго рода работамъ, наконецъ прямомъ обращеніи въ посполитые. Крайне цѣннымъ является приэтомъ то обстоятельство, что большинство имѣющихся дѣлъ касается не верховъ администраціи, вродѣ генеральной старшины или полковниковъ, а сравнительно мелкихъ дѣятелей.

Масса дѣлъ возбуждена противъ сотниковъ, иногда сотенныхъ атамановъ, и такимъ образомъ получается возможность установить средній типъ жизни и прослѣдить на яркихъ примѣрахъ тѣ пути, какими проникало вліяніе администраціи въ народную жизнь. Грубое насиліе, обусловленное возможностью безнаказанности, является здѣсь однимъ изъ наиболѣе постоянныхъ факторовъ. О формахъ, которыя оно принимало, можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующій примѣръ. Въ 1743 году сотенное яготинское правленіе доносило полковой канцеляріи, что хотя послѣдняя и предписала обращенныхъ бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Думитрашкомъ козаковъ возвратить снова въ козачье званіе, но сотенное правленіе не можетъ исполнить этого предписанія, такъ какъ Думитрашко угрожаетъ ему, „сказуючи то, что ежели де онихъ з сотенного правления будетъ между козаки привлекать то кого колвекъ з старшини прибю до полусмерти“. Что подобная угроза была не совсѣмъ пустыми словами, показываетъ доношеніе ничипоровскаго атамана, передающее такіе факты. Пріѣхавъ въ с. Ничипоровку, Думитрашко потребовалъ къ себѣ атамана, но послѣдній, опасаясь его, отказался пойти. Тогда, пишетъ атаманъ, „оной Думитрашко з великой своей ярости призвалъ к себѣ в свой шинокъ Петра Сороку старого, которому отъ роду имѣется лѣтъ болѣе какъ осмъдесятъ и, призвавши его, началъ допрашивать, какъ ти желаешь жить и въ какомъ званіи, чили в моемъ подданствѣ или в козачомъ; то оной Сорока отказалъ, я де до окончания жития своего из своими дѣтми готовъ служить государинѣ, понеже и отецъ мой билъ козакъ, тако-жъ и я долженъ, здавну то в козачомъ звании билъ, такожъ и нинѣ желаю бить коза-

комъ. То оной Думитрашко приказалъ оного Сороку взять и положить, да на головѣ и на ногахъ казалъ сѣсти и держать его, а самъ собою плетю билъ нещадно, потимъ велѣлъ его поднять и почалъ повторе питать, где хощешь жить, и оной Сорока отказалъ, воля твоя, что хощешь надо мною дѣлай, токмо-жъ я здавна козакъ и нинѣча козакъ. То оной Думитрашко повторе его Сороку велѣлъ положить, да двома плетми бить, отъ которого побою живъ ли чи будетъ". Оба эти доношенія были отправлены 4 марта, а 7 іюня всѣ козаки с. Ничипоровки подали жалобу уже въ генеральный судъ, заявляя, что „оный Думитрашка, наехавши въ оное село, з своимы служителмы, где которого козака ни попадетъ, начавши бить и прибыватъ до полусмерты и находячи слуги его-жъ Думитрашка ночной добы гвалтовне разбойнычески виволоча с хатъ, забиваютъ же плѣтми и киями полусмертно", и что на всѣ свои доношенія объ этомъ въ полковую канцелярію они „жадной резолюціи не получили". Конечно, большинство практиковало не такой уже примитивный способъ убѣжденія козаковъ въ неудобствахъ ихъ званія, но нельзя сказать, чтобы и такіе случаи исключительнаго насилія были особенно рѣдки.

Помимо чисто фактической стороны, мы имѣемъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и довольно ясное отраженіе взглядовъ малороссійской старшины на характеръ своихъ отношеній къ козакамъ и можемъ прослѣдить столкновеніе этихъ взглядовъ, образовавшихся подъ вліяніемъ все большей привычки къ бюрократизму и къ независимости отъ управляемыхъ, вслѣдствіе занятія общественныхъ должностей поназначенію, а не по выбору, съ неумиравшими среди народа совершенно иными воззрѣніями на роль и значеніе своихъ властей. Какъ примѣнялись понятія, можно видѣть изъ того, что въ глазахъ сотенной и полковой старшины самовольный выборъ козаками сотеннаго или даже сельскаго атамана представлялся тяжелымъ преступленіемъ, „свирѣпствомъ" и бунтомъ.

Совокупность этихъ, бѣгло очерченныхъ здѣсь фактовъ и массы другихъ, подобныхъ имъ, несмотря на мелочность отдѣльныхъ изъ нихъ, а отчасти даже благодаря ей, позволяетъ,

думается намъ, сдѣлать заключеніе, что разработка даннаго архива можетъ ярче освѣтить, какъ нѣкоторыя изъ коренныхъ причинъ закрѣпощенія, такъ и тѣ условія, ту духовную атмосферу, если позволено будетъ такъ выразиться, среди которой оно совершалось. Для дальнѣйшей исторіи закрѣпощеннаго крестьянства архивъ этотъ, повторяю, даетъ хотя и очень цѣнныя иногда, но случайныя указанія и значеніе его сводится главнымъ образомъ къ двумъ пунктамъ: исторіи закрѣпощенія и изображенію порядковъ землевладѣнія.

Чтобы дать болѣе ясное понятіе о характерѣ дѣлъ, возникавшихъ между козаками и старшиной не на почвѣ непосредственнаго закрѣпощенія, я позволю себѣ разсказать здѣсь два такихъ дѣла, довольно характерныя по своему содержанію.

Первое изъ нихъ относится къ ирклѣевскому сотнику Павлу Завойкѣ. Въ „Мотыжинскомъ архивѣ“ подъ № 86 напечатанъ приказъ Разумовскаго, увольняющій этого сотника отъ должности и назначающаго на его мѣсто Семена Красовскаго. Среди старыхъ дѣлъ центр. архива мнѣ удалось розыскать и дѣло, вызвавшее этотъ приказъ.

Въ маѣ 1761 года нѣсколько козаковъ ирклѣевской сотни подали жалобу на сотника Завойку за скуплю и захватъ земель, въ томъ числѣ свободнаго войсковаго степа на нѣсколько верстъ, за взятки, вымогательства, употребленіе козаковъ въ домашнія и полевыя работы, растрату козачьихъ денегъ и другія обиды. Завойка, по ихъ словамъ, „чрезъ такови здирства козаковъ чрезъ недолгое битіе сотникомъ такъ обогатился, что во время занятія господиномъ брегадиромъ Грамомъ в дому его квартири написалъ на него бригадира отнятіе имѣнія до десяти тисячъ рублей..., а при опредѣленіи его сотникомъ крайне нищій былъ, о якой его нищетѣ всему народу извѣстно“. Всѣ козаки-ремесленники въ сотнѣ безденежно ему сотнику и сотенной старшинѣ работаютъ; за что ихъ освобождаютъ отъ службы, другіе же козаки выгоняются атаманами работать на него въ сѣнокосъ и при устройствѣ мельницы или даромъ, или же за ничтожную плату въ 4 и въ 2 копѣйки за день. Прося защиты отъ всѣхъ этихъ притѣсненій, жалобщики предупреж-

дали, что до сихъ поръ „хто ни заносилъ в полковую переяс-ловскую канцелярію жалобу, то онъ техъ козаковъ билъ нещадно, чего другіе козаки устрашась, в разніе места с причини починеннихъ онымъ обидъ и розоишлись, а бить челомъ уже не смѣлы". Они просили поэтому на время слѣдствія отрѣшить отъ должности сотника и сотенныхъ атамана и писаря, тѣмъ болѣе, что „оніе сотникъ и атаманъ весма охотни бить и безъ и малѣйшей вынности козаковъ". Гетманъ Разумовскій, на имя котораго была подана эта жалоба, 15 іюня назначилъ для разбора дѣла трехъ слѣдователей; они должны были отправиться въ ирклѣевскую сотню и тамъ на мѣстѣ разслѣдовать жалобу. Но просьба козаковъ объ отрѣшеніи сотника отъ должности не была исполнена, а только предписано было слѣдователямъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы Завойка и сотенная старшина „козакамъ обидъ приключать не могли и за послѣдовавшій на нихъ искъ не мстились". Послѣдствія такого оставленія истцовъ подъ командою отвѣтчика не замедлили обнаружиться. Уже 20 августа отправленъ былъ новый ордеръ Разумовскаго къ слѣдователямъ. Напоминая о своемъ приказаніи не давать козаковъ-истцовъ въ обиду, гетманъ указываетъ на поступившее къ нему доношеніе Завойки, въ которомъ послѣдній сообщалъ о побѣгѣ изъ команды одного изъ жалобщиковъ, козака Доброштана, и ослушаніи другихъ и прибавлялъ, „что оного Доброштана за то подъ карауломъ содержитъ и просилъ, чтобъ и другихъ таковихъ же козаковъ дозволено ему содержать под карауломъ, чтобъ никакихъ отъ нихъ в народѣ возмущеній не чинено". Излишняя откровенность этой просьбы побудила только гетмана еще разъ повторить слѣдователямъ приказаніе не давать козаковъ въ обиду. Но это мало помогло послѣднимъ. Въ сентябрѣ того же года они подали новое доношеніе Разумовскому, сообщая, что главный слѣдователь, бунчуковый товарищъ Иванъ Александровичъ, уѣхалъ по другому дѣлу и слѣдствіе по ихъ жалобѣ все еще не начинается, а между тѣмъ сотникъ не прекращаетъ своихъ притѣсненій. Съ цѣлью обѣлить себя на судѣ онъ, по словамъ жалобы, ѣздитъ по селамъ и беретъ отъ всѣхъ обиженныхъ имъ козаковъ подписки въ томъ, что

они никакихъ обидъ отъ него не терпѣли и вполнѣ имъ довольны, не дающихъ же такихъ росписокъ бьетъ и грабитъ. Въ виду этого истцы, потерявши, очевидно, надежду на отрѣшеніе Завойки, просятъ, по крайней мѣрѣ, передать ихъ на время слѣдствія подъ команду каневскаго сотника. Эта новая просьба возымѣла лишь то дѣйствіе, что на мѣсто Александровича назначенъ былъ въ октябрѣ слѣдователемъ бунчуковый товарищъ Иванъ Берло. Прошло однако менѣе двухъ мѣсяцевъ и въ декабрѣ тѣ же козаки снова жаловались, что Завойка и не думаетъ прекращать своихъ насилій; такъ, еще „октября послѣднихъ чиселъ куреня мѣского удови козачие жени... какъ пред симъ, такъ и нинѣ в оного сотника во дворѣ хати его мили и мазали за панщину". Не оставлялъ равнымъ образомъ Завойка и попытокъ силой принудить козаковъ къ прекращенію иска. „И когда еще, говорятъ они, следствия в показанныхъ нашихъ обидахъ не будеть учиненно, то онъ сотникъ из старшиною могуть насъ к такимъ разорениямъ привесть, что принуждени будемъ, оставя жиллие наши двори... розойтись в подданство ради единого защищения себе в здоровьи отъ оного сотника". Судьба къ тому же рѣшительно преслѣдовала козаковъ: бунчуковый товарищъ Берло умеръ и слѣдствіе опять остановилось. Въ свою очередь Завойка, видя упорство козаковъ, придумалъ новый выходъ изъ затруднительнаго положенія. Собравъ 8-го декабря по пяти человѣкъ козаковъ отъ куреня, онъ объявилъ, что по слабости здоровья не можетъ долѣе быть сотникомъ, но затѣмъ призывалъ ихъ по одному въ свой домъ и, угощая водкой, требовалъ, чтобы они подписали выборъ въ сотники сына его Данила, и „козаки и атамани, вѣдая довольно, что оной Завойка по своей необыкновеной завзятости многихъ козаковъ разорилъ немилосердно, билъ и другіе тягчайшіе обиды приключилъ, и чтобъ и надъ ними, пока что будеть, не помстился, принуждени на тѣхъ выборахъ подписатся". Но вслѣдъ затѣмъ часть ихъ подала жалобу на такой поступокъ сотника, ссылаясь и на то, что „сынъ его какъ лѣтамы, такъ и службою еще весма младъ и сего чина отець ищеть рады того одного, чтобъ имъ покористоватся степомъ и лугомъ общимы козачимы и грун-

тами насильно отнятимы отъ козаковъ и в конецъ козаковъ сотнѣ ирклѣевской разорить". Жалобщики указывали, что въ сотнѣ имѣется болѣе достойный претендентъ на мѣсто сотника „з прадѣда, дѣда и отца честного состоянія человѣкъ", войсковой канцеляристъ Семенъ Красовскій, который уже разъ, во время отсутствія сотника, съ успѣхомъ замѣщалъ его, не дѣлая никакихъ обидъ козакамъ. Возгорѣлось новое дѣло, но Завойка и теперь не былъ отрѣшенъ отъ должности и по прежнему продолжалъ пользоваться преимуществами своего оффиціальнаго положенія. Всѣ возможныя средства были пущены имъ въ ходъ: тутъ было и вымогательство свидѣтельствъ отъ другихъ козаковъ съ оправданіемъ его сотника и жалобами на слѣдователей, яко бы притѣснявшихъ ихъ, свидѣтельствъ, отъ которыхъ они затѣмъ отказывались, и опороченіе слѣдователей съ цѣлью добиться смѣны ихъ, и отводъ свидѣтелей. Сотникъ припомнилъ даже, что одна козачка, выступившая противъ него съ обвиненіемъ, лѣтъ двадцать назадъ судилась за волшебство, а относительно другого свидѣтеля заявлялъ, что онъ цыганъ и уже по тому одному „подозрительный человѣкъ". Сотенная канцелярія, къ которой обращались слѣдователи за справками, давала ихъ, конечно, въ смыслѣ показаній Завойки и дѣло запутывалось все болѣе и болѣе, хотя преступленія сотника уже и не подлежали сомнѣнію. Послѣднія бумаги слѣдствія по дѣлу о выборѣ сына Завойки въ сотники, бывшія у насъ въ рукахъ, относятся къ веснѣ 1763 года. Въ этомъ же году гетманъ Разумовскій рѣшился наконецъ исполнить просьбу козаковъ и 28 августа назначилъ Семена Красовскаго ирклѣевскимъ сотникомъ. Но въ 1774 году велось еще дѣло о захваченныхъ Завойкой земляхъ; отъ этого послѣдняго сохранилась только опись, въ которой поименована 381 бумага.

Изъ дѣла этого можно видѣть, какъ легко было добиться козакамъ справедливости судебнымъ порядкомъ даже въ томъ случаѣ, когда дѣло велось съ такимъ не особенно виднымъ представителемъ старшины, какимъ былъ сотникъ. Слѣдующій примѣръ можетъ показать, въ какое положеніе попадали они, когда, не надѣясь на судъ, пытались возстановить свои права сами. Въ

1762 г. лубенскій полковой обозный, Василій Кулябка, захвативъ часть общественной земли, принадлежавшей козакамъ селъ Новаковъ, Тарандинцевъ и Высшаго Булатца, сталъ строить на ней шинокъ и клуню. Въ тѣхъ случаяхъ, когда подобные захваты производились рядовымъ козакомъ, козаки не задумывались расправляться съ нимъ сами [1]), но подобная расправа съ полковымъ обознымъ была не такъ удобна и они рѣшились сперва испросить разрѣшеніе на нее. Съ этою цѣлью подали они просьбу полковнику Ивану Кулябкѣ, и указывая на чинимое имъ притѣсненіе, такъ какъ обозный шинка „еще не достроилъ, а началъ немаліе грабителства дѣлать“, просили позволенія „шинокъ роскидать, закопъ засипать, клуню разбросать“. Полковникъ не далъ имъ, однако, этого позволенія, а велѣлъ обратиться къ суду полковой канцеляріи; въ свою очередь и послѣдняя приказала козакамъ не прибѣгать къ самоуправству, а ожидать судебнаго рѣшенія. Но, очевидно, эта перспектива не особенно прельщала козаковъ. Они отправили своихъ сельскихъ атамановъ заявить обозному, что если онъ добровольно не отступится отъ захваченной земли, возведенныя на ней строенія будутъ разрушены ими. Обозный ограничился тѣмъ, что сообщилъ это къ свѣдѣнію полковой канцеляріи и просилъ у нея защиты. Та приказала мѣстному сотенному правленію воспретить козакамъ прибѣгать къ насилію, но приказъ этотъ не подѣйствовалъ на раздраженные умы. „Нарочито собравшися, по словамъ обозного, в многолюдствѣ коихъ всѣхъ было до тисячи человѣкъ з женами и дѣтми купно и с предводителемъ ихъ, давнимъ чигателемъ на здорове мое и домъ, находячимся в запрещеніи попомъ, подозрителнимъ в многихъ немаловажнихъ винахъ, какъ то в зажигателствѣ, смертноубійствѣ, волшебствѣ и в протчемъ, Андреемъ Бабичемъ, учиня немалое смущеніе, з разними орудіями разбойнически“, козаки трехъ названныхъ селъ напали на его шинокъ и затѣмъ клуню и разорили ихъ, причемъ будто бы угрожали убить самого обознаго, если онъ по-

[1]) Ср. дѣло атамана с. Ничипоровки въ Рум. Описи, цитированное пр. Лучицкимъ въ указанной статьѣ его, стр. 410.

падется въ ихъ руки. По жалобѣ обознаго полковая канцелярія приступила къ разбору дѣла, арестовала многихъ козаковъ и, такъ какъ они не отрицали своего поступка и не соглашались даже дать обязательства впредь не нападать на обознаго, присудила ихъ къ наказанію. Но жестокость послѣдняго вызвала новую жалобу со стороны козаковъ, на этотъ разъ на всю полковую старшину, въ войсковую генеральную канцелярію. Послѣдняя затребовала объясненій отъ полковника и въ его доношеніи звучатъ любопытныя струнки. Разсказавъ самое дѣло, причемъ онъ особенно напираетъ на „мнимость“ жалобъ козаковъ и на упрямство ихъ въ отказѣ дать подписку впредь не повторять подобныхъ дѣйствій, онъ прибавляетъ, что особенно опасны угрозы козаковъ убить обознаго: послѣдній „оставя свой жилой в селѣ Новакахъ домъ, совсѣмъ вибрался и нинѣ живетъ с немалимъ утѣснениемъ своимъ в Лубняхъ, а между тѣмъ по часто упоминаемимъ похвалкамъ в той маетности его Новакахъ мелница его зажжена сгорѣла совсѣмъ. А такова зла, продолжаетъ полковникъ, ежели срогостию указовъ и правъ не запущая в продолженне заблаговременно не отвратить, то всякому владѣлци в маетностяхъ и в домахъ своихъ и побувать будеть за таковими самоволствами весма опасно, а подлой народъ еще горше развратится“. Въ виду этихъ соображеній и самое наказаніе, понесенное козаками, не болѣе 60 ударовъ „ординарними плѣтми“, представлялось полковнику ни мало не переходящимъ границъ и онъ испрашивалъ у войсковой канцеляріи разрѣшенія наказать и тѣхъ виновныхъ, которые еще не подвергались взысканію. Насколько справедливо было это послѣднее утвержденіе полковника относительно размѣровъ наказанія, мы узнаемъ изъ жалобы козаковъ, сообщающихъ, что били ихъ не плетьми, а кіями, и что „никому менше ста ударовъ не доставалось, от коего бою инныхъ, а паче престарѣлихъ почти неживихъ и облившихся кровю с места, на коемъ бито, на сторону отволикано, а инніе от того-жъ бою и приключившихся чрезъ оной несноснихъ ранъ... после того въ недолгомъ времени и померли“. Войсковая канцелярія предписала выслать дѣло въ генеральный судъ, не приводя въ исполненіе рѣшенія

полковой канцеляріи, но козаковъ держать подъ карауломъ, пока они не дадутъ подписки въ томъ, что „впредь такихъ самоволствъ чинить“ не будутъ. Но послѣ разбора дѣла въ генеральномъ судѣ полковая канцелярія была признана виновною въ истязаніи козаковъ и послѣднимъ присуждена была навязка съ провинившихся старшинъ въ размѣрѣ 14864 рублей на 135 арестованныхъ и битыхъ козаковъ. Рѣшеніе это, постановленное въ маѣ 1764 года, не было однако еще приведено въ исполненіе годъ спустя, несмотря на то, что недовольная имъ старшина не обжаловала его судебнымъ порядкомъ.

Приведенные примѣры могутъ до нѣкоторой степени иллюстрировать высказанныя выше соображенія о характерѣ хранящихся въ кіевскомъ центр. архивѣ дѣлъ по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи. Конечно, въ предѣлахъ настоящей замѣтки намѣчены далеко не всѣ вопросы, въ нихъ затрогиваемые, но это было бы и излишне. Съ помощью этого бѣглаго наброска я хотѣлъ только очертить общій характеръ этихъ данныхъ по исторіи крестьянства, и вмѣстѣ показать до нѣкоторой степени на этомъ частномъ примѣрѣ, насколько цѣнный матеріалъ для внутренней исторіи края можетъ заключаться въ мало еще извѣстныхъ старыхъ дѣлахъ здѣшняго архива.

В. Мякотинъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Метрическая выпись о рожденіи и крещеніи Т. Г. Шевченка. Доселѣ еще твердо не установлено мѣсто рожденія нашего роднаго поэта Т. Г. Шевченка. Одни считаютъ этимъ мѣстомъ село *Моринцы* (звенигородскаго у., кіевской г.), а другіе—сосѣднее село *Кириловку*. Чрезъ посредство священника села *Сегединецъ*, звенигородскаго же уѣзда, о. *Петра Андріевскаго*, живущаго въ сосѣдствѣ съ Моринцами и Кириловкой, мы получили выпись изъ *подлинной* метрической книги о рожденіи и крещеніи Т. Г. Шевченка, удостовѣренную мѣстнымъ священникомъ и благочиннымъ о. *Іоанномъ Березницкимъ*. Изъ этой выписи видно, что Т. Г. Шевченко родился (25 февр. 1814 г.) и крещенъ въ с. Моринцахъ.

Вотъ эта *выпись* въ томъ видѣ, въ какомъ сообщилъ ее намъ многоуважаемый о. Петръ Андріевскій, коему приносимъ нашу глубокую благодарность:

Метрическая выпись.

Въ метрической валовой книгѣ, хранящейся при Богословской церкви села Моринецъ, кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, въ части первой: *о родившихся*, за тысяча восемьсотъ четырнадцатый годъ, статья о рожденіи и крещеніи поэта Тараса Григорьевича Шевченка записана подъ № 10-мъ мужеска пола слѣдующими словами: «мѣсяца февраля 25 числа день рожденія и 28 числа того же мѣсяца день крещенія. У жителя села Моринецъ Григорія Шевченка и жены его Екатерины родился сынъ Тарасъ. Молитвовалъ и крестилъ іерей Алексій Базаринскій. Воспріемникомъ при крещеніи былъ Григорій Ивановъ Дяденко, житель моринскій».

Что настоящая статья о рожденіи поэта Тараса Шевченка изъ метрической книги села Моринецъ выписана вѣрно, въ томъ удостовѣряю. 5 октября 1889 г.

Приходскій с. Моринецъ священникъ, благочинный 3-го округа Іоаннъ Березницкій.

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ.**

О затерянной рукописи Н. И. Костомарова. Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» 1889 г. была напечатана замѣтка г. L. о пропавшихъ рукописяхъ Н. И. Костомарова, именно, о тѣхъ сочиненіяхъ и матеріалахъ, которые были отобраны у Костомарова въ Кіевѣ въ 1847 г. Считаю не лишнимъ указать еще на одну важную потерю послѣдняго времени. Въ началѣ 80 годовъ въ «Русской Мысли» было напечатано обширное и цѣнное изслѣдованіе Костомарова: «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» (218 страницъ). Въ первой главѣ говорится о морскихъ походахъ козаковъ, во второй—объ ихъ сухопутныхъ походахъ, въ третьей—о вторженіи татаръ и турокъ, въ четвертой—о борьбѣ южно-русскаго народа съ Польшею послѣ Хмельницкаго и въ пятой о внутреннихъ общественныхъ явленіяхъ, возникшихъ въ Малороссіи вслѣдствіе борьбы съ Польшею, насколько они отразились въ пѣсняхъ. Цѣнность изслѣдованія обусловлена широкой эрудиціей автора, ясностью изложенія и приведенными въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ неизданными пѣснями. При этихъ крупныхъ достоинствахъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза читателя пропускъ всей эпохи Хмельницкаго. Костомаровъ не виновенъ въ существованіи этого пробѣла. Приславъ мнѣ «Исторію козачества въ пѣсняхъ», Н. И. Костомаровъ въ письмѣ отъ 28 августа 1882 г., между прочимъ, писалъ: «въ моемъ сочиненіи вы, конечно, замѣтите странный пробѣлъ. Говоря о народной жизни, отразившейся въ историческихъ пѣсняхъ, я не говорю о Хмельнищинѣ, о самой славной и богатой событіями эпохѣ, которая притомъ полнѣе другихъ отразилась въ народной поэзіи. Вина тому непостижимая и непростительная разсѣянность редакціи «Русской Мысли». Цѣлая глава моего сочиненія у нихъ гдѣ то затерялась, и хотя я писалъ уже два раза объ этомъ, но никакого удовлетворительнаго отвѣта не получилъ. Мнѣ это обстоятельство тѣмъ прискорбнѣе, что редакторъ Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходнѣйшая личность, какой подобной едва

ли съ діогеновскимъ фонаремъ отыскать у насъ можно; но удивительно разсѣянъ и забывчивъ. Придется мнѣ, кажется, идти по слѣдамъ незабвеннаго Василія Кириловича и снова написать пропавшее для отдѣльнаго изданія всего сочиненія объ историческомъ значеніи южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества». Это намѣреніе Костомарова не получило осуществленія, и въ вышедшемъ въ 1890 г. сборникѣ неизданныхъ сочиненій Костомарова «Литературномъ наслѣдствѣ» нѣтъ статьи о малорусскихъ пѣсняхъ временъ Хмельницкаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Указъ кіевскаго митрополитанскаго коллегіума о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ. Въ церковномъ архивѣ с. Есмани, глуховскаго уѣзда, черниговъ. губ. хранится рядъ указовъ высочайшихъ, Сената, Синода, кіевскаго митрополита, обнимающихъ періодъ съ 1710 г. и приблизительно по царствованіе Павла I. Благодаря просвѣщенной заботливости о памятникахъ старины теперешняго настоятеля церкви протоіерея П. О. Красовскаго указы эти собраны, переплетены вмѣстѣ, распредѣлены по царствованіямъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Располагая короткимъ временемъ, мы имѣли возможность ознакомиться только съ указами 1710—1725 г. Здѣсь мы встрѣтили и указы о рудахъ, о моровомъ повѣтріи, о формѣ суда и пр., которые уже напечатаны отчасти въ Пол. Соб. Зак.

Въ прежнее время, когда не было газетъ, публикація новыхъ законовъ въ Малороссіи, производилась слѣдующимъ образомъ. Сенатъ или Синодъ отправлялъ часть печатныхъ указовъ къ кіевскому митрополиту, тамъ они переписывались и разсылались по протопопіямъ и монастырямъ, гдѣ ихъ должны были читать въ церквахъ; болѣе важные указы прибивались кромѣ того и къ церковнымъ дверямъ. Этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить существованіе такого разнообразнаго собранія указовъ въ архивѣ простой деревенской церкви. Указы препровождались къ протопопамъ и въ монастыри при особыхъ предписаніяхъ митрополіи. Всѣ эти предписанія составлены на одинъ образецъ; послѣ перечисленія указовъ съ ихъ краткимъ содержаніемъ, говорится: «якъ ви, отци протопопи, намѣстники и правители, такожъ отци игумены, строители монастирей мужескихъ и женскихъ, сие премощнѣйшихъ его величества государя императора указовъ, коими при нашомъ архіерейскомъ писаніи полу-

чите, и ви бъ всякъ отецъ протопопъ или намѣстникъ, такожъ отецъ игуменъ и строитель при всенародномъ собраніи оній в церквахъ своихъ опромулдовали и заразъ списки себѣ списавши, велѣли всѣмъ священникамъ своимъ (нѣкоторые) укази вездѣ до церковныхъ дверей для всенароднаго извѣстия поприбивать, а оніе вышепомянутіе укази въ другіе здѣ означеніе мѣста отсилали бъ, по обыкновенію, немедленно, чтобъ всѣ духовнаго и мирскаго чина люди подленно о томъ вѣдали и непремѣнно по онимъ исправляли бъ, а о дѣйствительномъ исправленіи репортовали бъ честности ваши зо всѣхъ мѣстъ въ катедру, пастирско деклеруемъ и упоминаемъ».

Въ собраніи, о которомъ мы говоримъ, есть нѣсколько циркуляровъ кіевской митрополіи, не лишенныхъ интереса для исторіи старой Малороссіи. Одинъ изъ такихъ указовъ «о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ» мы печатаемъ ниже. Но при этомъ считаемъ долгомъ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, полагаться на этотъ документъ и дѣлать на основаніи его какія-либо заключенія о народной жизни нельзя. *Вечерницы* явленіе обычное по всей Малороссіи. Такъ наз. интеллигенція и теперь еще приписываетъ имъ развращающее дѣйствіе въ народной жизни, хотя такое мнѣніе не имѣетъ за собой реальныхъ основаній. Г. Рыльскій, близко знающій народную жизнь и самъ многое пережившій, замѣчаетъ, что «для того кто знаетъ нашихъ сельскихъ женщинъ (а всѣ онѣ бывали въ свое время на *досвиткахъ*) мысль о повальной ихъ разнузданности представлялась бы крайне обидною, если бы она не была такъ смѣшна»[1]). Мы пропровѣрили это мнѣніе и свѣдѣнія, собранныя нами, подтвердили слова г. Рыльскаго. Трудно, конечно, поручиться, что на вечерницахъ не случаются и «грѣхи блудныя», «дѣвства растлѣнія»; но до «беззаконнаго прижитія дѣтей», а затѣмъ и до «дѣтогубства» дѣло доходитъ чрезвычайно рѣдко, и почти никогда. Такія пары женятся обыкновенно. Не нужно забывать, что духовенство, да и гражданская власть, часто видѣли нежелательныя явленія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не существовало, и простымъ обрядамъ, обычаямъ приписывалось часто такое значеніе, какого они не имѣли. Вѣдь и теперь еще ведется борьба съ т. наз. «языческими обрядами», отъ которыхъ языческаго-то и осталось одно названіе, а обрядъ обратился въ такой же обычай, какъ гаданье на праздникахъ или въ такую *безсмысленную* игру, какъ «хванты»

---

[1]) *Ѳ. Р. Рыльскій.* Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. „Кіев. Стар." 1890 г., сентябрь, стр. 353.

и «сусиды», въ которые играютъ наши поповны на праздникахъ; и теперь еще духовенство приписываетъ *простымъ*, напр., *купальскимъ играмъ* какое-то религіозное значеніе, и ихъ запрещаютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что играющіе *«бѣса веселятъ»* (?!) [1]).

Н. В.

Катедры киевской указъ ѡ кулачнихъ бояхъ и вечерницахъ.

Вамъ пречестнимъ отцемъ протопопамъ остерскому, козелецкому, борзенскому, воронижскому, конотопскому, глуховскому, ивановскому, честнимъ намѣстникомъ презвитеромъ і всему духовному освященному причту, кому гдѣ о семъ вѣдати надлежитъ, Божія благословенія, мирнаго здравія і благополучнаго поведенія отъ превысочайшаго архиерея прошедшаго небеса Господа Бога Спаса нашего Іисуса Христа узичивши извѣстно творитъ, ижъ зайшолъ всего духовнаго митрополитанского консисторіумъ премоцній ясневелможного его милости пана гетмана по указу его священнѣйшого царского пресвѣтлаго величества унѣверсалъ, повелѣвающий, даби везде по городамъ и мѣстечкамъ и селамъ в Малой Россіи попрестали богомерзкие молодихъ своеволнихъ людей зборища навкулачки і словомъ ненавистия гуляня, прозиваемая вечерницѣ, на котория многие людие, непостягливие отъ родителей своихъ мужеска полу и женска дѣти, по ночамъ купами собирающияся, неисповѣдимая безчинства и мерзкая беззаконія творятъ, справляющи себѣ пий и танцѣ . . . . . [2]), откуду походятъ галаси, зачѣпки і до соровъ і звидокъ, до чого послѣдуютъ и забойства, а найбардзѣй подчасъ таковихъ нечестивихъ зборовъ ночнихъ розние дѣлаются екцеси, яко-то грѣхи блудния, дѣвства растлѣния, беззаконія прижития дѣтей, для чего чрез тихъ безчиніковъ, утаевающихъ своя беззаконія, скверная дѣла стаются, дѣтогубства. За якіе беззаконія, умножившияся явствено, праведнаго гнѣва Божия на всѣхъ насъ чаша изливается, яко уже не теперь колколѣтніе неурожаи хлѣбние многие, падежи скотовъ, тяжкие болѣзни у людехъ, а що болшъ морови губителніе язви, страшное повѣтреное время понесла Малая Россія и прочия поносила злоключения. Сего ради ми таковому богомерзкому чинячомуся безаконию весь освященъ духовний соборъ заповѣдаючи і по должности нашей богомолческой премощному ясневельможного добродѣя нашего регементарскому согласуючи унѣверсалу, якие по всѣхъ малороссійскихъ

---

[1]) „Кіев. Стар." 1890 г. Ноябрь, стр. 327.

[2]) Два слова не разобраны, но, *кажется*, говорится о *пьянствѣ*.

полкахъ уже суть розислани пилно упоминаемъ пречестностей вашихъ всѣхъ отцевъ протопоповъ со всѣмъ духовенствомъ і повагою всего консисторіумъ нашего митрополитанского кіевского приказуемъ, же бисте пречестность ваша всему духовному чину власти своей подсудствующому приказовали і накрѣпко пригрозили і того всеконечне престеригали мененимъ нечестивимъ зходищамъ, зборищамъ вечерничнимъ не биватъ отъ сего часу і непотребнимъ кулачнимъ боемъ і нечинитися и нѣхто нѣгде на оние сходитися не важился бъ, з чого многие не тилко здравия, лечъ и жития лишаются и злѣ извергаютъ душѣ своя. Аще же би кто поважился бити противнимъ заповѣди Божой, премощънѣйшому монаршому указу рейментарскому ясневельможного пана унѣверсалу і сему отъ всего духовенства нашего виданному патенту, таковаго за первимъ, другимъ и третимъ духовнимъ наказаниемъ повелѣваемъ пречестностемъ вашимъ властію всего консисторіумъ митрополитанского отлучити отъ церкви і отъ сообщения вѣрнихъ, грядетъ бо гнѣвъ на сини противления, не закоснитъ пагуба ихъ, отъ которой всѣхъ православнихъ христианъ, церкви святой покаряющихся и хранящихъ заповѣди Божия, да сохрани Господь, усердствуемъ. Совершеннѣйшаго достовѣрия пречестностямъ вашимъ повелѣваемъ сие духовние наши укази списовать и списки вездѣ по городамъ, мистечкамъ і селамъ, вичитавши, до дверей церковнихъ прибивать. Данъ з катедри митрополитанской кіевской. Року 1719, януарія 27 дня.

Іеромонахъ Варлаамъ Лѣсницкій, игуменъ монастира Свято-Михайловского Золотоверхого кіевскаго, іеромонахъ Григорій Ѳошкевичъ, намѣстникъ катедралний свято-софійскій м. к., іеромонахъ Іоаникій Ѳедоровичъ, консисториста м. к., іеромонахъ Христофоръ Чарнуцкій, игуменъ Свято-Николской-Пустинной к., іеромонахъ Лаврентій Ѳорка, игуменъ Свято-Михайловскій Видубицкій, кіевскій.

(Изъ архива есманской церкви глуховскаго уѣзда, черниг. губ.).

Отрывки изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. *I. Премьеръ-маіоръ Александръ Андреевичъ Новицкій* (1748 † 1823 гг.). Однимъ изъ потомковъ охочекомоннаго полковника Ильи Ѳедоровича Новицкаго, краткая характеристика котораго помѣщена нами въ іюльской книгѣ «Кіевской Старины» за 1885 г., во второй половинѣ XVIII в., былъ, между прочимъ, премьеръ-маіоръ Александръ Андреевичъ Новицкій (род. 1748 † 1823 г.), герой турецкихъ войнъ въ царствованіе

императрицы Екатерины II и въ теченіе долгаго времени предводитель дворянства разныхъ уѣздовъ воронежской губерніи.

Отецъ его, Андрей Ивановичъ, долго служилъ въ военной службѣ и вышелъ въ отставку бригадиромъ; мать его, Марья Семеновна († 1798 г.), была изъ рода Сулимъ, что видно изъ изданнаго въ прошломъ году «Мотыжинскаго архива»—жили они въ родовомъ гнѣздѣ Новицкихъ, наслѣдіи полковника Ильяша, селѣ Исачкахъ лубенскаго уѣзда, извѣстномъ теперь своими каменоломнями.

Родившись въ 1748 г., Александръ Андреевичъ провелъ все свое дѣтство и отрочество въ Исачкахъ. 1 февраля 1763 г. его отдали въ сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, гдѣ онъ весьма успѣшно учился, такъ что 1 іюня 1764 г. былъ сдѣланъ за отличіе капраломъ; 19 іюня 1766 г. онъ окончилъ корпусъ, будучи произведенъ въ поручики ямбургскаго карабинернаго полка.

Вскорѣ судьба поблагопріятствовала ему выказать себя храбрымъ офицеромъ на боевомъ поприщѣ.

Весной 1769 г. началась, такъ называемая, первая турецкая война. Такъ какъ ямбургскій карабинерный полкъ вошелъ въ составъ 2-й арміи, названной украинской или оборонительной, находившейся сначала подъ начальствомъ графа П. А. Румянцева, а потомъ графа П. И. Панина, и оперировавшей главнымъ образомъ противъ татаръ въ Новороссіи, то Новицкому пришлось участвовать въ отраженіи татаръ отъ Бахмута и въ осадѣ Бендеръ. Въ 1770 г. Новицкій участвовалъ 21 августа въ штурмѣ крѣпости Киліи отрядомъ, подъ начальствомъ кн. Н. В. Репнина, паденіе которой передало въ руки русскихъ устье Дуная и доставило большой запасъ военныхъ принадлежностей; 16 сентября онъ участвовалъ въ штурмѣ Бендеръ, окончившемся взятіемъ этой крѣпости послѣ продолжительной осады отрядомъ, подъ предводительствомъ графа П. И. Панина, въ 12,000 человѣкъ, изъ которыхъ большая половина выбыла изъ строя; и, наконецъ, 28 сентября онъ участвовалъ въ штурмѣ Аккермана соединеннымъ отрядомъ 1-й и 2-й арміи, подъ начальствомъ генераловъ Игельстрома и Каменскаго, окончившемся сдачей крѣпости и большаго отряда татаръ. Въ 1771 г. Новицкому пришлось принять участіе въ осадѣ Перекопа и Кафы главнымъ отрядомъ 2-й арміи подъ предводительствомъ князя В. М. Долгорукова (срв. А. Петровъ. Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами, съ 1769—1774 г. Т. I—V. Спб. 1866—74).

Особенно отличился Новицкій въ дѣлѣ подъ Перекопомъ, что видно изъ аттестата, выданнаго ему генералъ-квартирмейстеромъ Михаиломъ Каховскимъ:

«Въ приближеніи арміи къ Перекопу, по должности моей рекогносцировалъ я какъ линію и городъ, такъ и предлежащую ситуацію, употребивъ къ сему важному примѣчанію дивизіонъ квартирмейстера капитанскаго чина Александра Новицкаго, которому и приказалъ подъѣзжать, какъ можно ближе, къ находящимся на оной линіи батареямъ и примѣчать акуратнѣе, что и исполнено было наилучшимъ способомъ. При овладѣніи жъ штурмомъ Перекопской линіи сего 1771 года въ 14 день іюня, когда ввѣренъ былъ мнѣ лѣвой флангъ атаки, то я, раздѣля на двѣ колонны, препоручилъ изъ оныхъ одну въ команду его, какъ довольно уже свѣдущаго положеніе мѣста и оборону линіи, и, положась на его твердо, приказалъ производить атаку. Первоначатой имъ огонь и производимая по линіи безпрерывная стрѣльба мало по малу стекающагося непріятеля понудила наконецъ собраться на сей флангъ великими толпами, но не устрашило нимало сего храбраго офицера, о которомъ по справедливости могу сказать, что онъ отмѣннымъ своимъ раченіемъ и оказанною при семъ случаѣ особливою храбростію заслуживаетъ себѣ отмѣнного и достоинства, и чести. 20 іюня 1771 г.» *(Подпись).*

Не менѣе храбрымъ и распорядительнымъ выказалъ себя Новицкій при взятіи Кафы и въ другихъ дѣлахъ на Крымскомъ полуостровѣ во время турецкой войны, и также при усмиреніи пугачевскаго бунта, что и было удостовѣрено княземъ В. М. Долгоруковымъ въ аттестатѣ, выданномъ Новицкому въ 1774 году:

«Ямбургскаго карабинернаго полка господинъ секундъ-маіоръ, Александръ Андреевъ сынъ Новицкій, по бытности своей въ генеральномъ штабѣ арміи моего предводительства дивизіонъ-квартирмейстеромъ капитанскаго чина, сверхъ отправляемой имъ со всякимъ раченіемъ службы, той должности соотвѣтствующей, опредѣленъ былъ отъ меня, при взятіи штурмомъ Перекопской линіи съ 13 на 14 іюня прошлаго 1771 года, надъ колонною, производившею къ батареямъ на лѣвомъ флангѣ линіи фосъ-атаку, командиромъ и, не страшась непріятельскаго безпрерывно производящагося огня, до взятія всей линіи мѣсто свое защищалъ храбро. По вступленіи жъ побѣдоноснаго второй ея императорскаго величества арміи оружія во внутрь Крыма, при взятіи города Кафы того жъ года іюня въ 29 день употребляемъ былъ не только къ рекогносцированью города, но и къ препровож-

денію артиллеріи къ самому почти непріятельскому ретраншаменту, во многихъ партіяхъ былъ и, гдѣ только имѣлъ случай, показывалъ усердіе и ревность ко службѣ ея императорскаго величества. По выключеніи изъ онаго штаба и по производствѣ в сей чинъ, препорученные отъ меня по особливой экстрѣ съ четырехъ-сотною командою, для отвращенія партій въ воронежской и другихъ губерніяхъ, чинимыхъ государственнымъ злодѣемъ и измѣнникомъ Пугачевымъ, гдѣ порученные ему къ защищенію отъ злодѣйского навѣта крѣпости и другія мѣста до совершеннаго разбитія варварскаго сонмища и поимки главного злодѣя, предохранялъ порядочно, и даже, до окончанія войны, былъ всегда при особливо поручаемыхъ должностяхъ безотлучно, для чего по справедливости заслуживаетъ по хорошему своему поведенію къ повышенію чина. Сей мой аттестатъ данъ въ главной квартирѣ въ благополучномъ городѣ Полтавѣ, ноября 30 дня 1774 г. Князь Долгоруковъ, ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни моей, генералъ-аншефъ, второй арміи войскъ предводитель и всѣхъ трехъ россійскихъ орденовъ кавалеръ» (М. П.).

17 ноября 1780 г. Новицкій вышелъ въ отставку въ чинѣ премьеръ-маіора, взявши предварительно у Румянцева продолжительный отпускъ, что видно изъ слѣдующаго ордера Румянцева:

«По рапорту вашему въ разсужденіи, что вы за болѣзнію продолжать полевой службы далѣе не можете, увольняетесь отъ меня до полученія точной отставки въ домъ вашъ; но прежде отбытія своего въ оный, имѣете вы находящуюся при васъ для покупки въ полкъ лошадей команду, ремонтныя и фуражныя деньги съ книгами и прочія, данныя вамъ на сей случай отъ полку, наставленія, здать старшему по васъ съ росписскою и кому имянно и въ коликомъ числѣ людей и лошадей команду свою вы поручите, въ оный полкъ отрапортовать, а о уволненіи васъ пашпортъ при семъ прилагается. Румянцевъ-Задунайскій. Января 23 дня 1780 г.» № 101.

Продолжительное пребываніе Новицкаго, во время усмиренія пугачевскаго бунта въ воронежской губерніи, оказало вліяніе на его дальнѣйшую судьбу и обусловило главнымъ образомъ выходъ его въ отставку: въ слободѣ Семейкахъ калитвянскаго уѣзда острогожской провинціи, воронежскаго намѣстничества, проживала богатая молодая вдовушка Мароа Ивановна Ершевская, урожденная Сатина, владѣвшая въ Семейкахъ и х. Карабутѣ 1037 душами крестьянъ-черкасовъ (малороссіянъ), составившая свое состояніе путемъ передачи ей по завѣщанію части Семеекъ отъ перваго мужа поручика Алексѣя Лукья-

новича Ершевскаго и пріобрѣтенія остальныхъ частей по купчимъ крѣпостямъ отъ деверя, войсковаго жителя, т. е. донскаго козака, Степана Лукьяновича Ершевскаго и отъ своего брата отставного секундъ-маіора Николая Ивановича Сатина; оберегая молодую вдовушку отъ Пугачева, Новицкій полюбилъ ее, женился и затѣмъ вышелъ въ отставку, чтобы заняться приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ по имѣніямъ жены, задолженнымъ во время Пугачевщины.—Мареѣ Ивановнѣ пришлось занять въ ноябрѣ 1773 г. двадцать тысячъ рублей подъ залогъ Семеекъ у воронежскаго помѣщика, отставного капитана Семена Өедоровича Зыбина.

Поселившись въ Семейкахъ, Новицкій прожилъ частнымъ человѣкомъ до 1783 г., когда былъ выбранъ предводителемъ дворянства сначала калитвянскаго, а потомъ бѣловодскаго уѣзда воронежскаго намѣстничества, въ каковой должности и прослужилъ три трехлѣтія съ перерывомъ: съ 1783 г. по 1789 г. и съ 1794 г. по 1-е іюня 1797 г., т. е. по день упраздненія калитвянскаго и бѣловодскаго уѣздовъ и замѣны ихъ старобѣльскимъ. Съ 1797 г. Новицкій прослужилъ нѣсколько трехлѣтій старобѣльскимъ предводителемъ дворянства.

Въ 1796 г. Александръ Андреевичъ овдовѣлъ, оставшись съ двумя дочерьми—Катериной (род. 1783 г.) и Елисаветой (род. 1785 г.), вышедшими впослѣдствіи замужъ, первая—за секретаря русскаго посольства при одномъ изъ итальянскихъ дворовъ Михаила Григорьевича Корсуна, вторая—за генерала Лазарева-Станищева.

Кромѣ Семеекъ и Карабутъ, Александръ Андреевичъ владѣлъ, получивши въ наслѣдство отъ отца, половиной с. Снѣтина лубенскаго уѣзда. Другая половина с. Снѣтина принадлежала его брату—Ивану, умершему безпотомно, а послѣ смерти послѣдняго перешла по завѣщанію къ третьему брату, Акиму Андреевичу, владѣвшему с. Исачками, что и было причиной непріязненныхъ отношеній между Акимомъ и Александромъ Андреевичемъ, а затѣмъ перешла по наслѣдству къ единственной дочери Акима, Марьѣ Акимовнѣ, вышедшей замужъ за Андреева, въ родѣ которыхъ состоитъ и по-нынѣ.

Выдавши дочерей замужъ, Александръ Андреевичъ передалъ имъ во владѣніе воронежскія имѣнія, какъ материнскія, а самъ поселился въ Снѣтинѣ, гдѣ имъ былъ выстроенъ еще въ первые годы настоящаго столѣтія громадный домъ о двухъ этажахъ съ погребами и башенкой посрединѣ крыши, съ нишами и лѣпными украшеніями съ фронта, разобранный въ недавнее время правнукомъ Александра

Андреевича А. К. Вульфертомъ. Акварельный рисунокъ этого дома работы его внука, Александра Михайловича Корсуна сохранился у насъ.

Въ этомъ домѣ и умеръ Александръ Андреевичъ въ 1823 г., 76-ти лѣтъ.

II. Семейство Корсуновъ. Михаилъ Григорьевичъ Корсунъ, женившійся на Екатеринѣ Александровнѣ Новицкой, былъ владѣльцемъ с. Корсуновой слободы миргородскаго уѣзда, полтавской губерніи. У насъ нѣтъ подъ рукою данныхъ для опредѣленія времени основанія Корсуновой слободы, но родъ Корсуновъ—стародавній лубенскій. Родоначальникомъ ихъ былъ, сколько знаемъ, хорунжій лубенскаго полка Степанъ Корсунъ, которому гетманъ Скоропадскій далъ въ 1720 г., с. Гапоновку. Передъ хорунжествомъ Корсунъ «двукратно нѣстовалъ сотницство Сенецкое». Однимъ изъ потомковъ этого Корсуна былъ Александръ Алексѣевичъ Корсунъ, отецъ котораго сдѣлался таганрогскимъ помѣщикомъ, извѣстный издатель малорусскаго альманаха «Сніпъ», вышедшаго въ Харьковѣ въ 1841 г., къ участію въ которомъ онъ привлекъ бывшихъ воспитанниковъ харьковскаго коллегіума—Порфирія Кореницкаго и братьевъ Писаревскихъ, и харьковскаго университета—Іеремію Галку (Н. И. Костомарова) и Михаила Петренка, такъ какъ и самъ Александръ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ другими представителями рода Корсуновъ, что видно дальше, сохраняли постоянно живую связь съ харьковскимъ университетомъ и мѣстными культурными кружками.

Родившись и выросши въ томъ счастливомъ уголкѣ Полтавщины, который прославленъ Гоголемъ, и будучи товарищемъ дѣтства извѣстнаго впослѣдствіи министра юстиціи Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, вслѣдствіе родства и сосѣдства, Михаилъ Григорьевичъ Корсунъ былъ вполнѣ культурнымъ человѣкомъ, а когда же онъ выбралъ дипломатическую карьеру и получилъ мѣсто секретаря при одномъ изъ итальянскихъ дворовъ, то онъ вполнѣ усвоилъ себѣ западно-европейское образованіе и въ особенности развилъ эстетическій вкусъ, что выразилось, между прочимъ, даже такимъ мелкимъ фактомъ, какъ пріобрѣтеніе привезенныхъ изъ Италіи въ Одессу однимъ проживщимся помѣщикомъ четырехъ статуй изъ бѣлаго мрамора, для украшенія корсуновскаго сада. Сохранился его акварельный портретъ, работы его сына Александра, изображающій благообразнаго старика съ безукоризненнымъ жабо на тонкомъ бѣльѣ, въ коричневомъ фракѣ и зеленыхъ перчаткахъ, украшеннаго иностранными орденами.

Вышедши въ отставку и женившись на Екатеринѣ Александровнѣ Новицкой, онъ поселился въ Корсуновой слободѣ въ своемъ обширномъ домѣ, окруженномъ прекраснымъ садомъ, и зажилъ богатымъ паномъ, гостепріимно принимая у себя родныхъ и знакомыхъ.

Изъ ближайшихъ родныхъ у него было двѣ замужнихъ сестры: Агаѳія Григорьевна Огроновичъ, бывшая замужемъ за Григоріемъ Огроновичемъ, владѣвшимъ с. Филипповичи лубенскаго уѣзда, и Ульяна Григорьевна Балясная, жена кременчугскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Была у Михаила Григорьевича и еще одна сестра, умершая дѣвицей, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: послѣ смерти отца Михаила Григорьевича, мать его, оставшись молодой вдовой, продолжала жить со своими четырьмя дѣтьми въ Корсуновой слободѣ; однажды зимой напалъ на ихъ усадьбу знаменитый разбойникъ Гаркуша и навелъ, конечно, на всѣхъ ужасъ.—Ульяна Григорьевна побѣжала къ колокольнѣ звонить набатъ, а Прасковья, обезумѣвши отъ страха, побѣжала босая въ сосѣднее м. Сѣнчу, схватила горячку и умерла.

Изъ сосѣдей ближайшимъ былъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, проживавшій послѣдніе годы своей жизни преимущественно въ своемъ имѣніи с. Кибенцахъ и дружившій по прежнему съ Корсуномъ; кромѣ того, Корсуны частенько видались со стариками Гоголями-Яновскими.

Цѣлью жизни Михаила Григорьевича было воспитаніе дѣтей—сыновей Николая, Александра, Григорія, Степана и Михайла, и дочерей Екатерины, Марьи, Варвары и Марѳы. Въ помощь себѣ онъ бралъ на нѣкоторое время бывшаго воспитанника полтавской семинаріи М. М. Макаровскаго, что подтверждается данной изъ біографіи Макаровскаго, помѣщенной у Метлинскаго въ «Южно-русскомъ сборникѣ» (X. 1848 г.), о томъ, что онъ былъ въ 1818 году нѣкоторое время домашнимъ учителемъ у помѣщика Корсуна (срв. Н. И. Петровъ. Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. К. 1884 г. Стр. 135). Помимо общаго образованія, онъ старался развить въ дѣтяхъ вкусъ къ живописи: наиболѣе способными вообще къ наукамъ и искусствамъ, и въ частности къ живописи, оказались два старшіе сына—сохранилось не мало акварельныхъ рисунковъ Николая и и Александра Корсуновъ, помѣченныхъ разными годами. Александру особенно удавались акварельные жанровые этюды и портреты, такъ что впослѣдствіи онъ достигъ значительной степени совершенства въ этомъ родѣ живописи: у насъ сохранились портреты его отца и

матери, четы Лазаревыхъ—Станищевыхъ, невѣстки—жены брата Николая, урожденной Подколзиной, красавицы—сестры Марьи Михайловны Безсоновой, свой собственный, знаменитаго адмирала Шишкова, предсѣдателя морского ученаго комитета Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, портретъ сепіей Трощинскаго и проч.

Подготовивши дома, Михаилъ Григорьевичъ провелъ всѣхъ своихъ сыновей черезъ харьковскій университетъ. Всѣ они окончили университетъ, но особенно успѣшно занимались Николай и Александръ, такъ что, получивши кандидатство, они магистрировались и получили ученыя степени, первый за «разсужденіе о сущности исторіи» (X. 1823 г.), второй за «разсужденіе о предметѣ права» (X. 1823 г.). У насъ сохранилось по экземпляру этихъ двухъ брошюрокъ, въ изящныхъ переплетахъ, съ характерными посвященіями: «милостивому государю глубокоуважаемому батюшкѣ отъ сына-сочинителя».

Николай Михайловичъ, при посредствѣ Трощинскаго и его друга, Логина Ивановича Голенищева-Кутузова, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ Трощинскаго и Гоголь при пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1829 г. (Шенрокъ. Указатель къ письмамъ Гоголя. М. 1886 г. Стр. 43 сл.), получилъ мѣсто въ Петербургѣ при министрѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, извѣстномъ любимцѣ императора Александра I, князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ.

Вышедши въ концѣ 30-хъ годовъ въ отставку, Николай Михайловичъ поселился въ Семейкахъ и женился на одной изъ дочерей богатѣйшаго помѣщика-откупщика Подколзина, Екатеринѣ Максимовнѣ, другая дочь котораго Анна (?) Максимовна была замужемъ за Сухановымъ въ Харьковѣ, присоединившимъ впослѣдствіи къ своей фамиліи фамилію тестя.

Проживая то въ Семейкахъ, то въ Воронежѣ, Николай Михайловичъ сдѣлался попечителемъ воронежской гимназіи, на которую пожертвовалъ однажды 25,000 р. Онъ умеръ, будучи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ, въ 50-хъ годахъ.

Александръ Михайловичъ также служилъ нѣкоторое время при Голицынѣ, а въ концѣ 20-хъ годовъ перешелъ въ Харьковъ совѣтникомъ правленія харьковскаго университета, попечителемъ котораго, равно какъ и всего громаднаго тогда харьковскаго учебнаго округа, былъ Филатьевъ, о которомъ Н. И. Костомаровъ въ своей «автобіографіи» (стр. 20 сл.) вспоминаетъ, что въ первыхъ мѣсяцахъ 1834 г.

онъ былъ переведенъ на какую-то должность и уѣхалъ, не подписавши утвержденія въ званіи студентовъ болѣе ста лицъ, выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ текущемъ академическомъ году, въ числѣ которыхъ былъ и Костомаровъ, чѣмъ поставилъ ихъ въ большое затрудненіе.

Вышедши въ 1836 г. въ отставку, Александръ Михайловичъ вскорѣ женился на молодой вдовѣ, Марьѣ Давидовнѣ Александровичъ, урожденной Горленко, моей бабкѣ по матери, и поселился въ ея имѣніи с. Великой Кручѣ пирятинскаго уѣзда. Здѣсь онъ занялся постройкой прекрасной каменной церкви во имя св. Іоанна Богослова и благоустройствомъ имѣнія. Онъ выписывалъ много книгъ, преимущественно юридическихъ, русскихъ и иностранныхъ, а также журналовъ, въ особенности по зодчеству и живописи. Въ с. Великой Кручѣ и по нынѣ сохранилась его довольно значительная библіотека. Какъ помѣщикъ, онъ отличался большой гуманностью, вслѣдствіе чего и по нынѣ сохранилась добрая о немъ память среди мѣстныхъ крестьянъ.

Въ 1856 г. онъ умеръ, въ чинѣ статскаго совѣтника, сдѣлавшись жертвой тифозной эпидеміи, свирѣпствовавшей тогда, вслѣдствіе провоза съ театра военныхъ дѣйствій массы раненыхъ и больныхъ, и погребенъ въ особомъ склепѣ подъ поломъ выстроенной имъ церкви, по правую сторону царскихъ вратъ, съ другой стороны которыхъ погребена въ 1886 г. его жена, Марья Давидовна.

Степанъ Михайловичъ умеръ въ молодыхъ годахъ, Григорій же и Михайло умерли всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проживая въ Корсуновой слободѣ.

Изо всѣхъ пяти братьевъ только одинъ Григорій оставилъ потомство, и то одного сына.

Изъ дочерей—Варвара умерла 18-ти лѣтъ, а Марья, вышедшая замужъ въ воронежской губерніи за Безсонова, умерла недавно безпотомно. Оставили потомство Маρѳа Михайловна Вульфертъ и Екатерина Михайловна Рикгофъ, къ которому и перешла большая часть наслѣдія Новицкаго и Корсуновъ.

III. Поѣздка харьковскаго попечителя Филатьева по округу въ 1831 г. Въ 1831 г. Филатьевъ предпринялъ поѣздку по округу, взявши съ собою и Александра Михайловича Корсуна.

Во время поѣздки Корсунъ велъ краткія путевыя замѣтки, не представляющія какого-либо особеннаго значенія въ литературно-научномъ отношеніи, но интересныя по самому факту ихъ существо-

ванія и по нѣкоторымъ даннымъ, которыя мы и приведемъ здѣсь въ выдержкахъ и пересказѣ.

Выѣхали они изъ Харькова 22 сентября, а 23 пріѣхали въ Полтаву. Тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ приказалъ приготовить квартиру въ домѣ дворянскаго собранія, но Филатьевъ предпочелъ остановиться у директора гимназіи, князя Цертелева. Пробывши сутки въ Полтавѣ, они поѣхали на Хоролъ, Лубны, Пирятинъ, Яготинъ и Бровары въ Кіевъ.

«27 сентября въ 9 часовъ по утру, пишетъ Корсунъ, мы прибыли въ Кіевъ и, не доѣзжая за нѣсколько верстъ, видѣли печерскую колокольню и множество церквей. Со мною была подзорная труба, въ которую я и попечитель смотрѣли на красивые кіевскіе виды. Въ Кіевѣ, по приказанію митрополита Евгенія, показывали намъ пещеры и лавру, церковь Андрея Первозваннаго, новозаложенную церковь во имя Рождества Богородицы, на мѣстѣ древней «Десятинной», Софійскій соборъ, Михайловскій и Братскій монастыри. Въ Софійскомъ соборѣ и Михайловскомъ монастырѣ особенно примѣчательны мозаическія работы древнихъ, такъ что я взялъ себѣ на память нѣсколько кусочковъ мозаики».

Изъ Кіева выѣхали только 5 октября по направленію къ Житомиру, куда и пріѣхали 6. «Я осмотрѣлъ, —читаемъ далѣе въ замѣткахъ,—вмѣстѣ съ попечителемъ, старую соборную церковь и два католическихъ костела, изъ коихъ одинъ въ древне-готическомъ стилѣ. За городомъ находится женскій монастырь, или, какъ здѣсь называютъ, шпиталь, содержимый сестрами милосердія: здѣсь бѣдныя дѣвушки принимаются на полное иждивеніе, учатся и работаютъ. Всѣхъ живущихъ дѣвушекъ 160, приходятъ и постороннія. Я осмотрѣлъ сіе заведеніе въ сопровожденіи старухи-настоятельницы. Видѣлъ работы бисеромъ, шелкомъ и другія; ихъ церковь. Мы пробыли 6 и 7 въ Житомирѣ, 8 рано поутру отправляемся далѣе». Поѣхали на Корецъ и Острогъ, гдѣ пришлось пробыть день, по недостатку лошадей, вслѣдствіе проѣзда фельдмаршала графа Сакена, и затѣмъ на Дубно въ Кременецъ.

«Кременецъ, пишетъ далѣе Корсунъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ владимірскаго древле-удѣльнаго княжества. Имя свое онъ получилъ, кажется, отъ свойства земли, его окружающей, которой поверхность, особливо съ сѣверной стороны, усѣяна повсюду кремнями. Ни основатель, ни точное время его основанія точно неизвѣстны; извѣстно лишь, что въ 1240 г. Кременецъ противосталъ

стремительному нападенію Батыя и выдержалъ осаду (Ист. госуд рос. Карамзина. Т. IV, р. 14). Возобновитель Кременца былъ, можетъ статься, Іоаннъ-Владиміръ Васильковичъ, Даніиловъ племянникъ (Кременецъ наз. Даніиловъ городъ), или наслѣдникъ его Мстиславъ Даніиловичъ, при коихъ въ концѣ XIII стол. Галиція и Волынь отдохнули (Ист. Карамзина, р. 140—141). Потомъ Кременецъ переходитъ въ польское владѣніе.

Въ XVI в., при Сигизмундѣ I и при королевѣ Бонѣ (которая впрочемъ никогда не бывала въ Кременцѣ), Кременецъ устроенъ и вооруженъ.

Два деревянныхъ моста составляли единственную въ замокъ дорогу и оканчивались предвъѣздною башнею, въ которой помѣщалась стража и капличка. Самый въѣздъ состоялъ изъ подъемнаго моста и воротъ подъ другою большою башнею, внизу коей находились погреба, а на верху свѣтлицы или комнаты со сводами, на подобіе колпака сдѣланными. Третья башня, называемая червленою, стояла съ лѣвой стороны отъ новаго въѣзда и показывала слѣдъ въѣзда стараго, въ то время уже уничтоженнаго. Внутрь обводной стѣны каменной, покрытой деревяннымъ покладомъ, стояли два дома, построенные изъ дерева, изъ коихъ одинъ, для жилья предназначенный, посредствомъ сходовъ имѣлъ сообщеніе съ большою подъѣздною башнею, а другой домъ, отдѣльно стоявшій, мѣстилъ въ трехъ каменныхъ погребахъ своихъ селитру и порохъ, надъ ними жилые покои, а на самомъ верху бойницу, съ которой можно было оборонять съ трехъ сторонъ замокъ и городъ. Далѣе находилось девять амбаровъ или спижарень на съѣстные припасы, съ девятью отдѣльными кровлями, коихъ рынвы сбирали дождевую воду и посредствомъ трубъ переливали оную въ водоемъ, нарочно для того устроенный. Водоемъ сей, коего каменныя стѣны были обложены деревомъ и облиты смолою, необходимо нуженъ былъ въ замкѣ, совершенно безводномъ, ибо всѣ покушенія выбить колодезь остались безуспѣшными и работа сія оставлена тогда, когда колодезь имѣлъ 40 локтей глубины, что составитъ около 10 саженей. За ссыпными амбарами была кухня, а на самой серединѣ горы и обвода пороховая толчея съ шестью пестами, устроенная на коловоротѣ, по нѣмецкому способу, такъ что одинъ человѣкъ могъ легко приводить ее въ движеніе и производить успѣшно работу.

На всѣхъ сихъ зданіяхъ и на обводной стѣнѣ были разставлены пушки, числомъ 29, а именно: 4 сокола, 2 мортиры, 22 фаль-

конета и одинъ пищикъ. Сверхъ того было въ складѣ ручного оружія: 10 гаковницъ и 33 ручницы, съ надлежащимъ приборомъ. Запасъ пороху, пуль, свинцу, сѣры и уголья столь былъ великъ, что въ семъ отношеніи не только Луцкъ и Владиміръ, но и 10, 20, другихъ такихъ замковъ не могли съ нимъ равняться.

Такъ описалъ Кременецъ Левъ Патей-Тышкевичъ, дьякъ или секретарь Сигизмунда I, посланный въ 1542 г. на ревизію волынскихъ замковъ, передавъ потомству имена епископа луцкаго, князя Павла Альгимуниса Ольшанскаго и кременецкаго старосты, Станислава Фальчевскаго, благоразумно и ревностно занимавшихся устройствомъ и цѣлостью замка. Однакожъ укрѣпленіе и вооруженіе замка, описанное Патеемъ, не было уже соотвѣтственнымъ тогдашнему времени. Въ 1648 г. 7000 козаковъ, подъ предводительствомъ Максима Кривоноса, завладѣли Кременцомъ безъ всякаго сопротивленія, разорили всѣ строенія, произвели убійства и земскіе акты, залогъ безопасности лицъ и огражденіе собственности, хранимые въ погребахъ замка, нашли, изорвали и истребили. Съ того времени древній Кременецъ не возставалъ уже изъ своего запустѣнія, и стѣны замка, около 2-хъ столѣтій, разрушаются рукою времени.

Нынѣшній Кременецъ лежитъ при подошвѣ горы, на которой развалины замка; со всѣхъ сторонъ окружаютъ его амфитеатромъ другія горы, изъ коихъ однѣ увѣнчаны лѣсомъ, другія покрыты кустарниками, иныя изъ-подъ муравы выставляютъ свои каменистыя части. Склоны ихъ и промежутки между ними образуютъ неправильную долину, на которой расположенъ городъ. По косогорамъ разбросаны домики, окруженные почти всѣ садами и огородами. Въ срединѣ возвышается зданіе, прочный и великолѣпный памятникъ падшаго іезуитскаго ордена, воздвигнутый въ 1726 г. князьями Янушемъ и Михаиломъ Вишневецкими.

1 октября 1805 г. открыта волынская гимназія. При семъ случаѣ, по окончаніи богослуженія, прочитаны были: высочайшая грамота и письмо министра народнаго просвѣщенія къ основателю гимназіи, графу Ѳаддею Чацкому, который воскликнулъ: «рѣдко бываетъ торжество, подобное нынѣшнему—народъ и государь воздвигаютъ высшее училище для общія пользы въ безпрерывный рядъ поколѣній!»

Министръ графъ Завадовскій, увѣдомленный о семъ праздникѣ, написалъ къ Чацкому слѣдующее письмо:

«Читая слово Ваше, произнесенное при семъ обрядѣ, я упоялся подобною сладостью, какова дѣйствовала на душу грековъ, рукоплес-

кавшихъ Геродоту, когда сей предлагалъ имъ свою исторію, оглавленную по именамъ Музъ. Состязующимся въ томъ, якобы въ нашемъ вѣкѣ отдыхаетъ Природа въ произведеніи великихъ дарованій, я укажу на Геній Чацкаго, который на польскомъ Парнасѣ воскрешаетъ Музъ, умершихъ въ Аттикѣ, ибо какой даръ знаменуется превосходнѣе таковаго, что просвѣщаетъ настоящее колѣно своихъ согражданъ и ихъ будущіе роды? Тако взираю я съ моей точки на Ваши подвиги, незабвеніемъ и общею благодарностью печатлѣемые. Теките по своему поприщу, посѣвая науки благотворительныя человѣческому роду. Дѣлателю уже близокъ моментъ, дабы сказать: iam opus exegi... и услышитъ къ себѣ общій отголосокъ, который повторитъ и позднее потомство».

По прибытіи въ Кременецъ, какъ обыкновенно, нужно было заняться дѣлами. По первой почтѣ написалъ министру, потомъ, вмѣстѣ съ попечителемъ, осматривали здѣшнюю библіотеку и кабинеты, содержимые въ отмѣнномъ порядкѣ.

Здѣшніе чиновники, обласканные пріемомъ попечителя, наперерывъ начали приглашать насъ на обѣды—всякой день мы прекрасно угощены, пьемъ венгерское и шампанское, и мѣшаемъ дѣло съ бездѣліемъ. Я уже упомянулъ о живописномъ мѣстоположеніи Кременца: особенно примѣчательна «Замкова гора». Какой чудесный видъ съ вершины сей горы! Я два раза былъ на ней, самъ и съ попечителемъ. Мы брали у здѣшняго берейтора верховыхъ лошадей—дорога идетъ вокругъ горы, взъѣзжая по ней, мы видѣли мѣста, гдѣ ломаютъ камни для построекъ. Камень, по увѣренію здѣшнихъ жителей, не проченъ, мягокъ, что доказываютъ и городскія улицы, кои столь неровны, что съ трудомъ можно пройти, не только проѣхать. Главнѣйшія улицы здѣсь: Широкая, Казалани, Mon promenade avec le juif Schimon. Жителей въ Кременцѣ до 15000, изъ коихъ ²/₃ жидовъ.

23 октября въ 3 часа по полудни я поѣхалъ верхомъ осмотрѣть развалины замка, 20 лѣтъ тому назадъ сгорѣвшаго, принадлежавшаго нѣкогда князьямъ Вишневецкимъ и Збаражскимъ. Мѣсто, гдѣ построенъ былъ замокъ, называется Бѣлая Криница. Замокъ стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, состоящемъ изъ землянаго вала, теперь почти разрушенъ, остались однѣ стѣны и башня при самомъ входѣ, обращенная къ лѣсу. Замокъ представляетъ собою треугольникъ. При входѣ высокая узкая дверь, на стѣнахъ видна красноватая краска, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще остались слѣды старинной

живописи—небольшіе корабли и китайскія бесѣдки съ фигурами, оконныя лутки сѣраго камня, почти квадратныя, стеколъ нѣтъ и вѣтви деревьевъ, близь стѣнъ растущихъ, проходятъ сквозь окна и закрываютъ стѣны, внутри замка растутъ кустарники; въ углу на западъ нѣкоторое углубленіе, двѣ колонны, а на стѣнѣ остатокъ живописи—Спаситель въ облакахъ, вѣроятно, здѣсь была домашняя каплица; внизу—погребъ или какой-то темный ходъ и большой корридоръ, отчасти уже заваленный обломками стѣнъ. Неподалеку отъ замка находится деревушка, принадлежащая теперешнему владѣльцу разрушеннаго замка, Часноцкому.

27 октября, накунѣ отъѣзда, я былъ вмѣстѣ съ попечителемъ въ Почаевѣ. Тамошній базиліанскій монастырь обращенъ теперь въ православный. Главная церковь построена Потоцкимъ, называемымъ обыкновенно паномъ Каневскимъ, въ 1771 г. Въ церковномъ погребѣ хранятся бальзамированное тѣло основателя монастыря Потоцкаго, не совсѣмъ сбереженное, и мощи Іова Zализо, знаменитаго игумена. Гробъ Іова стоитъ на каменныхъ ножкахъ, крышка гроба стеклянная;—угодникъ лежитъ въ схимнической одеждѣ, руки и ноги открыты; на право пещера весьма узкая, въ которой онъ молился—это скала, въ которой сама природа сдѣлала отверстіе. Сія скала находится внизу церкви въ углѣ, такъ что фундаментъ оной возвышается наравнѣ со скалою такимъ образомъ, что скалы не видно и надобно стать внизъ, чтобы поклониться мощамъ угодника. Выходя изъ церкви, я любовался съ галлереи, устланной камнемъ, чуднымъ видомъ—отсюда до австрійской границы верстъ 6, такъ что видѣнъ австрійскій монастырь Подкамень. Осмотрѣвши все здѣсь любопытное, мы обѣдали у архіерея житомирскаго, проживающаго теперь здѣсь.

28 мы выѣхали изъ Кременца на Ямполь, принадлежащій гр. Хоткевичу и Теофилполь—княгинѣ Сапѣга».

29 они поѣхали на Старо-Константиновъ, Меджибожъ, Каменецъ-Подольскъ и Винницу.

Въ Меджибожѣ они останавливались въ замкѣ, гдѣ помѣщалось высшее повѣтовое училище. «Смотритель училища отвелъ намъ—пишетъ Корсунъ—свои комнаты. Семейство его, Скимборовича, весьма любезное, дочь его, Целина, забавляла насъ своей игрой на фортепіано и увѣряла меня, что жизнь въ замкѣ весьма скучна. Замокъ здѣшній и мѣстечко принадлежало князю Чарторыйскому. Замокъ уступленъ для училища въ 1808 г., но когда основанъ, неизвѣстно полагаютъ, что стоитъ уже нѣсколько столѣтій.

Въ замкѣ большія залы, въ которыхъ помѣщалось училище, ланкастерская школа взаимнаго обученія, небольшая библіотека и кабинеты. Зданіе выстроено треугольникомъ, дворъ большой, посрединѣ костелъ, а по сторонамъ въ одинъ этажъ кругомъ жилые покои, съ готическими окнами и высокими трубами».

Изъ Винницы поѣхали на Умань и Каневъ въ Кіевъ. Дорогой имъ пришлось довольно долго оставаться въ д. Вороповицы гр. Грохольскаго, по причинѣ поломки коляски. «Усадьба Грохольскаго—пишетъ Корсунъ—прекрасная, въ старинномъ вкусѣ, выстроенная полукружіемъ. Комнаты богато убраны и съ отличнымъ вкусомъ—статуи, бюсты и картины доказываютъ образованность владѣльца, который теперь въ Каменецъ-Подольскѣ; подъ окнами садъ съ каштановыми аллеями и оранжереей».

24 ноября пріѣхали въ Кіевъ. «Въ Кіевѣ я не скучалъ,—читаемъ въ замѣткахъ Корсуна—занимаясь дѣлами, я пользовался свободнымъ временемъ, чтобы повидаться со своими знакомыми, которыхъ впрочемъ у меня въ Кіевѣ немного—домъ Трощинскаго и Семенюты. Въ первомъ меня принимали, какъ своего, со вторымъ я знакомъ по Харькову, гдѣ знавалъ хозяйку дома еще дѣвушкой. 29 ноября былъ въ здѣшнемъ клубѣ вмѣстѣ съ попечителемъ. Мы пріѣхали почти въ 9 часовъ вечера въ домъ генерала Корта, гдѣ бываетъ собраніе. Танцы начались полонезомъ. Я прошелъ два раза въ полонезѣ и затѣмъ уѣхалъ вмѣстѣ съ попечителемъ. Между танцующими я замѣтилъ г-жу Путенкову, генеральшу Купреянову, княженъ Манвеловыхъ, m-lle Маркевичъ, изъ коихъ»...

На этомъ прерываются замѣтки Корсуна. Конецъ, къ сожалѣнію утерянъ.

Н. В. Стороженко.

Новое свѣдѣніе о пребываніи Т. Г. Шевченка въ Раимскомъ укрѣпленіи. По порученію сыръ-дарьинскаго статистическаго комитета г. секретарь этого комитета сообщилъ намъ копію съ архивнаго документа, относящагося къ Тарасу Григорьевичу Шевченку. Хотя документъ этотъ ничего особеннаго въ себѣ не заключаетъ, но для полноты картины жизни, проведенной покойнымъ въ Раимскомъ укрѣпленіи (нынѣ г. Казалинскъ сыръ-дарьинской области) фактъ, изображаемый въ документѣ, можетъ служить нѣкотораго рода иллюстраціей отношеній къ Тарасу Григорьевичу его бывшихъ

сослуживцевъ. Дѣло, изъ котораго извлеченъ этотъ документъ, озаглавлено такъ: Дѣло канцеляріи начальника Раимскаго укрѣпленія по претензіи рядоваго Шевченко, о взысканіи съ подпоручика Бархвица денегъ 68 р. 30 к. серебромъ. Начато 8 апрѣля 1849 г. кончено 10 апрѣля 1849 г.

За сообщеніе этого документа приносимъ искреннюю благодарность сыръ-дарьинскому статистическому комитету.

Копія.

Списокъ съ рапорта и. д. начальника Раимскаго укрѣпленія, г. начальнику 23 пѣхотной дивизіи, отъ 10 апрѣля за № 901.

Состоящій на службѣ въ Раимскомъ укрѣпленіи, а нынѣ въ числѣ экипажа описной экспедиціи Аральскаго моря линейнаго оренбургскаго № 4 батальона рядовой Тарасъ Шевченко объявилъ мнѣ, что батальона № 5 подпоручикъ Бархвицъ состоитъ ему долженъ шестьдесятъ восемь руб. тридцать копѣекъ серебромъ, и просилъ ходатайства моего о взысканіи съ подпоручика Бархвица слѣдующихъ ему денегъ, присовокупляя въ числѣ доказательствъ, что о займѣ этомъ зимою 1848 г. во время служенія Шевченка въ батальонѣ № 5-го извѣстно ротному его командиру штабсъ-капитану Степанову, который засвидѣтельствовалъ о томъ, и г. командиру бригады;— Шевченко росписки отъ Бархвица не имѣетъ, но говоритъ, что давалъ въ заемъ по случаю отъѣзда подпоручика Бархвица въ гор. Оренбургъ, между тѣмъ по отзыву командующаго батальономъ № 4, отъ перваго минувшаго февраля за № 946, Бархвицъ отъ этого займа отказался и просилъ поступить съ рядовымъ Шевченкою по всей строгости законовъ, будто бы за ложное предъявленіе претензіи, и командующій батальономъ № 5-го, которому обстоятельство дѣла было сообщено подпоручикомъ Бархвицъ, не спросивъ даже удостовѣренія штабсъ-капитана Степанова, сообщаетъ командующему батальономъ № 4-го только объ отзывѣ Бархвица и его требованіи.

Обстоятельство это представляя на милостивое благоуваженіе вашего превосходительства, честь имѣю почтительнѣйше испрашивать зависящаго распоряженія о законномъ удовлетвореніи рядоваго Шевченко и огражденіи его отъ подобнаго вышеизложенному притязанія. Подписалъ подполковникъ Матвѣевъ. Скрѣпилъ подпоручикъ Богдановичъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: И. д. секретаря *И. Гейеръ.*

Невѣрное свѣдѣніе о Шевченкѣ. Г. Эварницкій, перепечатывая въ прошломъ году въ газетѣ „Новости" (№ 56), давно извѣстныя свѣдѣнія о послѣднемъ днѣ жизни Т. Г. Шевченка, между прочимъ, говоритъ, что будто бы „есть разсказъ, что Шевченко желалъ быть погребеннымъ въ роскошной своими красотами природы Каченовкѣ, принадлежащей В. В. Тарновскому, черниг. губ., борзенскаго уѣзда..." — Считаемъ нужнымъ замѣтить, что если такой разсказъ и есть, то онъ не вѣренъ, такъ какъ Шевченко никогда такого желанія не имѣлъ да и имѣть не могъ по своему міросозерцанію. Ссылаемся, между прочимъ, на недавно напечатанную автобіографію Костомарова, который, будучи однимъ изъ ближайшихъ друзей Шевченка, конечно зналъ бы объ этомъ, а между тѣмъ онъ разсказываетъ о положительномъ желаніи поэта быть похороненнымъ на берегу Днѣпра .. Да и мы должны были бы что нибудь услыхать объ этомъ желаніи Т. Г., когда тѣло его перевозилось на берега Днѣпра, если бы такое желаніе дѣйствительно существовало.

А. Л.

МИХАЙЛОВСКАЯ и ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКВИ

въ г. Переяславѣ Полтавской губерніи.

(КЪ РИСУНКАМЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА).

Предлагаемые вниманію читателей „Кіевской Старины" рисунки Т. Гр. Шевченка переносятъ насъ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ Полтавщину, въ тотъ уголокъ ея, гдѣ

„Соборъ Мазепынъ сне-билie,
Батька Богдана могыла мріе;
Кыивськымъ шляхомъ вербы похыли
Требратни давни могылы вкрылы;
Зъ Трубайломъ Альта мижъ осокою
Зійшлысь, зъеднались мовъ братъ съ сестрою"[1]).

Они еще разъ напоминаютъ намъ о томъ, что въ лицѣ Т. Гр. Шевченка Малороссія имѣла не только великаго поэта, но и одушевленнаго изслѣдователя ея природы и всей художественной и бытовой обстановки ея населенія. Въ эпоху самаго полнаго разцвѣта своего поэтическаго дарованія (1843—1847 гг.) незабвенный кобзарь творилъ дивные образы изъ прошлаго и настоящаго Украины и въ то же время прилежно изучалъ дорогую родину, постоянно пользуясь перомъ и карандашомъ какъ для записи слышаннаго и видѣннаго, такъ и для того, чтобы закрѣпить въ рисункѣ внѣшность заинтересовавшихъ его сценъ и предметовъ; особенно—вниманіе его привлекали мало-

[1]) См. Кобзарь, 1883 г., стр. 272.

русскіе храмы, какъ наиболѣе величественные памятники народнаго творчества. Выраженіемъ этой именно струи въ дѣятельности Шевченка являются и воспроизводимые нынѣ наброски Михайловской и Покровской церквей въ г. Переяславѣ.

О Покровской церкви, въ дополненіе къ изображенію ея, Шевченко записываетъ слѣдующее: „Церковь во имя Покрова—неуклюжей и безхарактерной архитектуры, воздвигнута въ знаменіе взятія Азова полковникомъ переяславскимъ Мировичемъ, другомъ и соучастникомъ проклинаемаго Ивана Мазепы. Въ этой церкви хранится замѣчательная историческая картина, кисти, можно думать, Матвѣева, если не иностранца какого. Картина раздѣлена на двѣ части: вверху Покровъ Пресвятыя Богородицы, а внизу Петръ I съ Екатериной I, а вокругъ ихъ всѣ знаменитые сподвижники его, въ томъ числѣ и Мазепа, и ктиторъ храма во всѣхъ своихъ регаліяхъ“ [1]); Михайловскую церковь онъ только изображаетъ, не услышавши, очевидно, ничего любопытнаго, чтобы записать о ней.

Объ историческомъ прошломъ этихъ церквей мы имѣемъ слѣдующія данныя.

Первоначальное основаніе Михайловской церкви относится къ концу XI столѣтія нашей эры. Подъ 1090 г. въ Ипатской лѣтописи повѣствуется: „Въ этомъ году освящена была въ Переяславѣ церковь во имя святаго Михаила—Ефремомъ, митрополитомъ той церкви; онъ далъ ей обширные размѣры, и поднялъ ее высоко надъ землею, и украсилъ ее различными художественными произведеніями и церковными сосудами. Въ эти же годы Ефремъ воздвигнулъ многія постройки при церкви святаго Михаила, окружилъ ее каменной оградой и надъ воротами этой ограды основалъ церковь во имя святыхъ Өедора и Андрея; надъ церковью устроилъ онъ каменный куполъ, чего не дѣлалось на Руси; онъ украсилъ переяславскій кремль церковными и иными зданіями“ [2]). Съ этого времени церковь святаго Михаила сдѣлалась какъ бы домовою церковью переяслав-

---

[1]) Поэмы, повѣсти и разсказы Т. Гр. Шевченка. Кіевъ. 1888 г., стр. 152.

[2]) Ипатская лѣтопись, 1871 г., стр. 146.

скихъ князей изъ рода Всеволода Ярославича. Хотя въ 1098 г. Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ и заложилъ на княжьемъ дворѣ особую церковь во имя Пресвятой Богородицы, но очевидно, что эта церковь никогда не имѣла въ глазахъ князей, его потомковъ, того значенія, какое они придавали церкви св. Михаила, при которой проживали и переяславскіе епископы. Сыновья Владиміра Мономаха Святославъ, Ярополкъ, Андрей и Юрій Владиміровичи, внуки его Ростиславъ, Андрей и Глѣбъ Юрьевичи и правнукъ Владиміръ Глѣбовичъ у святаго Михаила молились о своихъ нуждахъ и печаляхъ и тамъ находили мѣсто послѣдняго успокоенія, если имъ приходилось умирать въ Переяславѣ. Ипатская лѣтопись отмѣчаетъ, что именно въ церкви св. Михаила были погребены въ 1114 г. Святославъ Владиміровичъ, въ 1141 г. Андрей Владиміровичъ и въ 1187 г. Владиміръ Глѣбовичъ [1]). Живая изобразительность послѣдняго извѣстія увлекаетъ насъ привести его здѣсь цѣликомъ: „Половцы, услышавши, что на нихъ идутъ русскіе князья, бѣжали за Днѣпръ. Князьямъ же русскимъ нельзя было преслѣдовать ихъ, такъ какъ ледъ тронулся уже на Днѣпрѣ вслѣдствіе наступленія весны и возвратились они восвояси. Во время этого похода получилъ Владиміръ Глѣбовичъ тяжкую болѣзнь, отъ которой и умеръ; и принесли его въ родной ему Переяславъ на носилкахъ и тутъ онъ скончался 18 апрѣля и погребенъ былъ въ церкви святаго Михаила. И плакали о немъ всѣ переяславцы, ибо онъ любилъ дружину; денегъ не собиралъ, имущества своего не сберегалъ, но все раздавалъ дружинѣ; онъ былъ князь добрый, но упорный въ бою; онъ отличался желѣзнымъ мужествомъ и былъ преисполненъ всякихъ добродѣтелей; Украина пролила о немъ много слезъ“.

Изъ XII столѣтія Ипатская лѣтопись сохранила для насъ имена четырехъ переяславскихъ епископовъ, жившихъ при церкви св. Михаила: Лазаря († 1117 г.), Сильвестра († 1123 г.), Марка († 1134 г.) и Евфимія, участвовавшаго на съѣздѣ русскихъ епископовъ въ Кіевѣ въ 1147 году при поставленіи кіев-

---

[1]) Ипат. лѣтопись, 1871 г., стр. 199, 221, 439.

скимъ митрополитомъ схимника Клима Смолятича. Кромѣ того изъ старинныхъ синодиковъ намъ извѣстны епископы Іоаннъ, Макарій (1134—1141 гг.), Антоній (съ 1168 г.) и Павелъ (съ 1198 г.) [1]). Вѣроятно, епископы также въ случаѣ смерти погребались въ церкви св. Михаила, при которой жили, хотя лѣтопись не даетъ на это прямыхъ указаній. Привязанность князей къ родной святынѣ охраняла ее отъ разрушительнаго вліянія времени, а переяславскій кремль былъ достаточно крѣпокъ, чтобы выдерживать нападенія тогдашнихъ главныхъ враговъ русской земли—половцевъ и защищать отъ ихъ алчности помѣщавшійся внутри кремля храмъ. За все XII столѣтіе одно только бѣдствіе постигло церковь св. Михаила и то чисто стихійнаго характера: 10 мая 1124 года ее повредило землетрясеніе, но, вѣроятно, это поврежденіе скоро было исправлено Ярополкомъ Владиміровичемъ, который былъ, кажется, въ то время княземъ переяславскимъ [2]).

Но вотъ приближалось другое великое бѣдствіе, отъ котораго не суждено было оправиться старинной переяславской святынѣ: въ 1237 году нагрянули на южную Русь полчища Батыя. Ипатская лѣтопись такимъ образомъ рисуетъ гибель Переяслава подъ ударами татаръ: „Батый началъ посылать свои полчища на русскіе города; взяли они приступомъ городъ Переяславъ, избили всѣхъ, церковь архангела Михаила разрушили, безчисленные церковные сосуды, золотые и украшенные драгоцѣнными камнями, заграбили, епископа, преподобнаго Симеона, убили“ [3]).

Если запустѣніе южной Руси вслѣдъ за нашествіемъ Батыя является послѣ изслѣдованій М. А. Максимовича [4]) и В. Б. Антоновича [5]) скорѣе вымысломъ лѣтописцевъ и историковъ, чѣмъ фактомъ дѣйствительности, то разрушеніе собственно церкви св. Михаила въ г. Переяславѣ можно, кажется, признать

---

1) Максимовичъ, Собр. соч., т. I, стр. 115—116.

2) Ипат. лѣт., 1871 г., стр. 207.

3) Ипат. лѣт., 1871 г., стр. 520.

4) Собр. соч., т. I, стр. 131—145.

5) Монографіи, т. I, стр. 221—264.

несомнѣннымъ и окончательнымъ. Съ тѣхъ поръ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы утверждать, что церковь эта была реставрирована, а напротивъ преданіе, идущее съ начала XVIII вѣка, увѣряетъ, что отъ временъ Батыя она лежала въ развалинахъ вплоть до 1711 года. Въ этомъ году переяславскій епископъ Захарій Корниловичъ, коадъюторъ кіевской митрополіи, задумалъ возстановить древнюю переяславскую святыню и приступилъ къ устройству церкви и монастыря при ней на тѣхъ развалинахъ, которыя считались по преданію развалинами церкви святаго Михаила. Черезъ два года монастырь былъ устроенъ и въ 1713 году въ него перенесены были изъ переяславской Воскресенской церкви мощи св. Макарія Токаревскаго, архимандрита овручскаго, а потомъ каневскаго, которыя и были поставлены въ деревянной трапезной Благовѣщенской церкви. Между тѣмъ на монастырскомъ дворѣ воздвигалась новая каменная церковь во имя архангела Михаила. Дѣло шло медленно и эта церковь была окончательно достроена только въ 1749 году. Въ 1750 году указомъ Святѣйшаго Синода преосвященному Никодиму повелѣно было перенести мощи св. Макарія изъ Благовѣщенской трапезной церкви во вновь устроенную Михайловскую. Когда въ 1786 году Михайловскій монастырь былъ упраздненъ при введеніи штатовъ, то мощи св. Макарія были перенесены въ переяславскій Вознесенскій монастырь (Мазепинъ соборъ), гдѣ онѣ и нынѣ почиваютъ. Кромѣ церквей трапезной (Благовѣщенской) и соборной (Михайловской), монастырь успѣлъ построить у себя на погостѣ каменную колокольню въ связи съ двухэтажнымъ каменнымъ домомъ для братіи, въ которомъ основана была и третья еще въ монастырѣ, домовая церковь во имя св. Макарія, упраздненная одновременно съ монастыремъ [1]).

Въ лучшее время Михайловскаго монастыря братія его была довольно многочисленна. Въ 1722 году она состояла изъ слѣдующихъ 19-ти лицъ: 1) игуменъ Аполлоній; 2) намѣстникъ Манассія; 3) казначей Ѳеофилъ; 4) уставщикъ Іерофей; 5) Паи-

[1]) Свѣдѣнія заимствованы изъ рукописныхъ дѣлъ Михайловской церкви.

сій Дашковичъ, козакъ г. Лубенъ, псаломщикъ (перешелъ изъ нѣжинскаго монастыря); 6) Іоаннъ Юхневичъ, купецъ изъ г. Зенькова, клирошанинъ; 7) Афанасій Калѣховичъ, купецъ изъ г. Люблина, псаломщикъ; 8) Іоаннъ Величко, козакъ изъ м. Бѣлой Церкви, клирошанинъ; 9) Зосима Рыбаковъ, мѣщанинъ изъ с. Колковичей, палатный; 10) Авксентій Пухтевичъ, мѣщанинъ г. Тисминціи (?), послушникъ; 11) Гермогенъ Головань, козакъ г. Богодухова, клирошанинъ (перешелъ изъ ахтырскаго монастыря); 12) Савва Борисовъ, мѣщанинъ г. Переяслава, екклесіархъ; 13) Рафаилъ Романовъ, купецъ изъ г. Козельца, уставщикъ; 14) Іосифъ Богдановъ, козакъ г. Переяслава, экономъ; 15) Вавила Булавскій, мѣщанинъ г. Владиміра, клирошанинъ (перешелъ изъ полтавскаго монастыря); 17) Герасимъ Романовъ, мѣщанинъ изъ г. Минска, палатный (перешелъ изъ Кіево-Кирилловскаго монастыря); 18) Мисаилъ Блажевскій, мѣщанинъ г. Козельца, клирошанинъ; 19) Исаія Ложка (?), посполитый изъ с. Войтовецъ, поваръ.

За время своего непродолжительнаго существованія (1711—1786 гг.) переяславскій Михайловскій монастырь успѣлъ пріобрѣсти довольно значительныя земельныя владѣнія въ видѣ степковъ, нивъ, сѣножатей, гаевъ, млиновъ, а также пляцовъ и грунтовъ съ строеніями и живущими на нихъ посполитыми людьми, обязанными „чинить послушенство" монастырю. Владѣнія монастыря находились въ селахъ: Помокляхъ, Выползкахъ, Цыбляхъ, Городищѣ, Тамани и Пристромахъ переяславскаго уѣзда и въ селахъ: Нечипоровкѣ и Жоравкѣ пирятинскаго уѣзда. Имѣніе при с. Жоравкѣ составляло „фундушъ" монастырю отъ основателя его Захарія Корниловича, опредѣленный актомъ отъ 28 ноября 1714 года. Остальныя имѣнія перешли къ монастырю частью въ видѣ приношеній отъ разныхъ благочестивыхъ лицъ, частью путемъ покупки ихъ на средства монастыря"[1]).

Въ 1786 году Михайловскій монастырь былъ упразднен и всѣ имущества его поступили въ казну. Въ замѣнъ ихъ Ми-

---

[1]) За сообщеніе нѣкоторыхъ рукописныхъ данныхъ для исторіи Михайловскаго монастыря приношу искреннюю благодарность П. А. Левицкому.

хайловская церковь, по распоряженію кіевской казенной палаты 1795 года, получила отъ казны ругу вблизи г. Переяслава въ количествѣ 33 десятинъ. Домъ при колокольнѣ сталъ служить для разныхъ казенныхъ потребностей и одно время въ немъ помѣщалось переяславское уѣздное казначейство. Церкви Благовѣщенская и Макарьевская были вовсе упразднены, а Михайловская обращена въ приходскую съ наименованіемъ „Городскимъ соборомъ". Въ 1815 г. по дозволенію преосвященнаго Анатолія стѣны ея и потолокъ были расписаны иконами, а въ 1823 г. съ дозволенія преосвященнаго Меѳодія обветшавшій деревянный куполъ замѣненъ новымъ. Въ такомъ видѣ церковь существуетъ по настоящее время [1]). Съ 1864 года отъ нея перешелъ къ Успенской церкви и титулъ „Городскаго собора" [2]).

По нынѣшней терминологіи переяславскихъ жителей Михайловская церковь находится въ „крѣпости", такъ какъ она стоитъ внутри крѣпостнаго вала, насыпаннаго козаками и плѣнными шведами въ 1709 году. Теперь времена измѣнились: ничего напоминающаго о войнѣ не найдется въ нынѣшнемъ Переяславѣ; по крѣпостнымъ валамъ мирно блуждаютъ жидовскія козы; и только обломокъ пушки, валяющійся на „цвинтари" Михайловской церкви, напоминаетъ посѣтителю о давно минувшихъ грозныхъ временахъ.

Послѣ упраздненія Михайловскаго монастыря при соборной Михайловской церкви священствовали слѣдующія лица: 1) Ѳедоръ Вельготскій, 2) Артемій Ивановъ, 3) Александръ Лавренко, 4) Яковъ Насвѣтовъ, 5) Григорій Стефановскій, 6) Ѳедоръ Максимовичъ Дзюблевскій (1810—1830 гг.), 7) Михаилъ Фесенко (1830—1835 гг.), 8) Самсонъ Горуновичъ (1836—1848 гг.), 9) Павелъ Діомидовъ (1848—1864 гг.), 10) Николай Клепачевскій (1864 г.), 11) Ѳедоръ Акимовичъ (1864—1866 гг.), 12) Даніилъ Навроцкій (1866—1888 гг.) [3]). Въ настоящее время настоятелемъ церкви состоитъ о. Макарій Соховичъ.

---

[1]) См. ссылку на стр. 341.

[2]) См. указъ Святѣйшаго Синода отъ 2 ноября 1864 г.

[3]) См. ссылку на стр. 341.

Въ церковной библіотекѣ нѣтъ ничего интереснаго; въ церковномъ архивѣ метрическія книги и исповѣдныя росписи сохранились съ 1810 года. Говорятъ, что недавно еще въ церковномъ архивѣ хранились любопытные старинные синодики, но они взяты извѣстнымъ безцеремоннымъ собирателемъ старины г. Кибальчичемъ.

Исторія переяславской Покровской церкви гораздо менѣе интересна, чѣмъ исторія церкви Михайловской.

До 1704 года существовала въ г. Переяславѣ старая церковь во имя Покрова Божіей Матери, которая къ этому времени, очевидно, обветшала и требовала перестройки. Когда и кѣмъ основана была эта старая Покровская церковь, мы не знаемъ. Посвященіе ея имени св. Покрова какъ будто указываетъ на связь ея съ Запорожьемъ, гдѣ особенно почитался этотъ праздникъ, и можно указать много Покровскихъ церквей въ Малороссіи, основанныхъ бывшими запорожцами. Можетъ быть, какой-нибудь запорожецъ былъ „фундаторомъ" и старой переяславской Покровской церкви.

О постройкѣ новой Покровской церкви мы имѣемъ извѣстія хранящейся при церкви рукописной церковной лѣтописи. Болѣе любопытныя мѣста ея мы приводимъ здѣсь въ подлинникѣ.

1) „Року тысяча сѣмъ сотъ четвертого, мѣсеця февруарія 12 дня. По расказаню славетне урожоного его милости пана Іоана Мировича, полковника войска его царскаго пресвѣтлого Величества запорожского переяславского, изволеніемъ Божіимъ новоизбраннаго патрона и фундатора церкве Божественной, храму Честнаго Покрова Пресвятой Богородицы Переяславской, якая въ року теперешнемъ тысяча семь сотъ четвертомъ коштомъ и сумою его милости пана полковника мѣеться почати муровати, на розсмотреніе порядковъ церковныхъ за ктиторства Антона Котляра и измерщого недавно товариша его Грицка Пушкара, которіе черезъ пять лѣтъ ктиторовали, оразъ и на порахунокъ реестровъ ихъ пяторочныхъ, поневажъ рахуби не чинювали, первимъ разомъ его милость панъ Леонтій Панкевичъ, судія полковый переяславскій, и панъ Димитрій Сивѣцкій, войтъ переяславскій, въ дому церковномъ з парафѣянами засѣдали,

и того времени для непорядныхъ реестровъ ктиторскыхъ рахуби не укончили, бо Антунъ Котляръ жадныхъ прибильныхъ реестровъ, а нѣ куплѣ меду канунного не мѣлъ. Повторе и трете на ратуши засѣдали раховати его милость панъ Леонтій Потаповичъ, обозный полковый, его милость панъ Леонтій Панкевичъ, судія полковый, панъ Петро Максимовичъ, товаришъ значній войсковый, панъ Димитрій Сивѣцкій, войтъ переяславскій, зъ урядовыми своими и довелося на немъ долгу отъ товариша своего церковнихъ грошей позиченнимъ способомъ взятихъ тридцять копъ, якій долгъ и самъ Антунъ признать. А особливе з реестровъ канунныхъ на немъ-же Антону довелося долгу копъ 18, до которого долгу не признавалъся. Прето наказано ему было тіе осмънадцять копъ отприсягнуть, яко не пожитковалъ ними и не знаетъ о нихъ, на що южъ Антунъ изволилъся былъ. Потомъ уважилъ судъ обополный осмъ копъ опустити ему, не трусячи его сумленьемъ, а десять копъ до позиченихъ тридцяти копъ на виполненіе ста золотихъ казали положити, на що доброволне Антунъ позволившися, далъ на себе священнику Покрувскому отцу Васелію Ржепѣцкому и ктиторамъ новообранимъ Михайлу Камѣннику и Ивану Семивовку урядовій облѣкъ, ассекуруючися безъ жадной сперски, змаги и отмови въ семъ же року тысяча сѣмъ сотъ четвертомъ о десятусѣ пятьдесятъ золотихъ отдати, а другіе пятьдесятъ золотихъ о Покровѣ святой. А особливе здалъ долгу прибили канунной у Левка и Карпа канунниковъ золотихъ вусмъдесятъ без полталяра, у Юрчихи за медъ золотихъ сѣмъ, у Снѣжового золотихъ десять, у Семена Мокійченка золотихъ пять, готовими грошми полсеманадцять золотого, червоныхъ давнихъ три, сигнѣтъ щирозлотній, которому цѣна талярей два; якіе долги церковніе отъ Антуна принявши поданые суть новимъ ктиторамъ Михайлу Каменнику и Ивану Семивовку, которіе повинни будуть тые долги посправляти и за тіе грощи прибиль церкви Божой чинити. Що про память въ потомные часы и записати велѣлисмо“.

2) „За вѣдомомъ ен милости пани Мировичевой Пелагіи Голубовны, полковниковой переяславской, фундаторки Покрова Пресвятой Богородицы, по принесеніи образовъ и всякихъ ве-

щей и украшеній церковныхъ зъ церкви старой въ новую въ року 1709 мѣсецЯ септеврія 30 передъ праздникомъ Покрова Пресвятой Богородицы, якъ мали церковь посвящовати, у первое расмотряли и зличовали оные ктитори и парафѣяпе покровскіе много чого естъ въ року теперешнемъ 1711 мѣсеця марта 1 дня".

Изъ этихъ двухъ записей ясно, что теперешняя каменная Покровская церковь въ г. Переяславѣ выстроена въ промежутокъ времени съ 1704 по 1709 годъ на средства переяславскаго полковника Ивана Ивановича Мировича и жены его Пелагіи Захарьевны Мировичевой изъ дома Голубовъ. Пока Мировичъ былъ дома, онъ самъ наблюдалъ за постройкой церкви, но когда въ 1706 г. обстоятельства великой сѣверной войны увлекли его изъ роднаго Переяслава сначала на поля Бѣлоруссіи, а затѣмъ въ Швецію, то жена его одна оканчивала начатую постройку и заботилась о снабженіи вновь выстроенной церкви всѣмъ необходимымъ. Въ описяхъ церковнаго имущества 1711 и 1719 гг. при многихъ вещахъ упомянуто, что онѣ „наданы зъ двору панѣ Мировичовой".

Такъ какъ вслѣдствіе указа Петра Великаго отъ 8 апрѣля 1712 года на имя гетмана Скоропадскаго вся семья Мировичей за приверженность къ Мазепѣ одного изъ сыновей Ивана Ивановича и Пелагіи Захарьевны Мировичей генеральнаго бунчучнаго Θедора Ивановича Мировича была выслана сначала въ Москву, а затѣмъ въ Тобольскъ, откуда Пелагія Захарьевна возвратилась на родину только въ 1745 г. по силѣ всемилостивѣйшаго манифеста императрицы Елисаветы Петровны отъ 15 декабря 1741 года [1]), то заботы о созданной родителями церкви приняла на себя въ это время дочь ихъ Θеодора Ивановна, вышедшая замужъ за генеральнаго бунчучнаго Якова Лизогуба. Подъ 1726 годомъ въ церковной лѣтописи, между прочимъ, записано: „1726 года октоврія 9 ей милость панѣ Θеодора Мировичовна бунчучна енеральная Іаковина Лизогубиная падала до

---

[1]) Подробности о ссылкѣ Мировичей см. у Костомарова. Мазепа и Мазепинцы. Изд. 2-е 1885 г., стр. 647, 649—51 и особенно 689—700.

церкви нашой Покрова Пресвятыя Богородицы Переяславской аперата червоніе аксамитніе зъ зеленою злотоглавною каміею и епитрахелъ аксамѣтни, воздухъ зелений злотоглавний великій еденъ".

Кромѣ самой Θеодоры Ивановны, нужды Покровской церкви близко принимали къ сердцу мужъ ея Яковъ и сынъ ея Григорій Яковлевичъ Лизогубы.

Подъ 1739 г. въ лѣтописи записано слѣдующее: „По представленію отъ настоятеля церкви Покровской переяславской Александра Бахчевскаго и отъ прихожанъ тоя церкви къ господину обозному генеральному Якову Лизогубу въ Сѣдневъ, что церковній прихожій бабинець розвалился изъ верху до низу и обѣ въ немъ склепенія обвалилися, да и прихожій церкви придѣлъ началъ колотися и цегла падати съ правой сторони отъ окна, онъ господинъ обозній по свойству, что тесть его панъ полковникъ бывшій переяславскій покойній Иванъ Мировичъ церковь коштомъ своимъ соорушилъ, на прошеніе священника и прихожанъ склонясь, для подчинки церковной приславъ сто рублей, которіе деньги по смерти настоятеля Александра Бахчевскаго порученни въ содержаніе тогдашнему ктитору Тихонію Крамару. А понеже безъ настоятеля подчинять церкви не начинано, то когда онъ господинъ обозній Яковъ Лизогубъ по указу всѣ малороссійскіи полки осматривалъ и тогда будучи самъ въ Переяславлѣ усмотрелъ персонално не малую порчъ и обветшалость церковную, 1741 года подрядилъ майстра муровщика Мойсея Кондратовича, тогда въ Переяславлѣ жіючого, подчинить прописанную оную порчъ церковную бабынецъ и придѣлъ и всю церковь изъ середины выбѣлить по уговору за сорокъ рублей, и особливо харчъ, на что ему муровщику отъ себе за подписомъ своей руки и при печати далъ контрактъ и приказалъ ктитору Тихонію, приспособившись, на другой годъ начати подчинять церковь и тѣ сто рублей прежде присланные употребить на церковную подчинку, обѣщаясь и напредки чинить вспомоществованіе. Яко онъ господинъ обозній Лизогубъ по смерти въ плѣнѣ тестя своего полковника Миро-

вича [1]) и иконостасъ новій въ церковь Покровскую спорядилъ коштомъ своимъ и отъ дому своего зи Седнева байдакомъ до Переяславля припроводилъ. А книгу отъ его господина обозного данную, на что тѣ деньги сто рублей 1742 года при подчинкѣ церковной издержани, онъ ктиторъ Тихоній по приказу его обозного для показанія и для щоту самъ отвезъ въ Сѣдневъ".

Запись 1743 г. гласитъ: „Когда былъ зимою въ Переяславлѣ господина обозного енерального Якова Лизогуба сынъ Григорій и осмотрѣлъ церковную подчинку, а чего еще недокончено и надобно было подчинять, тогда другое сто рублей егожъ господина обозного денегъ на церковное строеніе далъ и емужъ ктитору Тихонію Крамару вручилъ, которіе сто рублей по смерти уже ктитора Тихонія (ибо онъ умеръ 1743 года іюля 1 числа) здержани".

Кромѣ Лизогубовъ, которые поддерживали Покровскую церковь по родству съ фундаторами ея Мировичами, еще очень многіе благочестивые люди находили удовлетвореніе своему религіозному чувству, дѣлая всевозможныя приношенія въ Покровскую церковь. Въ ея лѣтописи мы находимъ длинные списки церковныхъ вещей, какъ то: кіотовъ, иконъ и шатъ на нихъ съ разными привѣсками, коронками, табличками, ожерельями, монистами, ягнусками и ланцужками; оправъ на книги, ризъ, покрововъ, воздуховъ, поясовъ, хустокъ, стихарей, крестовъ, келиховъ, килимовъ, лихтарей, кадильницъ и пр., пожертвованныхъ въ церковь въ разное время разными лицами. Многія изъ этихъ вещей сохранились до настоящаго времени, но онѣ ни по рисункамъ, ни по отдѣлкѣ не представляютъ особаго интереса для церковной археологіи.

Единственное исключеніе представляла престольная икона Покрова Пр. Богородицы, о которой упоминаетъ и Шевченко

---

[1]) Переяславскій полковникъ Иванъ Ивановичъ Мировичъ былъ взятъ въ плѣнъ шведами въ 1706 г. въ м. Ляховичахъ въ Бѣлоруссіи (теперь слуцкаго уѣзда минской губерніи) и отправленъ вмѣстѣ съ другими военноплѣнными сначала въ Штеттинъ, а затѣмъ въ Стокгольмъ, гдѣ онъ и умеръ. См. Костомаровъ, Мазепа и Мазепинцы, 2 е изд. 1885, стр. 290—91.

въ приведенной выше замѣткѣ о Покровской церкви. Изъ описи церковнаго имущества 1711 года видно, что въ то время она находилась уже въ церкви. Объ этой иконѣ писалъ ненаучный, но извѣстный въ 40-хъ годахъ авторъ „Быта русскаго народа“ А. В. Терещенко. Замѣтка его объ иконѣ помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1865 годъ на стр. 318—322. Заимствуемъ изъ нея описаніе иконы: „Посвящая созидаемую церковь Покрову Божіей Матери, Мировичъ въ то же время поручилъ нарисовать запрестольный образъ Покрова, величиною около двухъ аршинъ, и на немъ представлены, по его желанію, государь Петръ I и государыня Екатерина I въ царской одеждѣ. Государь со скипетромъ и державою; подлѣ—гетманъ Мазепа въ своей гетманской одеждѣ; близь государыни—придворныя дамы въ придворномъ нарядѣ; въ сторонѣ козаки въ ихъ народной одеждѣ; напротивъ императора славный Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ полномъ архіерейскомъ облаченіи; около него—священство. Надъ всѣми ими на облакахъ Покровъ Божіей Матери, явившійся въ Греціи въ X вѣкѣ. Образъ Покрова замѣчателенъ изображеніями лицъ и художественною кистью; государь и государыня довольно похожи (сравнительно, конечно, съ признаваемыми наиболѣе близкими къ натурѣ экземплярами ихъ иконографіи), только государь сдѣланъ моложавымъ; Мазепа и Ѳеофанъ Прокоповичъ болѣе всего похожи. Другія особы, какъ то: дамы, козаки и духовенство, неизвѣстны, кто они именно. Строитель храма также нарисованъ здѣсь и, какъ должно думать, онъ тотъ самый, который стоитъ подлѣ гетмана. Живопись вездѣ прекрасная и надобно удивляться, что по тогдашнему состоянію изящнаго искусства въ Малороссіи соблюдена отчетливая отдѣлка въ современныхъ нарядахъ, въ правильной разстановкѣ всей группы, а главное достоинство—превосходныя изображенія лицъ, переданныя вѣрно и живо“ [1]).

Икона весьма сходная съ иконою Покровской церкви и даже, можетъ быть, представляющая только копію съ нея,—находится въ Покровской церкви с. Сулимовки переяславскаго уѣзда. Сю-

[1]) См. Рус. Архивъ, 1865 г., стр. 320—21.

жетъ этой иконы не можетъ удивлять насъ. Изображеніе не только святыхъ, но и современныхъ лицъ въ церковной живописи было очень распространено въ старой Малороссіи и портреты епископовъ, фундаторовъ храма и другихъ почетныхъ лицъ часто украшали собою церковныя стѣны. Въ той же переяславской Покровской церкви былъ нарисованъ на стѣнѣ замазанный теперь портретъ преосвященнаго Арсенія Берла.

Съ 1704 по 1837 годъ при Покровской церкви священствовали слѣдующія лица: 1) Василій Ржепѣцкій, 2) Александръ Бахчевскій († 1740 г.), 3) Павелъ Скрипчинскій (1741—1772 гг.), 4) Іоаннъ Савинскій (1772—1808 гг.), 5) Василій Павловскій (1809—1826 гг.), 6) Скакуновъ, 7) Снисаровскій, 8) Рекало, 9) Кадьяновъ, 10) Козачковскій, 11) Горуновичъ, 12) Базилевскій, 13) Михайловскій, 14) Романовскій (всѣ эти священники оставались при Покровской церкви короткое время), 15) Даніилъ Бутовскій (съ 11 ноября 1837 г.). О священникахъ позднѣйшаго времени мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

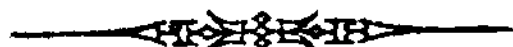
Внѣшній видъ церкви со временъ Мировича измѣнился мало, такъ какъ она не подвергалась капитальнымъ перестройкамъ: передѣлывались только куполы, обвалившіеся послѣ пожара 27 апрѣля 1809 года, да разобрана въ 1837 г. старая каменная колокольня, замѣненная деревянной, пристроенной къ западному притвору церкви. Въ настоящее время деревянная колокольня не существуетъ, а новая каменная выстроена уже отдѣльно отъ церкви и отличается поразительно тяжелой и безвкусной архитектурой. Входы въ тайники, устроенные въ стѣнахъ надъ сѣверными и южными дверьми для спрята церковнаго имущества въ случаѣ нападенія непріятеля, завалены теперь обрушившимися кирпичами и въ нихъ трудно проникнуть.

Въ библіотекѣ и въ архивѣ нѣтъ ничего любопытнаго, кромѣ церковной лѣтописи, начатой въ 1704 и прерванной въ 1849 году и изъ которой взяты приведенныя выше выписки.

Съ Покровской церковью связаны нѣкоторыя преданія, а именно: будто куполы на церкви оттого такъ миніатюрны по сравненію съ ея корпусомъ, что Мазепа запретилъ Мировичу

оканчивать церковь по первоначально задуманному плану, боясь, какъ бы она не перещеголяла красотой его Вознесенскаго собора; будто конь Мазепы упалъ передъ Покровской церковью, когда Мазепа уѣзжалъ изъ Переяслава въ послѣднiй разъ передъ полтавскою битвою, и это было истолковано народомъ, какъ дурное предзнаменованiе; будто изъ очей чудотворной иконы Божiей Матери капнула слеза, когда Мазепа молился передъ нею, испугавшись случая съ конемъ; но эти преданiя относятся къ области поэтическаго народнаго творчества и поэтому разсмотрѣнiе ихъ не входитъ въ нашу задачу.

А. Стороженко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. И. Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. Историко-топографическій очеркъ. Спб. 1890 г.

Новая книга г. Эварницкаго представляетъ собою до нельзя кропотливый сводъ свѣдѣній по топографіи земель, прежде входившихъ въ составъ запорожскихъ вольностей: о границахъ послѣднихъ, о рѣкахъ, начиная Днѣпромъ и кончая мельчайшими ручьями, о порогахъ и заборахъ на Днѣпрѣ и Бугѣ, о камняхъ, островахъ, плавняхъ и холуяхъ на Днѣпрѣ, объ озерахъ, гирлахъ, лиманахъ, прогнояхъ и болотахъ, о балкахъ, оврагахъ и байракахъ, о старинныхъ шляхахъ, рѣчныхъ переправахъ и бродахъ, о лѣсахъ, наконецъ, о производительности земли, климатѣ, растительномъ и животномъ царствѣ. Въ приложеніи находимъ замѣтку екатеринославскаго землевладѣльца И. Д. Яковлева о томъ, гдѣ искать Желтыя Воды, сверхъ того: матеріалы для исторіи запорожскихъ козаковъ, извлеченные изъ частныхъ архивовъ, наконецъ, двѣ карты: Риччи Заннони и Ивана Исленьева и планъ Екатеринослава. И если подумать себѣ, что каждый притокъ Днѣпра, каждая забора или скала, находящаяся на немъ, выслѣживаются по всѣмъ извѣстнымъ автору источникамъ, показанія которыхъ сопоставляются между собою, то трудолюбіе автора останется внѣ всякаго сомнѣнія. Но окупится ли такой египетскій трудъ пользою, какую можетъ оказать настоящая книга, это—другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что предпріятіе задумано г. Эварницкимъ черезъ-чуръ широко; въ частности, напр., слѣдовало бы выпустить извѣстія Геродота о Скиѳіи, которыя выходятъ далеко за рамки запорожскихъ вольностей. Настоящій трудъ г. Эварницкаго не новъ, такъ какъ авторъ раньше посвящалъ топографіи Запорожья статьи въ «Кіевской Старинѣ» и въ мѣстныхъ газетахъ, а въ недав-

нее время двухтомное сочиненіе «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа». Лежащій нынѣ передъ нами новый его трудъ представляетъ собою болѣе систематическую переработку «Запорожья»; уступая послѣднему въ полнотѣ, легкости и разнообразіи изложенія, онъ превосходитъ его въ степени обработки, хотя, къ сожалѣнію, также не свободенъ отъ недосмотровъ, промаховъ и неточностей.

Во первыхъ, мы замѣтили нѣкоторыя уклоненія отъ плана. Такъ, въ перечисленіи островов на Днѣпрѣ, дойдя до Хортицы и упомянувъ о бывшей на ней сѣчи, авторъ не удержался и началъ перечислять и другія сѣчи, хотя онѣ и не имѣли отношенія къ островамъ, т. е. находились на берегахъ рѣки. При обозрѣніи рѣкъ преждевременно было указывать, въ какихъ рѣкахъ какая ловилась рыба, такъ какъ фаунѣ посвящена особая глава, послѣдняя въ книгѣ. Не поставимъ въ вину автору, что онъ спасовалъ передъ исчисленіемъ степныхъ безчисленныхъ балокъ, хотя и нашелъ возможнымъ перечислить рѣчки, камни на Днѣпрѣ и пр., но въ этомъ тоже сказалась невыдержанность плана.

Далѣе методъ автора не вполнѣ удовлетворителенъ: онъ сопоставляетъ показанія источниковъ разновременныхъ и трудно совмѣстимыхъ, начиная Геродотомъ и кончая источниками XVIII в., нерѣдко игнорируя и перепутывая эпохи и свойственныя каждой изъ нихъ географическія названія. Такъ, при Константинѣ Великомъ на Днѣпрѣ оказывается крѣпость Александровская (стр. 41); въ настоящее время, согласно г. Эварницкому, Бугъ течетъ близъ Екатерининскаго шанца (названіе прошлаго столѣтія) (стр. 131), Журавка впадаетъ въ Синюху противъ польскаго города Семлека, Тарговица противъ польскаго города Тарговицы, Мертвоводъ—подъ Соколами (стр. 137), Ингулъ течетъ чрезъ елисаветградскую провинцію, мимо крѣпости св. Елисаветы, гдѣ «въ лѣтнее время онъ почти не виденъ» и гдѣ для пѣшеходовъ кладутъ черезъ него доску (стр. 139); въ Черномъ лѣсѣ и Чутѣ *водятся* волки, лисицы, зайцы, дикіе кабаны, дикія козы (стр. 250).

Въ связи съ этимъ, слѣдуетъ пожелать, чтобы авторъ освободился отъ излишняго пристрастія къ чужимъ словамъ и къ библіографіи. Онъ безъ нужды держится обыкновенія перечислять послѣдовательно мнѣнія, высказанныя когда либо и гдѣ либо по каждому затрогиваемому въ книгѣ вопросу, хотя бы между ними не было никакой взаимной связи и хотя бы дѣло нисколько отъ этого не выигрывало. Напр., нужно г. Эварницкому сказать, сколько есть островов

на Днѣпрѣ, и г. Эварницкій, вмѣсто того, чтобы отвѣтить кратко на этотъ вопросъ, начинаетъ съ Адама: Лассота считаетъ столько то, Бопланъ столько то и пр., и пр. Приэтомъ, обыкновенно, мнѣнія писателей сами по себѣ, а заключеніе автора—само по себѣ, т. е. мнѣнія эти онъ анализу не подвергаетъ. Иногда чужіе отзывы выписываются цѣлыми страницами, какъ напр. въ главѣ о климатѣ и произведеніяхъ, хотя всѣ они между собою схожи. Не лучше ли было бы сдѣлать изъ нихъ свой собственный очеркъ, вмѣсто того, чтобы чужими руками жаръ загребать?

Въ частности, посовѣтуемъ автору осторожнѣе довѣряться картѣ Риччи Заннони, для того, чтобы избѣжать повторенія его ошибокъ; такъ, на стр. 230 г. Эварницкій, слѣдуя Риччи Заннони, неправильно называетъ правыми притоками Ингула рр. Костоватую и Бобринецъ.

На ряду съ недостаткомъ критическаго отношенія къ источникамъ, авторъ нашъ обнаруживаетъ необъяснимую торопливость и необдуманность, которыя также очень часто вредятъ достоинству книги. Чѣмъ инымъ можно объяснить такія заявленія автора, что, напр. крѣпость св. Елисаветы получила названіе *отъ имени императрицы* Елисаветы (стр. 14); что вслѣдъ за сербами, выведенными въ Россію Хорватомъ, пришли *задунайскіе славяне* съ Ив. Шевичемъ и Р. де Прерадовичемъ во главѣ (стр. 14), тогда какъ на дѣлѣ и они, подобно Хорвату, пришли изъ Австро-Венгріи;—что р. Ингулъ начинается выше м. Цыбулева, *теперь* деревни Ѳедоровки или Бровковой (стр. 139), между тѣмъ какъ это два особыя поселенія; что на степи, вдоль склоновъ Княжихъ Байраковъ въ курганахъ *безъ сомнѣнія* тлѣютъ кости сраженныхъ въ бою противниковъ (214)? Чѣмъ, кромѣ поспѣшности, объясняются неточныя цитаты, вродѣ ссылки на Лассоту въ подкрѣпленіе невѣрнаго заявленія, что «Дикимъ полемъ» называлась степь отъ середины р. Суры до середины р. Домоткани (248), или ссылки на карту елисаветградской провинціи на стр. 123, или, наконецъ, примѣчаніе 3-е на стр. 250 о томъ, что архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій святилъ гайдамацкіе ножи, что давно уже отвергнуто въ наукѣ?—или подтвержденіе показанія Боплана ссылкой на г. Русова (стр. 287?).

Слабымъ мѣстомъ въ настоящемъ трудѣ мы считаемъ и постоянныя экскурсіи въ сомнительную область словопроизводства. Г. Эварницкій считаетъ «болѣе основательнымъ и болѣе вѣроятнымъ» мнѣніе, что слово Борисѳенъ происходитъ отъ корня *берестъ* (стр. 25),

говоритъ о широкой распространенности слова Самара, не забывая даже палестинской Самаріи (стр. 146) и пр., и пр.

Наконецъ, укажемъ нѣкоторые промахи и недочеты по части формы изложенія. Слѣдовало бы избѣжать употребленія различныхъ мѣръ разстоянія (мили и версты) на двухъ послѣдовательныхъ строчкахъ (стр. 34) и такихъ—приблизительныхъ до курьеза—опредѣленій мѣста, какое находимъ на стр. 115 («близь Мексики въ Америкѣ»); такихъ неясныхъ выраженій какъ на стр. 117: « ... большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрыт*ыхъ* лѣсною растительностію *и оттого* ежегодно размываемыхъ водою», или на стр. 270: «въ XVII в., по словамъ Боплана, въ рѣкахъ и озерахъ запорожскаго края водилось множество рыбы и раковъ, каковы: Пселскій и Ворскальскій Омельники, Орель, Самоткань» и пр.; неловкихъ выраженій, какъ «трава, замурованная снѣгомъ» (стр. 244) и небрежныхъ цитатъ, какъ на стр. 297: «Мемуары бар. де Тотта о туркахъ и татарахъ, *въ описаніи* Украины Боплана, 159», которая невѣдущаго можетъ ввести въ курьезное заблужденіе, что мемуары бар. Тотта *помѣщены* въ «Описаніи» Боплана.

Документы, напечатанные въ приложеніи къ книгѣ, не имѣютъ къ ней прямаго отношенія, ибо топографіи запорожскихъ вольностей почти не касаются вовсе. Значительная доля ихъ имѣетъ отношеніе къ предсмертной борьбѣ Запорожья съ сосѣдями на сѣверо-восточной окраинѣ, и эта часть не лишена интереса; но много и такихъ, которые должны быть причислены къ категоріи бумажнаго хлама и издаются совсѣмъ понапрасну, каковъ, напр., № 1: «Жалоба пана Кущинскаго пану Василію Тимоѳѣевичу, писаревѣ городовому полтавскому, на портнаго Булавку за дурно сдѣланный кафтанъ», не имѣющая ни малѣйшаго отношенія къ Запорожью, или № IV: «Росписка тульскаго мастера Ананьева о полученіи имъ денегъ (7 рублей) съ запорожскаго атамана Петра Корсунскаго», или № XVIII: «Извѣщеніе о полученныхъ въ Сичи рогатомъ скотѣ», какъ слишкомъ мелочнаго и частнаго характера. Къ такимъ же слѣдуетъ причислить и слѣдующіе №№: II, III, VI, VII, VIII, IX, XIX, XXIII, XXIV, XXVIII, XXIX, XXX, XXXII, XXXIII, XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL, XLI, XLII, XLIV, XLV, XLVI, XLVII, XLVIII, XLIX, L, LI, LII, LIV, LV, LVII, LVIII.

За алфавитный указатель главнѣйшихъ (почему только главнѣйшихъ?) собственныхъ именъ и за карты Риччи Заннони и Исленьева,

прекрасно изданные, можно поблагодарить г. Эварницкаго. Планъ Екатеринослава къ настоящему труду не имѣетъ отношенія и могъ бы быть изданъ въ своемъ мѣстѣ, болѣе подходящемъ.

В. Ястребовъ.

Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. Свящ. Г. И. Сорокина. Изданіе херсонской губернской земской управы. Стр. II+65.

Въ 1889 году «Сборникъ херсон. земства» обратился къ читателямъ съ просьбой содѣйствовать изученію народной жизни и напечаталъ программу для этнографическаго описанія херсонской губ. Откликомъ на такой призывъ явилась брошюра, заглавіе которой мы только что выписали.

Прочли мы ее съ большимъ удовольствіемъ и пользой. Авторъ, священникъ, слѣдовательно, человѣкъ постоянно живущій въ народной средѣ, располагающій и временемъ, и возможностью ближе ознакомиться съ деталями народной жизни,—даетъ любопытную картину ея въ одномъ изъ населеннѣйшихъ центровъ херсонской губ.

Въ рецензіи трудно исчерпать то богатство свѣдѣній, которое сообщаетъ брошюра. Читатель найдетъ здѣсь топографическія, историческія и этнографическія свѣдѣнія, свѣдѣнія о грамотности, народонаселеніи, сельскомъ хозяйствѣ, платежахъ, промыслахъ, о тяжеломъ кредитѣ для бѣднаго люда и пр., и все это разработано болѣе или менѣе детально, на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ, которымъ можно довѣриться. Авторъ въ этомъ отношеніи остороженъ (стр. 59).

Мѣстечко Дмитровка представляетъ большой интересъ для наблюдателя. Время основанія ея неизвѣстно, хотя есть указанія, что въ началѣ XVIII в. она уже существовала. Новая жизнь для нея наступила только въ концѣ XVIII в., когда на югѣ насаждалъ культуру Потемкинъ-Таврическій; затѣмъ пришлось пережить времена печальной памяти аракчеевскихъ военныхъ поселеній, этого, по остроумному замѣчанію нашего автора, великаго переселенія, когда цѣлыя вполнѣ устроенныя деревни безъ какой либо видимой надобности перегонялись съ мѣста на мѣсто.

Населеніе Дмитровки, возникшей въ степи, пришлое. Въ настоящее время главный контингентъ его составляютъ двѣ большія группы—великороссы и малороссы. Поселились они давно здѣсь,

лѣтъ 150, но живутъ совершенно отдѣльно, не смѣшиваясь и чуждаясь другъ друга. Они говоритъ о. Сорокинъ, разнятся въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ и костюмахъ. Принадлежа къ одному обществу и бывая въ одной церкви, малороссы и великороссы не имѣютъ другъ на друга почти никакого вліянія и не стараются даже по хозяйственной части перенимать одни у другихъ. Если случается, что сельскій староста и волостной старшина выбраны изъ малороссовъ, то послѣдніе пользуются защитой и покровительствомъ, а преслѣдуются великороссы, и наоборотъ, когда же одинъ изъ нихъ малороссъ, а другой великороссъ, то и они враждуютъ между собой и каждый защищаетъ своихъ. Малороссы и великороссы несближаются: они не женятся между собой, даже не идутъ въ кумовья одинъ къ другому (стр. 5—6).

Взаимное отчужденіе между ними до того велико, что замѣчается стремленіе порвать связи тамъ, гдѣ онѣ установлены и поддерживаются оффиціальнымъ путемъ. «Въ 1888 г. малороссы составили приговоръ о необходимости раздѣла земли на двѣ части малороссійскую и великороссійскую, подали этотъ приговоръ въ крестьянское присутствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ просили, чтобы образовать для малороссовъ и великороссовъ отдѣльныя сельскія правленія, но присутствіе отказало, такъ какъ подписали приговоръ одни малороссы. Великороссы такого раздѣленія не желаютъ, и если назначается сходъ для рѣшенія этого вопроса, то ни одинъ великороссъ не является. Въ 1888 году малороссамъ удалось отдѣлиться *толо́кой*, на которую не имѣетъ права гнать лошадей на пастьбу ни одинъ великороссъ» (стр. 35).

Большую стойкость въ сохраненіи своей самобытности авторъ подмѣтилъ у малороссовъ. «Книжный языкъ въ школѣ, а тѣмъ болѣе внѣ ея плохо усваивается. Несмотря на то, что ужь нѣсколько поколѣній родилось, выросло и умерло, каждый держится своего. Замѣтно вообще, что великороссы болѣе усваиваютъ малороссійскія слова въ разговорѣ, чѣмъ наоборотъ... Малороссы ни одного слова великороссійскаго не употребляютъ, развѣ когда въ ссорѣ возлѣ расправы дразнятъ ихъ» (стр. 22).

При такой обособленности и стремленіи къ ней и великороссовъ и малороссовъ естественно, кажется, было произвести наблюденія надъ ними порознь. Такое сопоставленіе было бы въ высшей степени любопытнымъ: мы ясно видѣли бы, въ чемъ разнится ихъ міровоззрѣніе, образъ и складъ жизни и т. д.

Какъ скоро двѣ общественныя группы, болѣе 150 лѣтъ живущія рядомъ, слѣдовательно, успѣвшія воспитать нѣсколько поколѣній при одинаковыхъ *физическихъ* условіяхъ, сохраняютъ свои національныя особенности, не поддаются вліянію другъ друга,—значитъ, слишкомъ велика пропасть между ихъ умственнымъ складомъ, ихъ міровоззрѣніями, складомъ всей ихъ жизни, происхожденіе которыхъ коренится въ далекомъ прошломъ того и другаго народа.

Къ сожалѣнію, авторъ разбираемой нами брошюры не всегда имѣлъ это въ виду. Сдѣлавъ наблюденія порознь въ сферѣ семейныхъ отношеній обѣихъ группъ, онъ въ другихъ случаяхъ сваливаетъ ихъ въ кучу. Трудно бываетъ разобрать, о комъ онъ говоритъ; возможны только догадки, благодаря случайно названнымъ именамъ, но всегда ли онѣ будутъ справедливы? Говоря, напр., о постройкахъ, авторъ приводитъ, какъ намъ кажется, планъ великороссійскаго двора; сравнивая богатаго, зажиточнаго, недостаточнаго и бѣднаго крестьянина, авторъ беретъ малоросса (Тихонъ Чепуръ?) и трехъ великороссовъ и т. д. Вообще нужно сказать, въ статистической части своего труда о. Сорокинъ почему то на первый планъ выдвинулъ великоросса, заслонивъ имъ совершенно малоросса. Мы искренно сожалѣемъ о такой несправедливости.

Сравненіе семейныхъ отношеній дмитровскихъ жителей дало возможность автору подмѣтить любопытную черту, характеризующую великороссійское и малорусское племя. Малороссы не знаютъ большой семьи; стремленіе къ самостоятельной, независимой жизни у нихъ до того сильно развито, что женатый малороссъ, при первой же возможности, покидаетъ семью и становится на свое собственное хозяйство. Два женатыхъ сына не уживаются въ семьѣ; главной виною являются невѣстки. Конечно, не отъ сварливости малорусскаго прекраснаго пола зависитъ это, а отъ того, кажется намъ, болѣе или менѣе самостоятельнаго положенія, которое занимаетъ женщина въ малорусской семьѣ. Здѣсь она не «вѣковѣчная работница», а полная, независимая хозяйка, имѣющая право самостоятельно распоряжаться своимъ добромъ. «Женинаго хозяйства, говоритъ о. Сорокинъ, мужъ не касается; мать на свои средства покупаетъ дочерямъ къ праздникамъ обновки и готовитъ приданое»: она имѣетъ «свои неприкосновенныя деньги отъ продажи яицъ, куръ, молока, масла, полотна, огородныхъ овощей и другихъ предметовъ женскаго хозяйства» (стр. 10). Понятно, трудно ужиться тамъ, гдѣ на одномъ хозяйствѣ сидятъ нѣсколько самостоятельныхъ хозяекъ...

Характеръ великорусской семьи совсѣмъ иной; основанъ онъ на подчиненіи, на сведеніи къ нулю личности въ общемъ организмѣ семейнаго хозяйства. «Мужъ вполнѣ глава жены, она ему покоряется раболѣпно, а самъ онъ покоряется отцу, матери и безъ ихъ разрѣшенія ничего не можетъ сдѣлать,—хотя бы такому сыну было около 40 лѣтъ, онъ всегда въ глазахъ отца *«малый»*. Здѣсь бываютъ семьи и душъ по 20 (стр. 10).

Мы не станемъ останавливаться на обычаяхъ дмитровскихъ жителей. Интересующійся найдетъ въ трудѣ о. Сорокина много любопытнаго въ этомъ отношеніи для характеристики народной жизни: описаніе свадьбы, крестинъ, воскреснаго дня у дмитровцевъ. Отмѣтимъ только печальный фактъ—проникновеніе въ среду дмитровскихъ крестьянъ картежной игры на деньги. «Трудно сказать, говоритъ о. Сорокинъ, кто азартнѣе и чаще играетъ, малороссы или великороссы. Кажется, одинаково. Но какъ тѣ, такъ и другіе играютъ только *въ своихъ компаніяхъ*; правда, что между великороссами парней играетъ больше, чѣмъ у малороссовъ. Послѣдніе предпочитаютъ гулять съ *«дивчатами»*; великороссы же съ дѣвками на улицѣ мало гуляютъ» (стр. 18).

Въ заключеніе нельзя не указать на интересный и славный обычай, практикуемый какъ дмитровскими малороссами, такъ и великороссами—обычай *побратимства и посестримства*. Побратимство бываетъ преимущественно между такими лицами, которыя не имѣютъ родныхъ братьевъ и сестеръ и заключается, главнымъ образомъ, на второй день Пасхи. Послѣ извѣстныхъ религіозныхъ и житейскихъ церемоній, въ присутствіи ближайшихъ родственниковъ и сосѣдей, «между побратавшимися устанавливаются самыя близкія отношенія: во всѣхъ семейныхъ случаяхъ—печальныхъ и радостныхъ—мужья и жены побратавшихся или посестрившихся принимаютъ самое горячее участіе; если заболѣетъ изъ нихъ кто-нибудь, то заботятся одинъ о другомъ; при случаяхъ сватовства сына или дочери, побратавшіеся безъ совмѣстнаго совѣта и согласія сами не рѣшаются женить сына или выдать дочь. Въ матеріальныхъ затрудненіяхъ побратимы взаимно помогаютъ и притомъ безъ всякихъ счетовъ; но болѣе нуждающійся старается, чтобы не вышло съ его стороны въ этомъ отношеніи злоупотребленія». Побратавшіеся считаютъ себя такими близкими родственниками, что не допускаютъ браковъ между собою и своими дѣтьми (стр. 19).

Мы обратили вниманіе на одну сторону труда о. Сорокина, на этнографическія свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, и, конечно, ихъ далеко

не исчерпали. Живой интересъ, который представляетъ брошюра, заставляетъ искренно желать, чтобы она вызвала подражанія и не въ одной только херсонской губ. Дѣло изученія народа будетъ тогда идти успѣшно, если люди, по своему положенію, имѣющіе возможность близко наблюдать народную жизнь, будутъ оказывать посильное содѣйствіе этому изученію. Какъ велико и какъ полезно можетъ быть это содѣйствіе, показываетъ разобранная нами брошюра о. Сорокина. Позволимъ отмѣтить еще одну особенность ея—объективность и трезвое отношеніе къ фактамъ. Читая брошюру, не замѣтишь, что она написана лицомъ духовнымъ. Явленіе, какъ извѣстно, рѣдкое, хотя и въ высшей степени желательное: только при такомъ отношеніи къ дѣлу можно оказывать содѣйствіе наукѣ...

Н. В.

Полницкій А. Историческая записка объ открытіи елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. 124 стр. Одесса. 1890 г.

Содержаніе этой записки довольно однообразно и скучно, какъ скучна, лѣнива и неподвижна была сама тогдашняя жизнь уѣзднаго общества, давшая матеріалъ для названной книжки. Рѣчь идетъ объ открытіи въ 1820 г. 1 сентября въ г. Елисаветградѣ 2 духовныхъ училищъ: уѣзднаго и приходскаго послѣ трехлѣтней нескончаемой переписки и канцелярской волокиты. Дѣло въ томъ, что еще въ 1817 году былъ поднятъ архіепископомъ екатеринославскимъ Іовомъ вопросъ о подысканіи въ г. Елисаветградѣ подходящаго для училищъ дома и о пріисканіи въ этомъ городѣ лицъ, способныхъ занять должности ректора въ будущемъ уѣздномъ училищѣ и учителей въ семъ и приходскомъ училищахъ; но только благодаря тому, что вопросъ попалъ въ руки весьма достойнаго и энергичнаго любителя просвѣщенія въ лицѣ соборнаго елисаветградскаго протоіерея и первоприсутствующаго въ духовномъ правленіи о. Карпа Павловскаго, дѣло пошло на ладъ и благополучно было доведено до конца въ такой сравнительно непродолжительный, по тому времени, срокъ, какъ три года. Добрая половина книжки занята довольно незанимательнымъ разсказомъ, снабженнымъ весьма подробными числовыми данными, о тѣхъ злоключеніяхъ, какими сопровождался вопросъ объ открытіи училищъ съ матеріальной его стороны, и въ частности о томъ, какъ туго и неисправно, не взирая на всевозможныя давленія и даже угрозы со стороны высшей епархіальной власти, собирались пожертвованія,

«добровольно» обѣщанныя духовенствомъ 3 уѣздовъ: елисаветградскаго, ольгопольскаго и александрійскаго на пріобрѣтеніе для училищъ собственныхъ помѣщеній. Вторая половина книги занята разсказомъ о подборѣ учителей для училищъ новоназначеннымъ ректоромъ, или смотрителемъ ихъ протоіереемъ Павловскимъ, о самомъ открытіи училищъ ректоромъ екатеринославской семинаріи архимандритомъ и «богословіи учителемъ» Никифоромъ и наконецъ о привлеченіи въ училища священно-и-церковно служительскихъ дѣтей, что оказалось дѣломъ въ высшей степени хлопотливымъ и тяжелымъ, вслѣдствіе недостатка сочувствія въ самихъ родителяхъ. Достаточно сказать, что только *въ ноябрѣ* мѣсяцѣ кое какъ опредѣлился составъ учащихся—именно въ количествѣ 121, вмѣсто ожидавшихся 226—обстоятельство крайне характеристичное. Составъ преподавателей, насколько можно судить изъ представленныхъ въ книжкѣ скудныхъ данныхъ, былъ довольно удовлетворителенъ.

Изложена «записка» дѣльно и во всякомъ случаѣ составляетъ небезполезный вкладъ въ нашу учебно-историческую литературу.

А. Степовичъ.

Пинчуки, этнографическій сборникъ. Собралъ Д. Г. Булгаковскій. Спб. 1890 г. 200 стр. in 8°.

Это очень обстоятельно и старательно составленный сборникъ. Кромѣ значительнаго количества пѣсенъ (болѣе 250), пословицъ, загадокъ, повѣрій и пр., въ книгѣ есть и объяснительныя замѣчанія, касающіяся какъ содержанія пѣсенъ, такъ и ихъ языка въ звукословномъ и морфологическомъ отношеніяхъ и, хотя довольно безпритязательныя и краткія, но зачастую не лишенныя какъ общаго интереса, такъ даже и извѣстнаго научнаго значенія. Но болѣе всего, конечно, важенъ собранный матеріалъ, принадлежащій столь любопытной въ этнографическомъ отношеніи мѣстности, каково пинское полѣсье, это исконное мѣстопребываніе славянскаго племени, сохранившагося тамъ почти въ первобытной своей чистотѣ. Общеизвѣстно, что населеніе этого полѣсья, въ силу особенности своей природы, недоступности и проч., являлось, до самаго послѣдняго времени, какой то этнографическою, если можно такъ выразиться, окаменѣлостью, анахронизмомъ, обломкомъ XII—XIII вѣка, по какому то чуду уцѣлѣвшимъ въ XIX вѣкѣ.

Съ проведеніемъ полѣсской желѣзной дороги условія жизни пинскаго полѣсья начинаютъ быстро измѣняться, оно теряетъ свою неприступность; вотъ почему весьма важно заняться собраніемъ этнографическаго матеріала у пинчуковъ именно теперь, т. е. въ то время, когда жизнь и обстановка полѣсскаго населенія еще не успѣли потерять своихъ прастарыхъ особенностей. Съ этой точки зрѣнія заслуга г. Булгаковскаго является особенно осязательной...

Въ языкѣ пинчуковъ, кромѣ множества звукословныхъ и морфологическихъ чертъ, дѣлающихъ изъ него какое то промежуточное нарѣчіе между малорусскимъ и бѣлорусскимъ, есть и свои особенности, развитыя въ немъ, какъ ни въ одномъ изъ русскихъ нарѣчій и поднарѣчій. Таково, напр., господство звука *у* (рудный, т. е. родный, свуй, зулье т. е. зелье, вуѣхавъ т. е. выѣхалъ, черномурецъ; это слово встрѣчается напр. на стр. 82 въ пѣснѣ 34 любовн. «Три нидѣлюшки лежала, а четверту я не хочу...) и *ю* (принюсь, дрюбный, юмирати, ютко и пр.; таково опущеніе звуковъ: твэю вм. твоею, еробей, ладыко, озьми вм. воробей, владыко, возьми и пр.

Вслѣдствіе промежуточнаго положенія пинчуковъ между малоруссами и бѣлоруссами, въ употребленіи у нихъ имѣется, кромѣ самобытныхъ полѣсскихъ пѣсенъ, множество пѣсенъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, только подвергшихся нѣкоторому измѣненію въ языковомъ отношеніи и, вслѣдствіе этого, представляющихъ собою во всякомъ случаѣ любопытные изводы уже извѣстныхъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ.

Такимъ образомъ пинчуку извѣстны, напр., и «Гриць» («Ой не ходи Грыцю») и «Тыхо тыхо Дунай воду несе», и «Туманъ по долини, широкій лыстъ на калыни» и мног. другія пѣсни, столь распространенныя въ Малороссіи. Въ языковомъ отношеніи особенно любопытны пѣсни № 13 (61 стр.), № 8 (56 стр.), № 17 (73 стр.) и еще нѣкоторыя другія, представляющія замѣчательное смѣшеніе малорусскихъ и великорусско-бѣлорусскихъ элементовъ (напр. дѣвчинушка и дзѣвчинушка, дубровушка и хмары, шумити и покидаци, подыте, позовыте и нехай и пр.).

Должно очень пожалѣть, что къ сборнику не приложены *напѣвы*, что произошло, вѣроятно, отъ незнакомства или недостаточнаго знакомства собирателя съ музыкою. Вотъ почему важно, чтобы на Полѣсье проникъ и кто-нибудь изъ нашихъ музыкантовъ: жатва была бы обильная. Мы уже не говоримъ о томъ, что наши музыкальныя училища могли бы здѣсь очень пособить дѣлу, если бы не

сторонились жизни и не чуждались народности, односторонне увлекаясь лишь классическою или по крайней мѣрѣ композиторскою музыкою...

Просматривая приложенный къ книгѣ словарчикъ, мы замѣтили нѣсколько любопытныхъ особенностей, какъ кажется, принадлежащихъ исключительно Полѣсью и не встрѣчающихся въ другихъ русскихъ краяхъ. Таково, напр., слово «зчинальникъ» [собиратель неправильно пишетъ это слово: щинальникъ. Такимъ правописаніемъ окончательно затемняется словопроизводство въ этомъ словѣ, гдѣ з+√чин+ал—ьн—ик—ъ=буквально *начинатель*, начальникъ]. Этимъ выраженіемъ обозначается то понятіе, для котораго у великоруссовъ существуетъ названіе: запѣвало. Вотъ еще нѣсколько подобныхъ словъ: Оболонечка (=форточка, дверца), нэлося=досталось, случилось, нанайдлѣпшій=наилучшій, посагъ=приданое, повужичокъ=возница и мн. др. Въ концѣ концовъ мы должны признать, что изданіемъ разсмотрѣннаго нами труда русское географическое общество оказало не малую услугу русской наукѣ.

А. Степовичъ.

Памятная книжка конотопскаго земства 1865—1890 г. Кіевъ. 1890 г. 8 д. Стр. 144.

Въ 1890 году исполнилось 25 лѣтъ со времени введенія земскихъ учрежденій. Годъ этотъ не является однимъ только формальнымъ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ, но и заканчиваетъ собою особый періодъ дѣятельности земства, такъ какъ въ этомъ году изданъ законъ о коренномъ его преобразованіи.

Подведеніе итоговъ дѣятельности земства за этотъ періодъ является, поэтому, вполнѣ своевременнымъ. Это имѣло въ виду, кажется, и конотопское земство, издавая свою «Памятную книжку».

Благодаря простой и чрезвычайно удобной системѣ, принятой редакціей, читателю не трудно ознакомиться съ главными сторонами дѣятельности конотопскаго земства. Во второй, напр., главѣ «Земскіе доходы и расходы 1867—1889 г.» читатель имѣетъ предъ собой двѣ таблицы, и къ нимъ объяснительный текстъ, гдѣ дается объясненіе той или другой статьи дохода или расхода. Такая же система принята и въ «Историческомъ очеркѣ земской медицинѣ въ конотопскомъ уѣздѣ, 1864—1889 гг.» (3-я глава); въ 3-хъ таблицахъ заключаются свѣдѣнія о развитіи медицинской организаціи, о дѣятельности

больницъ и медиц. персонала, о затратахъ земства на медицину; подробности опять въ объяснительномъ текстѣ. По организаціи медицины конотопское земство занимаетъ, какъ извѣстно, одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Получивъ довольно скудное медицинское наслѣдство (стр. 48), земство съумѣло организовать такимъ образомъ медицинскую помощь, что въ настоящее время къ услугамъ населенія имѣются 6 врачей, 3 больницы и въ каждомъ селѣ фельдшеръ.

Для народнаго образованія земство сдѣлало также очень много. Къ сожалѣнію только въ конотоп. уѣздѣ не нашлось человѣка, который бы написалъ историческій очеркъ школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Изъ приложенной таблицы, заключающей въ себѣ свѣдѣнія за одинъ только 1889 г., мы видимъ, что до введенія земства существовало одно только училище въ м. Батуринѣ; теперь же только въ пяти, незначительныхъ по населенію, селахъ нѣтъ земскихъ или министерскихъ школъ. На народное образованіе большая часть расходовъ падаетъ на земство, часть платятъ сельскія общества; казна участвуетъ только въ содержаніи т. н. министерскихъ училищъ, которыхъ въ конот. уѣздѣ 7.

Кромѣ этихъ свѣдѣній интересующійся найдетъ въ «Памятной книжкѣ» свѣдѣнія о распредѣленіи землевладѣнія (гл. 5), о лицахъ, владѣющихъ въ конот. уѣздѣ свыше 200 дес. (гл. 6); списокъ гласныхъ за истекшее двадцатипятилѣтіе (гл. 1). Разсматривая послѣдній, мы замѣтили, что крестьяне и козаки рѣдко бываютъ гласными нѣсколько трехлѣтій. Мы не знаемъ, чѣмъ объяснить это: не вліяетъ ли здѣсь общественное положеніе лица, не выбираются ли старшины, писаря и пр.? Если—да, то можно пожалѣть, что въ «спискѣ гласныхъ» не указано ихъ общественное положеніе въ моментъ избранія.

7-я глава «Памятной книжки» заключаетъ въ себѣ «Историко-статистическія свѣдѣнія о населенныхъ мѣстностяхъ конот. уѣзда». Свѣдѣнія о количествѣ населенія собраны управой (какимъ способомъ?) лѣтомъ 1890 г. Большинство поселеній конот. уѣзда относится къ 1-й половинѣ XVII в. (мы насчитали 27). 4 поселенія—ко 2-й половинѣ XVII в.; 8—къ XVIII в.; 3 поселенія встрѣчаются раньше XVII в. (Крапивная, Бахмачъ и д. Старая).

Въ концѣ «Памятной книжки» помѣщено духовное завѣщаніе М. О. Парпуры, завѣщавшаго по 16 т. на конотоп. повѣтов. училище, на черниговс. или новгородсѣвер. гимназіи и на харьковскій университетъ; кромѣ того 40 тыс. на конотопскую богадѣльню.

М. О. Парпура (1756—1828 гг.) былъ проф. харьков. университета. Онъ напечаталъ на свой счетъ въ 1798 г. «Энеиду» Котляревскаго, безъ согласія послѣдняго. Отвѣтомъ на это явилась извѣстная строфа въ «Энеидѣ»: «якусь особу *мацапуру*» и пр.

Н. В.

Новороссійскій календарь на 1891 годъ. Одесса 1890.

Областные и губернскіе календари съ научно-литературными прибавленіями — явленіе довольно распространенное въ настоящее время. До нынѣшняго года гор. Одесса не имѣлъ такого календаря въ теченіе 16 лѣтъ. Но первый опытъ изданія мѣстнаго календаря (на французскомъ и русскомъ языкахъ) сдѣланъ тамъ еще въ 1821 году. Съ 1835 г. онъ началъ издаваться на одномъ русскомъ языкѣ и усвоилъ себѣ настоящее свое названіе. До 1838 года онъ издавался при канцеляріи генералъ-губернатора, а затѣмъ при Ришельевскомъ лицеѣ, вплоть до 1865 г.; когда лицей былъ преобразованъ въ университетъ, а календарь сталъ издаваться снова при генералъ-губернаторской канцеляріи, что продолжалось до 1874 г., когда изданіе его прекратилось вплоть до настоящаго года; нынѣ оно возобновляется при городской публичной библіотекѣ, на средства городскаго управленія.

Согласно прежней программѣ, которая удержана безъ измѣненія настоящей редакціей календаря, послѣдній раздѣляется на 4 отдѣла. Первый заключаетъ въ себѣ собственно календарныя свѣдѣнія (стр. 1—68), второй—справочныя общія и мѣстныя (69—166), третій—новороссійскій адресъ-календарь, обнимающій губерніи херсонскую, таврическую, бессарабскую и екатеринославскую (стр. 168—320); четвертый отдѣлъ, съ особой пагинаціей (стр. 1—169) занятъ научно-литературными статьями по мѣстнымъ вопросамъ. Въ концѣ находимъ алфавитный указатель собственныхъ именъ, дополненія и поправки; дополненія эти занимаютъ 9 страницъ (I—IX). Несмотря на «дополненія» въ концѣ книги, адресъ-календарь далеко не полонъ. Такъ, въ немъ очень мало свѣдѣній по духовному и духовно-учебному вѣдомству, по мѣстнымъ обществамъ, благотворительнымъ и другимъ, по мѣстнымъ библіотекамъ и пр. Единственное пріятное исключеніе по полнотѣ свѣдѣній представляетъ гор. Одесса. Далѣе, попадаются свѣдѣнія устарѣлыя болѣе чѣмъ на полгода, между прочимъ въ «дополненіяхъ» мы нашли «ростовскій уѣздъ», давно при-

соединенный къ области донскаго войска; встрѣчаются важные пропуски, напр. елисаветградское реальное училище отсутствуетъ; бросается въ глаза довольно много опечатокъ въ фамиліяхъ, опечатокъ, не только не исправленныхъ, но повторяемыхъ и въ алфавитномъ указателѣ.

Литературный отдѣлъ состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) Библіографическая справка о Новороссійскомъ календарѣ, 2) Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго лицея—ст. П. Юрченка и В. Яковлева. 3) Опытъ программы-вопросника для собиранія географическо-историческихъ свѣдѣній по Новороссійскому краю, А. Матвѣева, и 4) Артезіанскіе колодцы въ Крыму, Н. Головкинскаго.

Въ первой статейкѣ, кромѣ свѣдѣній о календарѣ, извлеченныхъ нами въ началѣ нашего отзыва, находимъ и перечень научно-литературныхъ статей, напечатанныхъ въ немъ за прежніе годы.

Статья объ аббатѣ Николѣ отличается большою обстоятельностью. Она составлена г. Яковлевымъ на основаніи матеріала, оставшагося послѣ смерти мѣстнахо ученаго Юрченка и отчасти обработаннаго послѣднимъ,—на основаніи данныхъ, извлеченныхъ самимъ г. Яковлевымъ изъ архива Ришельевскаго лицея, хранящагося въ новороссійскомъ университетѣ, изъ устныхъ разсказовъ старожиловъ и печатныхъ статей. Изложеніе г. Яковлева довольно тяжелое и обременяется массою документальныхъ выписокъ; самыя интересныя страницы (61—84) представляютъ дословную перепечатку статей бывшаго воспитанника лицея Сумарокова.

Г. Матвѣевъ, авторъ напечатаннаго въ календарѣ «вопросника», извѣстенъ уже программами по географіи, этнографіи и археологіи, изданными имъ къ VI археологическому съѣзду въ Одессѣ. Нынѣ онъ проступаетъ къ переизданію своихъ программъ въ переработанномъ видѣ и для начала помѣщаетъ «вопросникъ» по физической географіи новороссійскаго края. Признаемся, мысль этого «вопросника» остается для насъ неясною и потому не знаемъ, какую практическую пользу можетъ онъ принести. Самъ авторъ упоминаетъ о существующихъ въ печати капитальныхъ трудахъ по физической географіи новороссійскаго края, таковы многотомные «Матеріалы для статистики и географіи Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба», «Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ.» изд. статистич. отдѣл. херсонск. губернск. земск. управы и пр. Чего желаетъ достигнуть своимъ «вопросникомъ» г. Матвѣевъ—не знаемъ. Правда, онъ говоритъ, будто первое изъ названныхъ изданій устарѣло, но въ чемъ

же? -конечно, не въ области физическаго землеописанія; второе новое (земское) изданіе, по справедливому замѣчанію г. Матвѣева, направлено къ спеціальной—оцѣночной цѣли, но къ сожалѣнію, онъ не указываетъ, какія стороны этого труда желательно пополнить. Словомъ, г. Матвѣевъ игнорируетъ прежніе труды и начинаетъ съ азовъ, будто Новороссійскій край—совсѣмъ невѣдомая страна,—адресуясь къ провинціаламъ—«не патентованнымъ ученымъ», въ ожиданіи отъ нихъ свѣдѣній о горныхъ лавинахъ, глетчерахъ и моренахъ (стр. 106), фіордахъ, польдерахъ (стр. 108), гейзерахъ (стр. 111) и проч. чудесахъ. Можно бы подумать, что г. Матвѣевъ не пробѣлы намѣренъ пополнять въ прежнихъ трудахъ, а собрать вообще болѣе точныя, болѣе детальныя свѣдѣнія о новороссійскомъ краѣ (если бы была указана и доказана неполнота или неточность прежнихъ трудовъ). Но въ такомъ случаѣ непонятно предпочтніе, оказываемое имъ «не патентованнымъ ученымъ», тѣмъ менѣе это понятно, что и самъ онъ признаетъ, напр., что при настоящемъ состояніи метеорологіи только спеціалисты могутъ дать цѣнные матеріалы о климатѣ страны и что его программа по климатологіи не удовлетворительна по своей элементарности и краткости. Тоже слѣдуетъ сказать (въ большей или меньшей мѣрѣ) и о всей программѣ-вопросникѣ вообще.

Статья г. Головкинскаго ничего оригинальнаго въ себѣ не заключаетъ. И такъ, привѣтствуя возрожденіе Новороссійскаго календаря, пожелаемъ ему совершенствованія и успѣха.

В. Ястребовъ.

Историческій очеркъ Петровскаго полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890). По оффиціальнымъ даннымъ составилъ И. Ф. Павловскій. Полтава. 1890. Стр. 183+113+VIII.

50 лѣтъ жизни русскаго учебнаго заведенія—періодъ большой: стоитъ оглянуться назадъ. Нельзя, по этому, не сочувствовать мысли къ этому времени составлять «Историческія очерки» учебныхъ заведеній. При этомъ, конечно, желательно, чтобы «очерки» эти не носили характера оффиціальныхъ записокъ, не касались одной только внѣшней исторіи учебнаго заведенія и оффиціальнаго проявленія его дѣятельности, а затрогивали бы внутреннюю жизнь заведенія, учащихся, такъ какъ училища существуютъ для нихъ только, и ихъ жизнь за время пребыванія въ заведеніи составляетъ жизнь, исторію самого заведенія.

6 декабря 1890 г. праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего существованія полтавскій корпусъ. Въ связи съ этимъ событіемъ находится и появленіе книги г. Павловскаго, заглавіе которой выписано выше.

Корпусъ въ Полтавѣ открытъ въ 1840 г. на деньги пожертвованныя дворянами. Цѣлью его учрежденія было — «дать возможность молодымъ дворянамъ воспитываться для военной службы вблизи ихъ семействъ» (стр. 10). За 50 лѣтъ корпусъ пережилъ три періода: сначала въ видѣ кадет. корпуса (1840—1865), затѣмъ военной гимназіи (1865—1882), а въ 1882 г. опять воротились къ старому. Сообразно съ этимъ и трудъ г. Павловскаго распадается на три части; состоитъ же онъ вообще изъ II главъ; въ концѣ приложенъ списокъ окончившимъ полтавскій корпусъ.

Мы затрудняемся сказать, какая изъ частей труда г. Павловскаго заслуживаетъ большаго вниманія и интереса. Трудъ его совершенно противорѣчитъ желанію, высказанному нами раньше. Онъ является, въ сущности, очеркомъ внѣшней исторіи корпуса, при чемъ авторъ иногда вдается въ ненужныя и ни для кого неинтересныя подробности. Мы не понимаемъ, напр., къ чему автору потребовалось описаніе церемоніала открытія корпуса съ приведеніемъ цѣликомъ очень блѣдной рѣчи преосвящ. Гедеона, разъ уже напечатанной. Еще больше насъ поражаютъ неумѣстныя изысканія объ авторахъ портретовъ Петра (стр. 20—24). Жаль потеряннаго авторомъ времени.... А между тѣмъ внутренняя исторія корпуса, исторія кадетъ отсутствуетъ.

Сознаемся, такую исторію корпуса написать труднѣе. Но намъ кажется, что въ этомъ отношеніи г. павловскій врядъ ли можетъ пожаловаться на безпорядочность полтавскаго корпуснаго архива. Сомнѣваемся, чтобы въ архивѣ не находилось, хоть съ 60-хъ годовъ, свѣдѣній о поступившихъ выпущенныхъ, оставшихся, исключенныхъ штрафованныхъ и пр. Общіе же итоги г. Павловскій нашелъ возможность подвести! (Прил. стр. 93). Такія свѣдѣнія—факты гораздо болѣе освѣщаютъ дѣло, чѣмъ слова «приказовъ». Въ книгѣ г. Павловскаго мы не нашли, напр., подробныхъ указаній даже о библіотекѣ. На стр. 132 говорится о какихъ то возрастныхъ библіотекахъ, въ 1875 г. (почему не въ 1890?) достигшихъ до 1666 том., но неужели забота о чтеніе кадетъ проявилась только въ 1866 г., неужели раньше не существовало библіотекъ? Отчего мы ни слова не встрѣчаемъ объ учебныхъ пособіяхъ, кабинетахъ и пр., неужели ихъ въ корпусѣ

не существуетъ? Изъ книги г. Павловскаго мы вообще вынесли самое смутное представленіе, что такое есть и былъ полтавскій корпусъ, какъ *учебное* заведеніе.

Воспитательная сторона остается также неясной. «Приказы» даютъ въ этомъ отношеніи мало, особенно въ томъ видѣ, какъ приводитъ большинство ихъ г. Павловскій, называя только заглавія. Мы знаемъ, напр., и безъ г. Павловскаго, что въ 50-хъ годахъ въ корпусахъ существовали тѣлесныя наказанія, но за какія проступки, какъ часто—это важно, а между тѣмъ авторъ объ этомъ то намъ ничего и не говоритъ. Даже такіе факты, какъ корпусныя недоразумѣнія конца 50 и начала 60-хъ годовъ (стр. 85 и слѣд.) изложены до того темно, что нѣтъ никакой возможности составить о нихъ понятіе. Авторъ говоритъ между прочимъ о «новыхъ вѣяніяхъ» бывшихъ въ обществѣ и проникшихъ въ среду молодежи. Мы съ любопытствомъ искали въ его книгѣ фактовъ въ подтвержденіе этого, но не нашли ни одного. Приводить же фактъ отказа идти на урокъ географіи въ 1859 году въ связь съ великими вѣяніями того времени, какъ дѣлаетъ г. Павловскій, врядъ ли справедливо...

Въ разбираемомъ нами трудѣ вообще очень много недомолвокъ, и непослѣдовательностей. Поэтому даже тѣ личности, которыхъ г. Павловскій хотѣлъ бы выдвинуть, являются у него тускло или неправильно образованными. Нашъ авторъ говоритъ напр., что «авторитетъ протоіерея Катранова былъ великъ среди учащихся» (стр. 133) и въ доказательство этого приводитъ слова оффиціальнаго отчета. Г. Павловскому, какъ учителю, меньше всего можно было въ данномъ случаѣ полагаться на «отчеты», а слѣдовало поискать фактовъ проявленія силы авторитета Катранова. Очень часто лица, имѣющіе дѣйствитльный авторитетъ среди учащихся, совсемъ не попадаютъ въ оффиціальные отчеты, и наоборотъ, потому у читателя невольно зарождается сомнѣніе. Тоже и относительно директора г. Симашки. Мы не думаемъ отрицать его полезной дѣятельности для полтавскаго корпуса; но отчего же его дѣятельность очерчена только на основаніи «приказовъ» 1866 — 1872 гг., тогда какъ дѣятельность г. Симашки въ Полтавѣ продолжалась до 1883 г.? При такой недосказанности дѣятельность этого педагога дѣлается неясной, и у безпристрастнаго даже человѣка можетъ явиться предположеніе, о замалчиваніи фактовъ.

Въ первое время дѣятельность г. Симашка чрезвычайно симпатична. Г. Симашко ревностно относился къ своей обязанности:

видна забота его о развитіи мальчиковъ, поднятіи личности забитаго кадета. Къ этому же времени относится и интересный фактъ— устройство однимъ изъ воспитателей самосуда между кадетами-товарищами. Г. Павловскій не симпатизируетъ этому факту и, къ сожалѣнію, не сообщаетъ никакихъ подробностей, называя его увлеченіемъ со стороны воспитателя (стр. 130).

Вообще мнѣнія г. Павловскаго отличаются иногда большой наивностью. Какъ доказательство, напр., довѣрія семьи къ школѣ при директорѣ Симашкѣ нашъ авторъ приводитъ, по его мнѣнію *курьезъ*, а по нашему печальный фактъ, какъ одна «бѣдная женщина, обремененная большой семьей, при скудной пенсіи» (стр. 118) просила не исключать ея сына, а высѣчь, причемъ представляла подписку, засвидѣтельствованную городничимъ, что претензіи она и больной ея мужъ имѣть не будутъ. Мы съ грустью прочли этотъ фактъ, намъ извѣстны такіе факты и въ классическихъ гимназіяхъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Они вовсе не свидѣтельствуютъ о довѣріи семьи къ школѣ, а являются тѣмъ печальнымъ компромиссомъ, въ который часто приходится становиться семьѣ съ нашей школой, которая ко всѣмъ примѣняетъ одинаковыя правила, мало сообразуясь съ умомъ, развитіемъ, пониманіемъ ребенка.

«Историческій очеркъ полтавскаго корпуса» можетъ быть интересенъ какъ памятная книжка для бывшихъ воспитанниковъ его. Мы же разсматривали книгу, какъ «матеріалъ для исторіи военно-учебнаго дѣла въ Россіи» (стр. 6) и съ этой точки зрѣнія она мало удовлетворила насъ. Историку полтавскаго корпуса трудъ г. Павловскаго дастъ мало.

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 1.— Русская Мысль № 1.— Русская Старина № 1.— Историческій Вѣстникъ № 1. — Сѣверный Вѣстникъ № 1. — Наблюдатель № 1. — Русское Обозрѣніе № 1.—Русскій Архивъ № 1.

Вѣстникъ Европы I. 1891 г. Во внутреннемъ обозрѣніи--замѣтка по поводу циркуляра г. черниговскаго губернатора въ волостныя правленія о своевременной выдачѣ паспортовъ (стр. 388—389).

Краткій некрологъ Г. П. Данилевскаго— автора многихъ произведеній изъ жизни и быта юга Россіи (стр. 481—482).

Русская Мысль I. 1891. Въ отдѣлѣ библіографіи: рецензія книги: «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. 3-я и 4-я» съ указаніемъ на многія доклады, касающіяся южно-русской исторіи гг. Антоновича, Завитневича, Лучицкаго, Владимірскаго-Буданова, Ясинскаго и др. (стр. 13—14).

Краткій разборъ брошюры: «Что даютъ и что могутъ дать подворныя описи. Черниговъ. 1890 г.» Шликевича, извѣстнаго дѣятеля по земской статистикѣ (стр. 41).

Русскій Вѣстникъ I. 1891. Ялагинъ. «Литературно-критическіе очерки». Нѣсколько замѣчаній по поводу «Переписки» и «Авторской исповѣди» Гоголя (стр. 323—326).

Русская Старина I. 1891. «Дневникъ Александра Васильевича Никитенко»—упоминается о встрѣчахъ съ Н. И. Костомаровымъ (стр. 41, 53, 83), вкратцѣ говорится о безпорядкахъ въ петербургскомъ университетѣ и объ отмѣнѣ актовой рѣчи Костомарова (стр. 44—45); дѣлаются неясныя указанія на какія то непріятности со стороны студентовъ кіевскаго университета по адресу Пирогова (стр. 79). Замѣтка И. М. Третьякова и редакціи о 3-хъ существующихъ портретахъ Н. В. Гоголя (стр. 225—226).

Историческій Вѣстникъ I. 1891. Некрологъ Григорія Петровича Данилевскаго, уроженца харьковской губерніи, извѣстнаго беллетриста, бравшаго сюжетомъ многихъ изъ своихъ произведеній исторію и жизнь Украины (стр. 261—304).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1891 годъ. БИБЛІОГРАФЪ годъ VII.

ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ (12 №№ ВЪ ГОДЪ).

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. рекомендованъ для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; теорія и практика библіографіи; прикладныя библіографич. знанія; библіотечное, издательское и книжно-торговое дѣло прежде и теперь.

Отд. 2-й. (справочный). Лѣтопись русскаго книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія (хроника) и объявленія.

Съ основанія „Библіографа" въ немъ принимали участіе: В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, А. Е. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, I. I. Змигродзкій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, А. I. Малеинъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. отдѣльно нумеръ 50к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; ³/₄ стран.—6 р. 50 к.; ¹/₂ стран.—4 р. 50 к.; ¹/₄ стран.—2 р. 50 к.; ¹/₈ стран.—1 р. 50 к

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени"—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій) просп., д. № 7, кв. № 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библіографа" за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1. Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 к. 2. Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц 40 коп. 3. Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографическій указатель произведеній Сѣрова. II. Библіографическій указатель литературы о Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 р. за вып. 4. Библіографич. списокъ литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

2—3 Редакторъ *Н. М. Лисовскій.*

Открыта подписка на 1891 г. на издающійся безъ предварительной цензуры ежемѣсячный журналъ

„ВОСХОДЪ"

И ГАЗЕТУ

„НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА".

Въ 1891 году журналъ „Восходъ" и газета „Недѣльная Хроника Восхода" вступаютъ въ одиннадцатый годъ своего существованія.

Десятилѣтняя дѣятельность „Восхода", надѣемся, настолько выяснила его цѣли и задачи, равно какъ и способы ихъ осуществленія, что едва ли теперь предстоитъ надобность въ болѣе обстоятельномъ ихъ разъясненіи.

Въ журналѣ помѣщаются: романы, повѣсти, драмы, разсказы, очерки, стихотворенія, оригинальные и переводные; статьи историческія, статьи по общест-

веннымъ и экономическимъ вопросамъ; статьи по исторіи литературы и культуры; біографіи, критика и библіографія.

Газета посвящена текущимъ внутреннимъ и внѣшнимъ событіямъ, и въ ней по прежнему будутъ помѣщаться:

I. Передовыя статьи: обзоръ выдающихся событій за недѣлю. — II. Небольшія статьи по разнымъ текущимъ вопросамъ.—III. Отголоски печати.—IV. Оффиціальныя извѣстія.—V. Петербургская лѣтопись.—VI. Внутренняя хроника, корреспонденціи, сообщенія и газетныя извѣстія изъ разныхъ пунктовъ Россіи.—VII. Заграничная хроника: корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ заграничныхъ центровъ.—VIII. Замѣтки литературныя, библіографическія, художественныя и т. д.—IX. Фельетонъ: юмористическіе очерки и замѣтки.—X. Объявленія.

Въ „Восходѣ" и „Недѣльной хроникѣ" принимали участіе:

Абрамовичъ М. С., Бершадскій С. А. (профессоръ), Бердяева Елена, Берхинъ I., Блюменфельдъ Г. Ф., Бенъ-Ами, Богровъ Г. И., Вейнбергъ П. И., Ватсонъ Э. К., Вербовъ А., Волынскій А. Л., Гаркави А. Я., Градовскій Г. К., Гордонъ Л. О., Горвицъ М. И. (проф.), Грузенбергъ С. О., Дубновъ С. М., Каминка А. И., Коршъ В. Θ., Кайзерлингъ д-ръ, Канторъ Л. О., Кулишеръ М. И., Лазаревъ М. Н., Леванда Л. О., Левенсонъ П. Я., Лякубъ П. М., Лиліенблюмъ М. Л., Лифшицъ Г. Г. (Гершонъ-б.-Гершонъ), Минскій Н. М., Манасевичъ Ю. В., Моргулисъ М. Г., Мордовцевъ Д. Л., Мышъ М. И., Мандельштаммъ I. Е., Мережковскій Д., Никитинъ В. Н., Оршанскій М. О., Онуфровичъ А. И., Песковскій М. Л., Петръ Шлемиль (Д. Л. Слонимскій), Позняковъ Н. И., г-жа Р.-Хинъ (псевдонимъ), Ромбро Я. С., Рубакинъ Н. А., Рускинъ Л. (Н. Н. Фирсовъ), Русскій (псевдонимъ), Сементковскій Р. И., Скрипицынъ В. А., Станиславскій С. М., Фругъ, С. Г., Фофановъ К. М., Цедербаумъ А. А., Шафиръ М. П., Штейнбергъ О. Н., Ярошевскій С. О. и другіе.

Цѣна на годъ журнала „Восходъ" и газеты „Недѣльная хроника Восхода" 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ 2—слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 3 и 2 а, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

2—3 Редакторъ-издатель А. Ландау.

Открыта подписка на 1891 г. на

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ЕЖЕДНЕВНУЮ

Политическую, Литературную, Экономическую и Коммерческую газету.

Вступая въ 65-й годъ своего существованія, „Одесскій Вѣстникъ и въ предстоящемъ году, какъ всегда, останется вѣренъ своимъ традиціямъ — быть точнымъ отраженіемъ общественно-экономическихъ интересовъ южно-русск. края

Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" ежедневно помѣщаются:

1. Телеграммы общія.
2. Телеграммы коммерческія.

3. Передовыя статьи по внутрен. и иностран. политикѣ.
4. Газетное обозрѣніе.
5. Маленькая хроника (фельетон. замѣтки на злобы дня).
6. Внутреннія извѣстія.
7. Иностранныя извѣстія.
8. Мѣстная хроника (Одесская и Южно-русск. края).
9. Корреспонденціи (русскія и заграничныя).
10. Искусство и Литература.
11. Судебная хроника (общихъ и военн. судовъ).
12. Отголоски (летучія замѣтки по разн. предметамъ).
13. Смѣсь и Разныя извѣстія.
14. Фельетонъ (литературн., научный, беллетристическій и др.).
15. Торговыя свѣдѣнія.
16. Справочный отдѣлъ.

Для иллюстраціи статей объ особо выдающихся лицахъ или фактахъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" печатаются *портреты* и *рисунки*, относящіеся къ событіямъ дня.

Составъ сотрудниковъ въ предстоящемъ году будетъ значительно пополненъ, въ особенности по части беллетристики и вообще фельетоннаго отдѣла.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для иногороднихъ съ пересылкой и въ Одессѣ съ доставкой:		Въ Одессѣ безъ доставки:	
на 12 мѣсяцевъ	12 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.
„ 6 „	7 „ — „	„ 6 „	6 „ — „
„ 3 „	3 „ 75 „	„ 3 „	3 „ 30 „

Всѣ новые подписчики „Одесскаго Вѣстника" на 1891 г., подписавшіеся на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, получатъ и всѣ нумера за 1890 г., со дня ихъ подписки.

Разсрочка подписной платы допускается для годовыхъ подписчиковъ по третямъ года, со взносомъ по 4 руб. не позже 1-го января, 1-го апрѣля и 1-го сентября.

Кредитъ допускается: для частныхъ лицъ по соглашенію съ редакціею, а для лицъ, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, за поручительствомъ ихъ казначеевъ.

Иногородніе благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію: Одесса, Ремесленная ул., д. № 5.

Редакторъ *М. Арнольдъ*. Издатель *В. Кирхнеръ*.

2—3

Подписка на 1891 годъ на

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ

XVI-й годъ изданія

выходитъ ежедневно, за исключеніемъ послѣпраздничныхъ дней.

Имѣя въ виду главнымъ образомъ интересы областные и, занимаясь по мѣрѣ силъ и возможности разработкой вопросовъ мѣстныхъ, газета тѣмъ не менѣе

слѣдить за всѣми выдающимися явленіями общественной и государственной жизни нашей страны и за политической дѣятельностью нашихъ сосѣдей, стараясь своевременно дать читателю матерьялъ, могущій, какъ мы полагаемъ, интересовать всякого просвѣщеннаго человѣка.

Считаемъ необходимымъ повторить свое обѣщаніе: служить только обществу, его нуждамъ и интересамъ и не давать мѣста ни узконаціональнымъ, ни сословнымъ, ни партійнымъ предубѣжденіямъ.

Такъ же какъ и въ истекшемъ году особымъ вниманіемъ газеты нашей будутъ пользоваться вопросы, касающіеся нашего земства, общественнаго самоуправленія Елисаветграда, окрестныхъ городовъ и крестьянскихъ общинъ. Свѣдѣнія по сельскому хозяйству и отчеты о состояніи и результатахъ урожаевъ будутъ у насъ помѣщаться спеціалистами по сельскому хозяйству. Кромѣ того въ газетѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ помѣщаться фельетоны, разсказы, переводныя повѣсти, новости науки, литературы и искусства и проч

Телеграфныя извѣстія даются подписчикамъ г. Елисаветграда и его окрестностей на два дня или, во всякомъ случаѣ, на одинъ день раньше, чѣмъ другими газетами.

Будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы своевременно давались читателю торговыя свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ на крупныхъ рынкахъ и о курсахъ. Въ газетѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ мѣстномъ окружномъ судѣ и мировомъ съѣздѣ и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ (12 мѣсяцевъ)	6 р. — к.	На годъ (12 мѣсяцевъ)	7 р. 20 к.
На 6 мѣсяцовъ	3 „ 50 „	На 6 мѣсяцевъ	4 „ 20 „
На 3 мѣсяца	2 „ — „	На 3 мѣсяца	2 „ 40 „
На 1 мѣсяцъ	— „ 70 „	На 1 мѣсяцъ	— „ 85 „

Контора газеты по углу Большой Перспективной и Петровской ул. д. Пржигодскаго, открыта ежедневно съ 9-ти до 2-хъ час. пополудни и съ 5-ти до 8-ми час. вечера, а въ праздники съ 10-ти до 2-хъ час. пополудни.

Редакція газеты открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 6-ти до 8-ми час. пополудни.

2—3 Редакторъ-издатель *М. К. Хоромансгій.*

Открыта подписка на **1891 годъ** на иллюстрированную, литературную, общественную и политическую газету

ЗАРЯ,

которая будетъ выходить съ 1-го января 1891 г., вмѣсто „Газеты А. Гатцука“, еженедѣльно, въ случаѣ же надобности по два раза въ недѣлю, въ объемѣ 2—3 л. въ каждомъ №, съ рисунками, портретами и картинами.

Съ ежемѣсячными книжками приложеній,

которыя представятъ собою какъ бы отдѣльный ежемѣсячный журналъ. Въ книжкахъ „Зари“ будутъ помѣщаемы не только беллетристическія произведенія, но также и научныя, публицистическія и критическія статьи по общей программѣ всѣхъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Съ 1890 года изданіе „Газеты А. Гатцука“, какъ извѣстно, перешло въ другія руки, и направленіе этой газеты въ теченіи истекшаго года выяснилось съ

надлежащею полнотою. Тому же направленію будетъ слѣдовать и газета „Заря“, которая не будетъ служить, какъ другія иллюстрированныя изданія, ни украшеніемъ гостиныхъ, ни матеріаломъ для развлеченія въ часы празднаго досуга. „Заря“ имѣетъ совсѣмъ иныя задачи. Во всѣхъ своихъ отдѣлахъ она будетъ стремиться внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущею жизнью вопросамъ, ко всему, что день за днемъ совершается какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всемъ мірѣ. Редакція „Зари“ обратитъ особенное вниманіе на отдѣлы внутренній и политическій, составъ и направленіе которыхъ извѣстны русской читающей публикѣ по изданію „Газеты А. Гатцука“ за 1890 годъ. Говорить одну только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилія, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства—такова должна быть, по мнѣнію редакціи, программа русскаго органа печати, желающаго сослужить свою службу русскому государству, русскому обществу и русскому народу. При сравнительно низкомъ уровнѣ общественнаго самосознанія, при малочисленности интеллигентныхъ силъ и при другихъ условіяхъ нашей современной общественной жизни, печать въ Россіи поставлена въ совершенно исключительныя условія: она является единственной почти каѳедрой живаго слова, единственной выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. Русская печать еще должна учить, должна идти впереди общественныхъ теченій, должна проливать лучи свѣта въ вѣковую тьму, пробивая ими толстую кору невѣжества и предразсудковъ.

По мѣрѣ силъ и возможности, „Заря“ будетъ служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта,—часъ, въ который дѣйствительная заря просвѣщенія освѣтитъ русскую землю.

Въ каждомъ № „Зари“, кромѣ текущаго матеріала, будутъ печататься два-три беллетристическія произведенія (романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія драматическія произведенія), статьи по отдѣльнымъ вопросамъ, фельетонъ, научная хроника (новыя открытія и изобрѣтенія) и пр.

Въ числѣ двѣнадцати книгъ приложеній редакціей будутъ изданы (послѣ 15-го іюля 1891 г., т. е. по истеченіи срока на право литературной собственности)

сочиненія М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ четырехъ томахъ съ роскошными иллюстраціями.

По установившемуся для иллюстрированныхъ изданій обычаю, годовымъ подписчикамъ на „Зарю“ будетъ выдана

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ,

причемъ редакція дѣлаетъ первый опытъ—давать въ премію не олеографію, т. е. не печатную картину, а картину, писанную на полотнѣ масляными красками, на выборъ изъ слѣдующихъ четырехъ картинъ: 1) **ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ**, (пейзажъ), 2) **ЗИМА** (пейзажъ), 3) **ЛУННАЯ НОЧЬ** и 4) **НА РѢКѢ** (пейзажъ).

Подписная цѣна на газету „ЗАРЯ“ съ ежемѣсячными книгами и со всѣми приложеніями, съ пересылкой и доставкой:

на годъ 6 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 1 р. 50 к. За границу на годъ 10 р., на полгода 5 р.

Художественная премія высылается только годовымъ подписчикамъ, причемъ какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики желающіе получить эту премію,

прилагаютъ къ подписной цѣнѣ 2 р. Желающіе получить двѣ, три и болѣе масляныхъ картинъ доплачиваютъ за первую картину 2 р., за слѣдующія по 3 руб.

Годовые подписчики могутъ получить, въ качествѣ художественной преміи, вмѣсто писанной картины, большую олеографію на выборъ изъ слѣдующихъ семи картинъ: 1) **СѢНОКОСЪ**, худ. Сергѣева, 2) **НА ПАСТБИЩѢ**, худ. Сергѣева, 3) **ОБИЛЬНЫЙ УРОЖАЙ** (крестный ходъ), худ. Мещерскаго, 4) **ТРОЙКА**, худ. Сверчкова, 5) **ДУБОВАЯ АЛЛЕЯ**, худ. бар. Клодта, 6) **ВЕЧЕРЪ НА ХУТОРѢ**, худ. Сергѣева и 7) **ПОѢЗДЪ СТОИТЪ 3 МИНУТЫ**, худ. Сергѣева. За картину-олеографію доплачивается къ подписной цѣнѣ 1 р.; лица, желающія получить нѣсколько такихъ картинъ, доплачиваютъ за первую 1 рубль, за слѣдующія по 2 рубля.

Всѣ требованія адресуются: въ главную контору газеты „Заря“,— Москва, Петровка, д. Кред. Общ., при типографіи И. И. Родзевича.

2—3

Открыта подписка на самую дешевую и распространенную изъ большихъ южныхъ газетъ

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

Газета политическая, литературная, общественная и коммерческая.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Выпавшій на долю нашей газеты успѣхъ, непрерывно возроставшій со времени перехода изданія въ наши руки, даетъ намъ основаніе надѣяться, что и въ будущемъ году избранное нами направленіе и твердая рѣшимость избѣгать всего того, что носитъ характеръ личной полемики, найдетъ сочувствіе среди читателей.

Поставивъ себѣ главною цѣлью — служеніе общимъ краевымъ интересамъ, мы открыли цѣлый рядъ отдѣленій, съ помощью которыхъ мы вступили въ непосредственныя сношенія съ различными пунктами Юга. Распространеніе, достигнутое нашимъ изданіемъ въ краѣ, свидѣтельствуетъ о сочувствіи общества къ нашей дѣятельности, что придаетъ намъ еще большую энергію къ выполненію поставленныхъ нами задачъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространенность нашей газеты въ самой Одессѣ также доказываетъ, что она въ должной мѣрѣ удовлетворяетъ и мѣстнымъ интерессамъ.

Что же касается до внѣшняго вида газеты, то мы улучшили бумагу, обновили типографію, и пріобрѣли новый шрифтъ.

Подписная цѣна на 1891 годъ:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На 1 годъ	7 р. 20 к.	На одинъ годъ	8 р. — к.
„ 6 мѣсяц.	4 р. 50 к.	„ 6 мѣсяц.	5 р. — к.
„ 3 „	2 р. 50 к.	„ 3 „	2 р. 75 к.
„ 1 „	— р. 90 к.	„ 1 „	1 р. — к.

За-границу доплачивается по 60 коп. въ мѣсяцъ.

Разсрочка допускается только для подписавшихся чрезъ главную контору.

Подписка принимается:

Въ Одессѣ: въ главной конторѣ—Ланжероновская ул. (въ Пале-Роялѣ), собственный домъ.

Въ отдѣленіи конторы—Пушкинская ул., д. № 11.

Въ отдѣленіи конторы на Молдаванкѣ—Прохоровская ул., домъ № 11.

Въ отдѣленіи конторы на Пересыпи—Московская, д. № 37.

Отдѣленія наши находятся:

Въ Херсонѣ — магазинъ А. Медвѣдовскаго, Суворовская улица, домъ Финкельштейна.

Въ Кременчугѣ—у Александра Давидовича Клейфа.

Въ Полтавѣ—книжный и писчебумажный магазинъ С. М. Шилянскаго.

Въ Харьковѣ—въ редакціи „Харьковскихъ губернскихъ Вѣдомостей,—у В. С. Лапидуса.

Въ Николаевѣ—контора Фефербойма.

Въ Кишиневѣ—книжный магазинъ Шаха.

Въ Аккерманѣ—магазинъ Д. М. Асвадурова, Николаевская улица.

Въ Екатеринославѣ—книжный магазинъ Шафермана, Екатерининскій проспектъ.

Въ Елисаветградѣ—у г. Розенберга, Большая улица, домъ Капона.

Въ Балтѣ—магазинъ И. Барскаго, уголъ Соборной и Тюремной.

Въ Бендерахъ—магазинъ Бота.

Въ Вознесенскѣ—Купеческая ул., д. Ф. Ланцмана, кв. В. Айзикевичъ.

Въ Винницѣ—магазинъ Л. Красносельскаго, по Почтовой улицѣ.

Въ Могилевѣ-Подольскомъ—топографія Б. Г. Кваши, Владимірская ул.

Въ Александріи—у г. Бруднаго

Въ Бердянскѣ—у А. Е. Цвибака, Воронцовская улица, домъ Никитина.

Въ Тирасполѣ—у г. Гринштона.

Въ Измаилѣ—въ агентствѣ страховаго общества „Надежда", у г. Гамшіевича.

Въ Керчи—кв. Н. Н. Мазуренко, Строгоновская ул., домъ Головина.

Въ Ялтѣ—магазинъ Синани.

Въ Севастополѣ—магазнъ Шишмана.

Въ Симферополѣ—у г. Бродскаго.

Въ Маріуполѣ—у М. Н Фалькевича.

Въ Житомірѣ—у М. С. Грановскаго.

Въ Проскуровѣ—у г. Гершенцвита.

Въ Умани—у г. Грановскаго.

Въ Липовцѣ (кіевской губ.)—у г. Очеретянскаго.

Редакторъ Е. Попандопуло. Редакторъ-Издатель А. Старковъ.

2—3

Дозволено ценз. Кіевъ, 13-го февраля 1891 г.